

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИНСАЙД

ЗБИГНЕВ
БЖЕЗИНСКИЙ

УКРАИНСКИЙ
ШАНС ДЛЯ РОССИИ

Збигнев Казимеж
Бжезинский

Украинский шанс для России

Збигнев Бжезинский – патриарх американской политики, один из ведущих идеологов внешнеполитического курса США, автор книги «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы». Он долгое время занимал значительные должности при нескольких президентах США, а еще, по некоторым сведениям, был (а возможно, и остается) масоном ложи «Бнай-Брит» (Сыны Завета), которая играет значительную роль в событиях на международной арене.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны наиболее значительные выступления, статьи, интервью З. Бжезинского за последние два года. В них он оценивает политику Владимира Путина, в том числе по отношению к Украине. По мнению Бжезинского, «территориальные претензии Путина положили конец четверти века конструктивных отношений между США и Россией». США должны «объяснить» Путину, что Украину трогать не надо, поскольку они имеют там свои интересы. В стратегическом плане Бжезинский видит «в независимой демократической Украине более благоприятную будущую перспективу также и для России».

Комментарий к сборнику дает известный исследователь американской геополитики профессор Виталий Поликарпов.

Украинский шанс для России: [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский
Алгоритм
Москва
2015

Вместо предисловия

В 2014 году произошли различные события, ознаменовавшие окончание периода, который наступил после холодной войны: вторжение России на Украину и присоединение Крыма, хаос в Ираке и Сирии, укрепление морского влияния Китая. После холодной войны мир постепенно переходил от противостояния между двумя сверхдержавами к новому, более сложному мировому порядку...

Несомненно, существует опасность, что президент Владимир Путин вызовет крупномасштабный мировой кризис и начнет новую прямую войну между Востоком и Западом. Последствия такого развития ситуации предугадать невозможно, но в любом случае Россия серьезно пострадает.

Еще один вопрос заключается в том, сможет ли администрация Путина устоять на фоне низких цен на энергоносители и западных санкций. Если темпы развития российской экономики продолжают замедляться, к каким рискам это приведет?

Существует несколько способов решения проблемы на случай, если российская экономика продолжит оставаться в кризисе, и Запад сможет подавлять ответные действия России. Один из них – сформулированная мной концепция «финляндизации Украины». Финляндия является частью Запада – политически, социально, культурно – но в то же время поддерживает хорошие отношения с Россией и не является членом НАТО.

Реализация этой концепции будет находиться в прямой зависимости от мощной поддержки Запада в отношении действий Украины по стабилизации обстановки в стране.

Я не думаю, что сейчас для США настал «период отступления», как после войны во Вьетнаме. Правда, скорее, заключается в том, что в результате глобального перераспределения сил США перестали быть гегемоном. Они должны признать, что мир стал намного сложнее.

Однако и Россия также не может достигнуть успехов в отношении своего будущего и процветания своих граждан без тяготения к более близким отношениям с Европой. Если она этого не сделает, она превратится в пустое пространство. Демографический кризис крайне серьезен, люди стареют. Рядом идет драматический рост Китая. Но Россия не сможет двигаться к Европе, пока думает о себе как об империи.

Сейчас ясно, что судьба России больше не подразумевает контроля над половиной мира. Скорее вопрос стоит так: как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте растущего Востока и, пусть и сбитого с толку, но более богатого Запада. И именно поэтому западная политика подбадривания Украины к тесным связям с ЕС является критически важной предтечей стимулирования России к как можно более близкому вовлечению в Запад.

Пример Украины рано или поздно повлияет и на Россию. Она повернется к Европе и откажется от своего «наивного» проекта по воссозданию былой империи.

Ассимиляция России

Россия – «черная дыра»

Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию «черной дыры» в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли. Крах Советского Союза стал заключительным этапом постепенного распада мощного китайско-советского коммунистического блока, который за короткий промежуток времени сравнялся, а в некоторых зонах даже превзошел границы владений Чингисхана. Однако более современный трансконтинентальный евроазиатский блок просуществовал недолго; уже отпадение от него Югославии Тито и неповиновение Китая Мао свидетельствовали об уязвимости коммунистического лагеря перед лицом националистических устремлений, которые, как оказалось, сильнее идеологических уз. Китайско-советский блок просуществовал около десяти, Советский Союз – примерно 70 лет.

Однако в геополитическом плане еще более значительным событием явился развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы. Распад этой империи был ускорен общим социально-экономическим и политическим крахом советской системы, хотя большая часть ее болезней оставалась затушеванной почти до самого конца благодаря системе секретности и самоизоляции. Поэтому мир был ошеломлен кажущейся быстротой саморазрушения Советского Союза. В течение всего лишь двух недель декабря 1991 года сначала о роспуске Советского Союза демонстративно заявили главы республик России, Украины и Белоруссии, затем официально он был заменен на более неопределенное образование, названное Содружеством Независимых Государств, объединившим все советские республики, кроме балтийских; далее советский президент неохотно ушел в отставку, а советский флаг был спущен с башни Кремля; и наконец, Российская Федерация – в настоящее время преимущественно русское национальное государство с общей численностью населения в 150 миллионов человек – появилась на арене в качестве преемницы де-факто бывшего Советского Союза, в то время как остальные республики – насчитывающие еще 150 миллионов человек – утверждали в разной степени свои права на независимость и суверенитет.

Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство. В течение 14 дней россияне, которые вообще-то даже меньше были осведомлены, чем внешний мир, о приближающемся распаде Советского Союза, неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией – в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом – приблизительно в 1600 году, сразу же после царствования Ивана Грозного. Потеря Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство тревоги в связи с потенциальной мусульманской проблемой; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества. Пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских, теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 миллиона человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 миллиона. Их жизнеспособность представлялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой. Исторический шок, который испытали русские, был усилен еще и тем, что примерно 20 миллионов человек, говорящих по-русски, в настоящее время постоянно проживают на территории иностранных государств, где политическое господство

находится в руках все более националистически настроенных элит, решивших утвердить свою национальную самобытность после десятилетий более или менее принудительной русификации.

Крах Российской империи создал вакуум силы в самом центре Евразии. Слабость и замешательство были присущи не только новым, получившим независимость государствам, но и самой России: потрясение породило серьезный кризис всей системы, особенно когда политический переворот дополнился попыткой разрушить старую социально-экономическую модель советского общества. Травма нации усугубилась военным вмешательством России в Таджикистане, обусловленным опасениями захвата мусульманами этого нового независимого государства, но в еще большей степени она была обострена трагическим, кровавым, невероятно дорогим, как в политическом, так и в экономическом плане, вторжением России в Чечню. Самым болезненным в этой ситуации является осознание того, что авторитет России на международной арене в значительной степени подорван; прежде одна из двух ведущих мировых сверхдержав в настоящее время в политических кругах многими оценивается просто как региональная держава «третьего мира», хотя по-прежнему и обладающая значительным, но все более и более устаревающим ядерным арсеналом.

Образовавшийся геополитический вакуум увеличивался в связи с размахом социального кризиса в России. Коммунистическое правление в течение трех четвертей века причинило беспрецедентный биологический ущерб российскому народу. Огромное число наиболее одаренных и предприимчивых людей были убиты или пропали без вести в лагерях ГУЛАГа, и таких людей насчитывается несколько миллионов. Кроме того, страна также несла потери во время Первой мировой войны, имела многочисленные жертвы в ходе затяжной Гражданской войны, терпела зверства и лишения во время Второй мировой войны. Правящий коммунистический режим навязал удушающую ортодоксальную доктрину всей стране, одновременно изолировав ее от остального мира. Экономическая политика страны была абсолютно индифферентна к экологическим проблемам, в результате чего значительно пострадали как окружающая среда, так и здоровье людей. Согласно официальным статистическим данным России, к середине 90-х годов только примерно 40 % от числа новорожденных появлялись на свет здоровыми, в то время как приблизительно пятая часть от числа всех российских первоклассников страдала задержкой умственного развития. Продолжительность жизни у мужчин сократилась до 57,3 года, и русских умирало больше, чем рождалось. Социальные условия в России фактически соответствовали условиям страны «третьего мира» средней категории.

* * *

Не только кризис внутри страны и потеря международного статуса мучительно тревожат Россию, особенно представителей русской политической элиты, но и геополитическое положение России, также оказавшееся неблагоприятным. На Западе вследствие процесса распада Советского Союза границы России существенно изменились в неблагоприятную для нее сторону, а сфера ее геополитического влияния серьезно сократилась.

Прибалтийские государства находились под контролем России с 1700-х годов, и потеря таких портов, как Рига и Таллин, сделала доступ России к Балтийскому морю более ограниченным, причем в зонах, где оно зимой замерзает. Хотя Москва и сумела сохранить политическое главенствующее положение в новой, получившей официальный статус независимости, но в высшей степени русифицированной Беларуси, однако еще далеко не ясно, не одержит ли в конечном счете и здесь верх националистическая инфекция. А за границами бывшего Советского Союза крах Организации Варшавского договора означал, что бывшие сателлиты Центральной Европы, среди которых на первое место выдвинулась Польша, быстрыми темпами склоняются в сторону НАТО и Европейского Союза.

Самым беспокоящим моментом явилась потеря Украины. Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 миллиона человек, этнически и религиозно

наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом.

Потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Даже без Прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы все же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах, с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами; война с Чечней является, вероятно, просто первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости в России и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским.

Потеря Украины явилась не только центральным геополитическим событием, она также стала геополитическим катализатором. Именно действия Украины – объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской Армии, размещенными на украинской земле, – помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики.

Потеря Россией своего главенствующего положения на Балтийском море повторилась и на Черном море не только из-за получения Украиной независимости, но также еще и потому, что новые независимые государства Кавказа – Грузия, Армения и Азербайджан – усилили возможности Турции по восстановлению однажды утраченного влияния в этом регионе. До 1991 года Черное море являлось отправной точкой России в плане проекции своей военно-морской мощи на район Средиземноморья. Однако к середине 90-х годов Россия осталась с небольшой береговой полосой Черного моря и с неразрешенным спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота, наблюдая при этом с явным раздражением за проведением совместных, Украины с НАТО, военно-морских и морских десантных маневров, а также за возрастанием роли Турции в регионе Черного моря. Россия также подозревала Турцию в оказании эффективной помощи силам сопротивления в Чечне.

* * *

Далее, к юго-востоку геополитический переворот вызвал аналогичные существенные изменения статуса России в зоне Каспийского бассейна и в Средней Азии в целом. До краха Советского Союза Каспийское море фактически являлось российским озером, небольшой южный сектор которого находился на границе с Ираном. С появлением независимого и твердо националистического Азербайджана – позиции которого были усилены устремившимися в эту республику нетерпеливыми западными нефтяными инвесторами – и таких же независимых Казахстана и Туркменистана, Россия стала только одним из пяти претендентов на богатства Каспийского моря. Россия более не могла уверенно полагать, что по собственному усмотрению может распоряжаться этими ресурсами.

Появление самостоятельных независимых государств Средней Азии означало, что в некоторых местах юго-восточная граница России была отеснена в северном направлении более чем на тысячу миль. Новые государства в настоящее время контролируют большую часть месторождений минеральных и энергетических ресурсов, которые обязательно станут

привлекательными для иностранных государств. Неизбежным становится то, что не только представители элиты, но вскоре и простые люди в этих республиках будут становиться все более и более националистически настроенными и, по всей видимости, будут все в большей степени придерживаться мусульманской ориентации. В Казахстане, обширной стране, располагающей огромными запасами природных ресурсов, но с населением почти в 20 миллионов человек, распределенным примерно поровну между казахами и славянами, лингвистические и национальные трения, по-видимому, имеют тенденцию к усилению. Узбекистан – при более однородном этническом составе населения, насчитывающего примерно 25 миллионов человек, и лидерах, делающих акцент на историческом величии страны, – становится все более активным в утверждении нового постколониального статуса региона. Туркменистан, который географически защищен Казахстаном от какого-либо прямого контакта с Россией, активно налаживает и развивает новые связи с Ираном в целях ослабления своей прежней зависимости от российской системы для получения доступа на мировые рынки.

Республики Средней Азии, получающие поддержку Турции, Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии, не склонны торговать своим новым политическим суверенитетом даже ради выгодной экономической интеграции с Россией, на что многие русские все еще продолжают надеяться. По крайней мере, некоторая напряженность и враждебность в отношениях этих республик с Россией неизбежны, хотя на основании неприятных прецедентов с Чечней и Таджикистаном можно предположить, что нельзя полностью исключать и возможности развития событий в еще более худшую сторону. Для русских спектр потенциального конфликта с мусульманскими государствами по всему южному флангу России (общая численность населения которых, вместе с Турцией, Ираном и Пакистаном, составляет более 300 миллионов человек) представляет собой источник серьезной обеспокоенности.

И наконец, в момент краха советской империи Россия столкнулась с новой угрожающей геополитической ситуацией также и на Дальнем Востоке, хотя ни территориальные, ни политические изменения не коснулись этого региона. В течение нескольких веков Китай представлял собой более слабое и более отсталое государство по сравнению с Россией, по крайней мере в политической и военной сферах. Никто из русских, обеспокоенных будущим страны и озадаченных драматическими изменениями этого десятилетия, не в состоянии проигнорировать тот факт, что Китай в настоящее время находится на пути становления и преобразования в более развитое, более динамичное и более благополучное государство, нежели Россия. Экономическая мощь Китая в совокупности с динамической энергией его 1,2-миллиардного населения существенно меняют историческое уравнение между двумя странами с учетом незаселенных территорий Сибири, почти призывающих китайское освоение.

Такая неустойчивая новая реальность не может не отразиться на чувстве безопасности России по поводу ее территорий на Дальнем Востоке, равно как и в отношении ее интересов в Средней Азии. В долгосрочной перспективе подобного рода перемены могут даже усугубить геополитическую важность потери Россией Украины. О стратегических последствиях такой ситуации для России очень хорошо сказал Владимир Лукин, первый посол посткоммунистического периода России в Соединенных Штатах, а позднее председатель Комитета по иностранным делам в Госдуме:

«В прошлом Россия видела себя во главе Азии, хотя и позади Европы. Однако затем Азия стала развиваться более быстрыми темпами... и мы обнаружили самих себя не столько между «современной Европой» и «отсталой Азией», сколько занимающими несколько странное промежуточное пространство между двумя «Европами».

Короче говоря, Россия, являвшаяся до недавнего времени созидателем великой территориальной державы и лидером идеологического блока государств-сателлитов, территория которых простиралась до самого центра Европы и даже одно время до Южно-Китайского моря, превратилась в обеспокоенное национальное государство, не имеющее свободного географического доступа к внешнему миру и потенциально уязвимое перед лицом ослабляющих его конфликтов с соседями на западном, южном и восточном флангах. Только непригодные для жизни и недостижимые северные просторы, почти постоянно

скованные льдом и покрытые снегом, представляются безопасными в геополитическом плане.

* * *

Таким образом, период исторического и стратегического замешательства в постимперской России был неизбежен. Потрясающий развал Советского Союза и особенно ошеломляющий и, в общем-то, неожиданный распад великой Российской империи положили начало в России процессу широкого поиска души, широким дебатам по вопросу о том, как в настоящее время должна Россия определять самое себя в историческом смысле, появлению многочисленных публичных и частных суждений по вопросам, которые в большинстве крупных стран даже не поднимаются: «Что есть Россия? Где Россия? Что значит быть русским?».

Это не просто теоретические вопросы: любой ответ на них наполнен значительным геополитическим содержанием. Является ли Россия национальным государством, основу которого составляют только русские, или Россия является по определению чем-то большим (как Великобритания – это больше, чем Англия) и, следовательно, ей судьбой назначено быть империей? Каковы – исторически, стратегически и этнически – действительные границы России? Следует ли рассматривать независимую Украину как временное отклонение в рамках этих исторических, стратегических и этнических понятий? (Многие русские склонны считать именно так.) Чтобы быть русским, должен ли человек быть русским с этнической точки зрения или он может быть русским с политической, а не этнической точки зрения (т. е. быть «россиянином» – что эквивалентно «британцу», а не «англичанину»)? Например, Ельцин и некоторые русские доказывали (с трагическими последствиями), что чеченцев можно и даже должно считать русскими.

За год до крушения Советского Союза русский националист, один из тех, кто видел приближающийся конец Союза, во всеуслышание заявил с отчаянием:

«Если ужасное несчастье, невысказанное для русских людей, все-таки произойдет и государство разорвет на части, и люди, ограбленные и обманутые своей 1000-летней историей, внезапно останутся одни, когда их недавние «братья», захватив свои пожитки, сядут в свои «национальные спасательные шлюпки» и уплывут от давшего крен корабля, что ж, нам некуда будет податься... Русская государственность, которая олицетворяет собой «русскую идею» политически, экономически и духовно, будет создана заново. Она вберет в себя все лучшее из долгих 1000 лет существования царизма и 70 советских лет, которые пролетели как одно мгновение».

Но как? Поиск ответа, который был бы приемлемым для русского народа и одновременно реалистичным, осложняется историческим кризисом самого русского государства.

На протяжении практически всей своей истории это государство было одновременно инструментом и территориальной экспансии, и экономического развития. Это также было государство, которое преднамеренно не представляло себя чисто национальным инструментом, как это принято в западноевропейской традиции, но определяло себя исполнителем специальной наднациональной миссии, с «русской идеей», разнообразно определенной в религиозных, геополитических или идеологических рамках. Теперь же в этой миссии ей внезапно отказали, когда государство уменьшилось территориально до главным образом этнической величины.

Более того, постсоветский кризис русского государства (так сказать, его «сущности») был осложнен тем фактом, что Россия не только внезапно лишилась своей имперской миссионерской роли, но и оказалась под давлением своих собственных модернизаторов (и их западных консультантов), которые, чтобы сократить зияющий разрыв между социально отсталой Россией и наиболее развитыми евразийскими странами, требуют, чтобы Россия отказалась от своей традиционной экономической роли ментора, владельца и распорядителя социальными благами. Это потребовало ни более ни менее как политически революционного ограничения роли Российского государства на международной арене и внутри страны. Это стало абсолютно разрушительным для большинства укоренившихся моделей образа жизни в стране и усилило разъединяющий смысл геополитической дезориентации среди русской политической элиты.

* * *

В этой запутанной обстановке, как и можно было ожидать, на вопрос: «Куда идет Россия и что есть Россия?» – возникает множество ответов. Большая протяженность России в Евразии давно способствовала тому, чтобы элита мыслила геополитически. Первый министр иностранных дел постимперской и посткоммунистической России Андрей Козырев вновь подтвердил этот образ мышления в одной из своих первых попыток определить, как новая Россия должна вести себя на международной арене. Меньше чем через месяц после распада Советского Союза он заметил: «Отказавшись от мессианства, мы взяли курс на прагматизм... мы быстро пришли к пониманию, что геополитика... заменяет идеологию».

Вообще говоря, как реакция на крушение Советского Союза возникли три общих и частично перекрывающихся геостратегических варианта, каждый из которых, в конечном счете, связан с озабоченностью России своим статусом по сравнению с Америкой и содержит некоторые внутренние варианты. Эти несколько направлений мысли могут быть классифицированы следующим образом:

1. Приоритет «зрелого стратегического партнерства» с Америкой, что для некоторых приверженцев этой идеи являлось на самом деле термином, под которым зашифрован глобальный кондоминиум.
2. Акцент на «ближнее зарубежье» как на объект основного интереса России, при этом одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием, таким образом, державы, более способной уравновесить Америку и Европу.
3. Контральянс, предполагающий создание чего-то вроде евразийской антиамериканской коалиции, преследующей цель снизить преобладание Америки в Евразии.

Хотя первая идея первоначально доминировала среди членов новой правящей команды президента Ельцина, второй вариант снискал известность в политических кругах вскоре после первой идеи, частично как критика геополитических приоритетов Ельцина; третья идея возникла несколько позже, где-то в середине 90-х годов, в качестве реакции на растущие настроения, что геостратегия постсоветской России неясна и не работает. Как это случается, все три варианта оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантастических взглядов на нынешнюю мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом.

Сразу же после крушения Советского Союза первоначальная позиция Ельцина отображала всегда лелеемую, но никогда не достигавшую полного успеха концепцию русской политической мысли, выдвигаемую «прозападниками»: Россия – государство западного мира – должна быть частью Запада и должна как можно больше подражать Западу в своем развитии. Эта точка зрения поддерживалась самим Ельциным и его министром иностранных дел, при этом Ельцин весьма недвусмысленно осуждал русское имперское наследие. Выступая в Киеве 19 ноября 1990 года и высказывая мысли, которые украинцы и чеченцы смогли впоследствии обернуть против него же, Ельцин красноречиво заявил: «Россия не стремится стать центром чего-то вроде новой империи... Россия лучше других понимает пагубность такой роли, поскольку именно Россия долгое время играла эту роль. Что это дало ей? Стали ли русские свободнее? Богаче? Счастливее?... История научила нас, что народ, который правит другими народами, не может быть счастливым».

Сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно Соединенными Штатами, в отношении нового российского руководства ободрила постсоветских «прозападников» в российском внешнеполитическом истеблишменте. Она усилила его проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента. Новым лидерам льстило быть на коротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы, и они легко впали в заблуждение, что они тоже лидеры сверхдержавы. Когда американцы запустили в оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой, русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству.

Этот кондоминиум будет глобальным по масштабам. Таким образом Россия будет не только законным правопреемником бывшего Советского Союза, но и де-факто партнером в мировом устройстве, основанном на подлинном равенстве. Как не устают

заявлять российские лидеры, это означает не только то, что остальные страны мира должны признать Россию равной Америке, но и то, что ни одна глобальная проблема не может обсуждаться или решаться без участия и/или разрешения России. Хотя открыто об этом не говорилось, в эту иллюзию вписывается также точка зрения, что страны Центральной Европы должны каким-то образом остаться, или даже решить остаться, регионом, политически особо близким России. Роспуск Варшавского договора и СЭВ не должен сопровождаться тяготением их бывших членов к НАТО или даже только к ЕС.

Западная помощь тем временем позволит российскому правительству провести реформы внутри страны, исключить вмешательство государства в экономику и создать условия для укрепления демократических институтов. Восстановление Россией экономики, ее специальный статус равноправного партнера Америки и просто ее привлекательность побудят недавно образовавшиеся независимые государства – благодарные России за то, что она не угрожает им, и все более осознающие выгоды некоего союза с ней – к самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя таким образом пределы этой страны и увеличивая ее мощь.

* * *

Проблема с таким подходом заключается в том, что он лишен внешнеполитического и внутривнутриполитического реализма. Хотя концепция «зрелого стратегического партнерства» и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире. По мнению Вашингтона, Германия, Япония и Китай по меньшей мере так же важны и влиятельны. Более того, по некоторым центральным геостратегическим вопросам, представляющим национальный интерес Америки, – в Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке – устремления Америки и России весьма далеки от совпадения. Как только неизбежно начали возникать разногласия – из-за диспропорций в сфере политической мощи, финансовых затрат, технологических новшеств и культурной притягательности – идея «зрелого стратегического партнерства» стала казаться дутой, и все больше русских считают ее выдвинутой специально для обмана России.

Возможно, этого разочарования можно было бы избежать, если бы Америка раньше, во время американо-российского «медового месяца», приняла концепцию расширения НАТО и одновременно предложила России «сделку, от которой невозможно отказаться», а именно – особые отношения сотрудничества между Россией и НАТО. Если бы Америка четко и решительно приняла концепцию расширения альянса с оговоркой, что Россия будет каким-либо образом включена в этот процесс, можно было бы, вероятно, избежать возникшего у Москвы впоследствии чувства разочарования «зрелым партнерством», а также прогрессирующего ослабления политических позиций «прозападников» в Кремле. Временем сделать это была вторая половина 1993 года, сразу же после того, как Ельцин в августе подтвердил, что стремление Польши присоединиться к трансатлантическому альянсу не противоречит «интересам России». Вместо этого администрация Клинтон, тогда все еще проводившая политику «предпочтения России», мучилась еще два года, в течение которых Кремль «сменил пластинку» и стал все более враждебно относиться к появляющимся, но нерешительным сигналам о намерении Америки расширить НАТО. К 1996 году, когда Вашингтон решил сделать расширение НАТО центральной задачей политики Америки по созданию более крупного и более безопасного евроатлантического сообщества, русские встали в жесткую оппозицию. Следовательно, 1993 год можно считать годом упущенных исторических возможностей.

Нельзя не признать, что не все тревоги России в отношении расширения НАТО лишены законных оснований или вызваны недоброжелательством. Некоторые противники расширения НАТО, разумеется, особенно в российских военных кругах, воспользовались менталитетом времен холодной войны и рассматривают расширение НАТО не как неотъемлемую часть собственного развития Европы, а скорее как продвижение к границам России возглавляемого Америкой и все еще враждебного альянса. Некоторые представители российской внешнеполитической элиты – большинство из которых на самом деле бывшие советские должностные лица – упорствуют в давней геостратегической точке

зрения, что Америке нет места в Евразии, и что расширение НАТО в большей степени связано с желанием американцев расширить свою сферу влияния. В некоторой степени их оппозиция связана с надеждой, что не связанные ни с кем страны Центральной Европы однажды вернутся в сферу геополитического влияния Москвы, когда Россия «поправится». Но многие российские демократы также боялись, что расширение НАТО будет означать, что Россия останется вне Европы, подвергнется политическому ostracismu и ее будут считать недостойной членства в институтах европейской цивилизации. Отсутствие культурной безопасности усугубляло политические страхи, что сделало расширение НАТО похожим на кульминацию давней политики Запада, направленной на изолирование России, чтобы оставить ее одну – уязвимой для различных ее врагов. Кроме того, российские демократы просто не смогли понять ни глубины возмущения населения Центральной Европы более чем полувековым господством Москвы, ни глубины их желания стать частью более крупной евроатлантической системы.

С другой стороны, возможно, что ни разочарования, ни ослабления российских «прозападников» избежать было нельзя. Новая российская элита, не единая сама по себе, с президентом и его министром иностранных дел, неспособными обеспечить твердое геостратегическое лидерство, не могла четко определить, чего новая Россия хочет в Европе, как не могла и реалистично оценить имеющиеся ограничения, связанные со слабостью России. Российские демократы, ведущие политические схватки, не смогли заставить себя смело заявить, что демократическая Россия не против расширения трансатлантического демократического сообщества и хочет входить в него. Манья получить одинаковый с Америкой статус в мире затруднила политической элите отказ от идеи привилегированного геополитического положения России не только на территории бывшего Советского Союза, но и в отношении бывших стран – сателлитов Центральной Европы.

* * *

Такое развитие обстановки сыграло на руку националистам, которые к 1994 году начали вновь обретать голос, и милитаристам, которые к тому времени стали критически важными для Ельцина сторонниками внутри страны. Их все более резкая и временами угрожающая реакция на чаяния населения стран Центральной Европы лишь усилила решимость бывших стран-сателлитов – помнящих о своем, лишь недавно обретенном освобождении от господства России, – получить безопасное убежище в НАТО.

Пропасть между Вашингтоном и Москвой углубилась еще больше из-за нежелания Кремля отказаться от всех завоеванных Сталиным территорий. Западное общественное мнение, особенно в Скандинавских странах, а также и в Соединенных Штатах было особо встревожено двусмысленным отношением России к Прибалтийским республикам. Признавая их независимость и не заставляя их стать членами СНГ, даже демократические российские руководители периодически прибегали к угрозам, чтобы добиться льгот для крупных сообществ русских колонистов, которых преднамеренно поселили в этих странах во времена правления Сталина. Обстановка была еще больше омрачена подчеркнутым нежеланием Кремля денонсировать секретное германо-советское соглашение 1939 года, которое проложило дорогу насильственному включению этих республик в состав Советского Союза. Даже через пять лет после распада Советского Союза представители Кремля настаивали (в официальном заявлении от 10 сентября 1996 года), что в 1940 году Прибалтийские государства добровольно «присоединились» к Советскому Союзу.

Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве. Поэтому их возмутило желание Запада помочь получившим недавно независимость постсоветским странам укрепиться в их самостоятельном политическом существовании. Даже предупреждая, что «конфронтация с Соединенными Штатами – это вариант, которого следует избежать», высокопоставленные российские аналитики, занимающиеся вопросами внешней политики США, доказывали (и не всегда ошибочно), что Соединенные Штаты добиваются «реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии... чтобы в результате на континенте было не одно ведущее государство,

а много средних, относительно стабильных и умеренно сильных... но обязательно более слабых по сравнению с Соединенными Штатами, как по отдельности, так и вместе». В этом отношении Украина имела крайне важное значение. Все большая склонность США, особенно к 1994 году, придать высокий приоритет американо-украинским отношениям и помочь Украине сохранить свою недавно обретенную национальную свободу рассматривалась многими в Москве – и даже «прозападниками» – как политика, нацеленная на жизненно важные для России интересы, связанные с возвращением Украины, в конечном счете, в общий загон. То, что Украина будет со временем каким-то образом «реинтегрирована», остается догматом веры многих из российской политической элиты. В результате геополитические и исторические сомнения России относительно самостоятельного статуса Украины лоб в лоб столкнулись с точкой зрения США, что имперская Россия не может быть демократической. Кроме того, имелись чисто внутренние доводы, что «зрелое стратегическое партнерство» между двумя «демократиями» оказалось иллюзорным. Россия была слишком отсталой и слишком уж опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы представлять собой жизнеспособного демократического партнера Соединенных Штатов. И эту основную реальность не могла затушевать высокопарная риторика о партнерстве. Кроме того, постсоветская Россия только частично порвала с прошлым. Почти все ее «демократические» лидеры – даже если они искренне разочаровались в советском прошлом – были не только продуктом советской системы, но и бывшими высокопоставленными членами ее правящей элиты. Они не были в прошлом диссидентами, как в Польше или Чешской Республике. Ключевые институты советской власти – хотя и слабые, деморализованные и коррумпированные – остались. Символом этой действительности и того, что коммунистическое прошлое все еще не разжало своих объятий, является исторический центр Москвы: продолжает существовать Мавзолей Ленина. Это равнозначно тому, что постнацистской Германией руководили бы бывшие нацистские «гауляйтеры» среднего звена, которые провозглашали бы демократические лозунги, и при этом мавзолей Гитлера продолжал стоять в центре Берлина. Политическая слабость новой демократической элиты усугублялась самим масштабом экономического кризиса в России. Необходимость широких реформ – чтобы исключить государство из экономики – вызвала чрезмерные ожидания помощи со стороны Запада, особенно США. Несмотря на то, что эта помощь, особенно со стороны Германии и США, постепенно достигла больших объемов, она даже при самых лучших обстоятельствах все равно не могла способствовать быстрому экономическому подъему. Возникшее в результате социальное недовольство стало дополнительной поддержкой для растущего круга разочарованных критиков, которые утверждают, что партнерство с Соединенными Штатами было обманом, выгодным США, но наносящим ущерб России.

* * *

Итак, в первые годы после крушения Советского Союза не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок для эффективного глобального партнерства. Демократически настроенные «прозападники» просто хотели очень многого, но сделать могли очень мало. Они желали равноправного партнерства – или скорее кондоминиума – с США, относительной свободы действий внутри СНГ и с геополитической точки зрения «ничьей земли» в Центральной Европе. Однако их двойственный подход к советской истории, отсутствие реализма во взглядах на глобальную власть, глубина экономического кризиса и отсутствие широкой поддержки во всех слоях общества означали, что они не смогут создать стабильной и подлинно демократической России, наличие которой подразумевает концепция «равноправного партнерства». России необходимо пройти через длительный процесс политических реформ, такой же длительный процесс стабилизации демократии и еще более длительный процесс социально-экономических преобразований, затем суметь сделать более существенный шаг от имперского мышления в сторону национального мышления, учитывающего новые геополитические реальности не только в Центральной Европе, но и особенно на территории бывшей Российской империи, прежде чем партнерство с Америкой сможет стать реально осуществимым геополитическим вариантом развития обстановки.

При таких обстоятельствах неудивительно, что приоритет в отношении «ближнего зарубежья» стал основным элементом критики прозападного варианта, а также ранней внешнеполитической альтернативой. Она базировалась на том доводе, что концепция «партнерства» пренебрегает тем, что должно быть наиболее важным для России: а именно ее отношениями с бывшими советскими республиками. «Ближнее зарубежье» стало короткой формулировкой защиты политики, основной упор которой будет сделан на необходимость воссоздания в пределах геополитического пространства, которое когда-то занимал Советский Союз, некоей жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения. С учетом этого исходного условия широкие слои общества пришли к согласию, что политика концентрирования на Запад, особенно на США, приносит мало пользы, а стоит слишком дорого. Она просто облегчила Западу пользование возможностями, созданными в результате крушения Советского Союза.

Однако концепция «ближнего зарубежья» была большим «зонтиком», под которым могли собраться несколько различных геополитических концепций. Эта концепция собрала под своими знаменами не только сторонников экономического функционализма и детерминизма (включая некоторых «прозападников»), которые верили, что СНГ может эволюционировать в возглавляемый Москвой вариант ЕС, но и тех, кто видел в экономической интеграции лишь один из инструментов реставрации империи, который может работать либо под «зонтиком» СНГ, либо через специальные соглашения (сформулированные в 1996 году) между Россией и Беларусью или между Россией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном; ее также разделяют романтики-славянофилы, выступающие за «Славянский союз» России, Украины и Беларуси, и, наконец, сторонники до некоторой степени мистического представления о евразийстве как об основном определении постоянной исторической миссии России.

В его самом узком смысле приоритет в отношении «ближнего зарубежья» включал весьма разумное предложение, что Россия должна сначала сконцентрировать свои усилия на отношениях с недавно образовавшимися независимыми государствами, особенно потому, что все они остались привязанными к России реалиями специально поощряемой советской политики стимулирования экономической взаимозависимости среди них. Это имело и экономический, и геополитический смысл. «Общее экономическое пространство», о котором часто говорили новые российские руководители, было реалией, которая не могла игнорироваться лидерами недавно образованных независимых государств. Кооперация и даже некоторая интеграция были настоятельной экономической потребностью. Таким образом, содействие созданию общих институтов стран СНГ, чтобы повернуть вспять вызванный политическим распадом Советского Союза процесс экономической дезинтеграции и раздробления, было не только нормальным, но и желательным.

Для некоторых русских содействие экономической интеграции было, таким образом, функционально действенной и политически ответственной реакцией на то, что случилось. Часто проводилась аналогия между ЕС и ситуацией, сложившейся после распада СССР. Реставрация империи недвусмысленно отвергалась наиболее умеренными сторонниками экономической интеграции. Например, в важном докладе, озаглавленном «Стратегия для России», опубликованном уже в августе 1992 года Советом по внешней и оборонной политике группой известных личностей и высокопоставленных государственных чиновников, «постимперская просвещенная интеграция» весьма аргументированно отстаивалась как самая правильная программа действий для постсоветского экономического пространства.

Однако упор на «ближнее зарубежье» не был просто политически мягкой доктриной регионального экономического сотрудничества. В ее геополитическом содержании имелся имперский контекст. Даже в довольно умеренном докладе в 1992 году говорилось о восстановившейся России, которая в конечном счете установит стратегическое партнерство с Западом, партнерство, в котором Россия будет «регулировать обстановку в Восточной Европе, Средней Азии и на Дальнем Востоке». Другие сторонники этого приоритета оказались более беззащитными, недвусмысленно заявляя об «исключительной роли» России на постсоветском пространстве и обвиняя Запад

в антироссийской политике, которую он проводит, оказывая помощь Украине и прочим, недавно образовавшимся независимым государствам.

Типичным, но отнюдь не экстремальным примером стало суждение Ю. Амбарцумова, председателя в 1993 году парламентского Комитета по иностранным делам и бывшего сторонника приоритета партнерства, который открыто доказывал, что бывшее советское пространство является исключительно российской сферой геополитического влияния. В январе 1994 года его поддержал, прежде энергичный сторонник приоритета партнерства с Западом, министр иностранных дел России Андрей Козырев, который заявил, что Россия «должна сохранить свое военное присутствие в регионах, которые столетиями входили в сферу ее интересов». И действительно, 8 апреля 1994 года «Известия» сообщили, что России удалось сохранить не менее 28 военных баз на территории недавно обретших независимость государств и линия на карте, соединяющая российские военные группировки в Калининградской области, Молдове, Крыму, Армении, Таджикистане и на Курильских островах, почти совпадает с линией границы бывшего Советского Союза.

* * *

В сентябре 1995 года президент Ельцин издал официальный документ по политике России в отношении СНГ, в котором следующим образом классифицировались цели России: «Главной задачей политики России по отношению к СНГ является создание экономически и политически интегрированного сообщества государств, которое будет способно претендовать на подобающее ему место в мировом сообществе... консолидация России в роли ведущей силы в формировании новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на постсоюзном пространстве».

Следует отметить политический размах этого усилия, указание на отдельный субъект права, претендующий на «свое» место в мировой системе, и на доминирующую роль России внутри этого нового субъекта права. В соответствии с этим Москва настаивала на укреплении политических и военных связей между Россией и недавно возникшим СНГ: чтобы было создано единое военное командование, чтобы вооруженные силы государств СНГ были связаны официальным договором, чтобы «внешние» границы СНГ находились под централизованным контролем (читай: контролем Москвы), чтобы российские войска играли решающую роль в любых миротворческих операциях внутри СНГ и чтобы была сформулирована общая внешняя политика стран СНГ, основные институты которого должны находиться в Москве (а не в Минске, как первоначально было решено в 1991 году), при этом президент России должен председательствовать на проводимых СНГ встречах на высшем уровне.

И это еще не все. В документе от сентября 1995 года также заявлялось, что «в странах «ближнего зарубежья» должно гарантироваться распространение программ российского телевидения и радио, должна оказываться поддержка распространению российских изданий в регионе и Россия должна готовить национальные кадры для стран СНГ.

Особое внимание должно быть уделено восстановлению позиций России в качестве главного образовательного центра на постсоветском пространстве, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения в странах СНГ в духе дружеского отношения к России».

Отражая подобные настроения, Государственная Дума России в начале 1996 года зашла настолько далеко, что объявила ликвидацию Советского Союза юридически недействительным шагом. Кроме того, весной того же года Россия подписала два соглашения, обеспечивающих более тесную экономическую и политическую интеграцию между Россией и наиболее сговорчивыми членами СНГ. Одно соглашение, подписанное с большой помпой и пышностью, предусматривало создание союза между Россией и Беларусью в рамках нового «Сообщества Суверенных Республик» (русское сокращение «ССР» многозначительно напоминало сокращенное название Советского Союза – «СССР»), а другое соглашение, подписанное Россией, Казахстаном, Беларусью и Кыргызстаном, обуславливало создание в перспективе «Сообщества Объединенных Государств».

Обе инициативы отражали недовольство медленными темпами объединения внутри СНГ и решимость России продолжать способствовать процессу объединения.

Таким образом, в акценте «ближнего зарубежья» на усиление центральных механизмов СНГ соединились некоторые элементы зависимости от объективного экономического

детерминизма с довольно сильной субъективной имперской решимостью. Но ни то ни другое не дали более философского и к тому же геополитического ответа на все еще терзающий вопрос: «Что есть Россия, каковы ее настоящая миссия и законные границы?». Это именно тот вакуум, который пыталась заполнить все более привлекательная доктрина евразийства с ее фокусом также на «ближнее зарубежье». Отправной точкой этой ориентации, определенной в терминологии, связанной скорее с культурой и даже с мистикой, была предпосылка, что в геополитическом и культурном отношении Россия не совсем европейская и не совсем азиатская страна и поэтому явно представляет собой евразийское государство, что присуще только ей. Это – наследие уникального контроля России над огромной территорией между Центральной Европой и Тихим океаном, наследие империи, которую Москва создавала в течение четырех столетий своего продвижения на восток. В результате этого продвижения Россия ассимилировала многочисленные нерусские и неевропейские народы, приобретя этим единую политическую и культурную индивидуальность.

* * *

Евразийство как доктрина появилось не после распада Советского Союза. Впервые оно возникло в XIX веке, но стало более распространенным в XX столетии в качестве четко сформулированной альтернативы советскому коммунизму и в качестве реакции на якобы упадок Запада. Русские эмигранты особенно активно распространяли эту доктрину как альтернативу советскому пути, понимая, что национальное пробуждение нерусских народов в Советском Союзе требует всеобъемлющей наднациональной доктрины, чтобы окончательный крах коммунизма не привел также к распаду Великой Российской империи. Уже в середине 20-х годов нынешнего столетия это было ясно сформулировано князем Н. С. Трубецким, ведущим выразителем идеи евразийства, который писал, что «коммунизм на самом деле является искаженным вариантом европеизма в его разрушении духовных основ и национальной уникальности русского общества, в распространении в нем материалистических критериев, которые фактически правят в Европой, и Америкой... Наша задача – создать полностью новую культуру, нашу собственную культуру, которая не будет походить на европейскую цивилизацию... когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации... когда она снова станет самой собой: Россией-Евразией, сознательной наследницей и носительницей великого наследия Чингисхана».

Эта точка зрения нашла благодарную аудиторию в запутанной постсоветской обстановке. С одной стороны, коммунизм был заклеен как предательство русской православности и особой, мистической «русской идеи», а с другой стороны – было отвергнуто западничество, поскольку Запад считался разложившимся, антирусским с точки зрения культуры и склонным отказать России в ее исторически и географически обоснованных притязаниях на эксклюзивный контроль над евразийскими пространствами. Евразийству был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым, историком, географом и этнографом, который в своих трудах «Средневековая Россия и Великая Степь», «Ритмы Евразии» и «География этноса в исторический период» подвел мощную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, следствием исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культурной и духовной самобытности. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своих «этноса и души». Этим взглядам вторили, хотя и более примитивно, различные российские политико-националисты. Бывший вице-президент Александр Руцкой, например, утверждал, что «из геополитического положения нашей страны ясно, что Россия представляет собой единственный мостик между Азией и Европой. Кто станет хозяином этих пространств, тот станет хозяином мира». Соперник Ельцина по президентским выборам 1996 года коммунист Геннадий Зюганов, несмотря на свою приверженность марксизму-ленинизму, поддержал мистический акцент евразийства на особой духовной и миссионерской роли русского народа на обширных пространствах Евразии, доказывая, что России предоставлены таким образом как уникальная культурная роль, так и весьма выгодное географическое положение для того, чтобы играть руководящую роль в мире.

Более умеренный и прагматичный вариант евразийства был выдвинут и руководителем Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Столкнувшись в своей стране с расколом между коренными казахами и русскими переселенцами, число которых почти одинаково, и стремясь найти формулу, которая могла бы как-нибудь ослабить давление Москвы, направленное на политическую интеграцию, Назарбаев выдвинул концепцию «Евразийского союза» в качестве альтернативы безликому и неэффективному СНГ. Хотя в его варианте отсутствовало мистическое содержание, свойственное более традиционному евразийскому мышлению, и явно не ставилась в основу особая миссионерская роль русских как лидеров Евразии, он был основан на той точке зрения, что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, – представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение. Попытка дать «ближнему зарубежью» наивысший приоритет в российском геополитическом мышлении была в некоторой степени оправдана в том плане, что некоторый порядок и примирение между постимперской Россией и недавно образовавшимися независимыми государствами были абсолютно необходимыми с точки зрения безопасности и экономики. Однако несколько сюрреалистический оттенок большей части этой дискуссии придали давнишние представления о том, что политическое «объединение» бывшей империи было некоторым образом желательным и осуществимым, будь оно добровольным (по экономическим соображениям) или следствием в конечном счете восстановления Россией утраченной мощи, не говоря уже об особой евразийской или славянской миссии России.

* * *

Оппозиция идеям Москвы в отношении «интеграции» была особенно сильной на Украине. Ее лидеры быстро поняли, что такая «интеграция», особенно в свете оговорок России в отношении законности независимости Украины, в конечном счете приведет к потере национального суверенитета. Кроме того, тяжелая рука России в обращении с новым украинским государством: ее нежелание признать границы Украины, ее сомнения в отношении права Украины на Крым, ее настойчивые притязания на исключительный экстерриториальный контроль над Севастополем – все это придавало пробудившемуся украинскому национализму явную антирусскую направленность. В процессе самоопределения, во время критической стадии формирования нового государства украинский народ, таким образом, переключился от традиционной антипольской или антирумынской позиции на противостояние любым предложениям России, направленным на большую интеграцию стран СНГ, на создание особого славянского сообщества (с Россией и Беларусью), или Евразийского союза, разоблачая их как имперские тактические приемы России.

Решимости Украины сохранить свою независимость способствовала поддержка извне. Несмотря на то, что первоначально Запад, и особенно Соединенные Штаты, запоздал признать важное с точки зрения геополитики значение существования самостоятельного украинского государства, к середине 90-х годов и США, и Германия стали твердыми сторонниками самостоятельности Киева. В июле 1996 года министр обороны США заявил: «Я не могу переоценить значения существования Украины как самостоятельного государства для безопасности и стабильности всей Европы», а в сентябре того же года канцлер Германии, невзирая на его мощную поддержку президента Ельцина, пошел еще дальше, сказав, что «прочное место Украины в Европе не может больше кем-либо подвергаться сомнению... Больше никто не сможет оспаривать независимость и территориальную целостность Украины». Лица, формулирующие политику США, также начали называть американо-украинские отношения «стратегическим партнерством», сознательно используя то же выражение, которое определяло американо-российские отношения.

Как уже отмечалось, без Украины реставрация империи, будь то на основе СНГ или на базе евразийства, стала бы нежизнеспособным делом. Империя без Украины будет в конечном счете означать, что Россия станет более «азиатским» и более далеким от Европы государством. Кроме того, идея евразийства оказалась также не очень привлекательной для граждан только что образовавшихся независимых государств Средней Азии, лишь некоторые из которых желали бы нового союза с Москвой. Узбекистан проявил особую

настойчивость, поддерживая противодействие Украины любым преобразованиям СНГ в наднациональное образование и противясь инициативам России, направленным на усиление СНГ.

Прочие члены СНГ также настороженно относятся к намерениям Москвы, проявляя тенденцию сгруппироваться вокруг Украины и Узбекистана, чтобы оказать противодействие или избежать давления Москвы, направленного на более тесную политическую и военную интеграцию. Кроме того, почти во всех недавно образовавшихся государствах углублялось чувство национального сознания, центром внимания которого все больше становится заклеивание подчинения в прошлом как колониализма и искоренение всевозможного наследия той эпохи. Таким образом, даже уязвимый с этнической точки зрения Казахстан присоединился к государствам Средней Азии в отказе от кириллицы и замене ее латинским алфавитом, как это ранее сделала Турция. В сущности, для препятствования попыткам России использовать СНГ как инструмент политической интеграции к середине 90-х годов неофициально сформировался скрыто возглавляемый Украиной блок, включающий Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан и иногда Казахстан, Грузию и Молдову.

Настойчивость Украины в отношении лишь ограниченной и главным образом экономической интеграции лишила понятие «Славянский союз» какого-либо практического смысла. Распространяемая некоторыми славянофилами и получившая известность благодаря поддержке Александра Солженицына идея автоматически потеряла геополитический смысл, как только была отвергнута Украиной. Это оставило Беларусь наедине с Россией; и это также подразумевало возможное разделение Казахстана, поскольку заселенные русскими его северные районы могли потенциально стать частью этого союза. Такой вариант, естественно, не устраивал новых руководителей Казахстана и просто усилил антирусскую направленность казахского национализма. Для Беларуси «Славянский союз» без Украины означал не что иное, как включение в состав России, что также разожгло недовольство националистов.

Короче говоря, геополитическая несостоятельность приоритета ориентации на «ближнее зарубежье» заключалась в том, что Россия была недостаточно сильной политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства. Давление со стороны России просто заставило их искать больше связей за рубежом, в первую очередь с Западом, в некоторых случаях также с Китаем и исламскими государствами на юге. Когда Россия пригрозила создать свой военный блок в ответ на расширение НАТО, она задавала себе болезненный вопрос: «С кем?».

И получила еще более болезненный ответ: самое большее – с Беларусью и Таджикистаном. Новые государства, если хотите, были все больше склонны не доверять даже вполне оправданным и необходимым формам экономической интеграции с Россией, боясь возможных политических последствий. В то же время идеи о якобы присущей России евразийской миссии и о славянской загадочности только еще больше изолировали Россию от Европы и в целом от Запада, продлив, таким образом, постсоветский кризис и задержав необходимую модернизацию и вестернизацию российского общества по тому принципу, как это сделал Кемаль Ататюрк в Турции после распада Османской империи. Таким образом, акцент на «ближнее зарубежье» стал для России не геополитическим решением, а геополитическим заблуждением.

* * *

Если не кондоминиум с США и не «ближнее зарубежье», тогда какие еще геостратегические варианты имелись у России? Неудачная попытка ориентации на Запад для достижения желательного глобального равенства «демократической России» с США, что больше являлось лозунгом, нежели реальностью, вызвала разочарование среди демократов, тогда как вынужденное признание, что «реинтеграция» старой империи была в лучшем случае отдаленной перспективой, соблазнило некоторых российских геополитиков поиграть с идеей некоего контральяса, направленного против гегемонии США в Евразии. В начале 1996 года президент Ельцин заменил своего ориентированного на Запад министра иностранных дел Козырева более опытным, но ортодоксальным Евгением Примаковым, специалистом по бывшему Коминтерну, давним интересом которого были Иран и Китай. Некоторые российские обозреватели делали предположения, что ориентация Примакова

может ускорить попытки создания новой «антигегемонистской» коалиции, сформированной вокруг этих трех стран с огромной геополитической ставкой на ограничение преобладающего влияния США в Евразии. Некоторые первые поездки и комментарии Примакова усилили такое впечатление. Кроме того, существующие связи между Китаем и Ираном в области торговли оружием, а также склонность России помочь Ирану в его попытках получить больший доступ к атомной энергии, казалось, обеспечивали прекрасные возможности для более тесного политического диалога и создания, в конечном счете, альянса. Результат мог, по крайней мере теоретически, свести вместе ведущее славянское государство мира, наиболее воинственное в мире исламское государство и самое крупное в мире по численности населения и сильное азиатское государство, создав таким образом мощную коалицию.

Необходимой отправной точкой для любого такого контральянса было возобновление двусторонних китайско-российских отношений на основе недовольства политической элиты обоих государств тем, что США стали единственной сверхдержавой. В начале 1996 года Ельцин побывал с визитом в Пекине и подписал декларацию, которая недвусмысленно осуждала глобальные «гегемонистские» тенденции, что, таким образом, подразумевало, что Россия и Китай вступят в союз против Соединенных Штатов. В декабре 1996 года премьер-министр Китая Ли Пен нанес ответный визит, и обе стороны не только снова подтвердили, что они против международной системы, в которой «доминирует одно государство», но также одобрили усиление существующих альянсов. Российские обозреватели приветствовали такое развитие событий, рассматривая его как положительный сдвиг в глобальном соотношении сил и как надлежащий ответ на поддержку Соединенными Штатами расширения НАТО. Некоторые даже ликовали, что российско-китайский альянс будет для США отповедью, которую они заслужили. Однако коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если Соединенные Штаты окажутся настолько недальновидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно. Безусловно, такая возможность не исключена, и действия США в 1995–1996 годах почти оправдывали мнение, что Соединенные Штаты стремятся вступить в антагонистические отношения и с Тегераном, и с Пекином. Однако ни Иран, ни Китай не были готовы связать стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией. Оба государства понимали, что любая подобная коалиция, как только она выйдет за рамки некоторой преследующей определенную цель тактической оркестровки, может поставить под угрозу их выход на более развитые государства с их исключительными возможностями по инвестициям и столь необходимыми передовыми технологиями. Россия могла предложить слишком мало, чтобы быть по-настоящему достойным партнером по коалиции антигегемонистской направленности.

Лишенная общей идеологии и объединенная лишь «антигегемонистскими» чувствами, подобная коалиция будет по существу альянсом части стран «третьего мира» против наиболее развитых государств. Ни один из членов такой коалиции не добьется многого, а Китай в особенности рискует потерять огромный приток инвестиций. Для России – аналогично – «призрак российско-китайского альянса... резко увеличит шансы, что она снова окажется почти отрезанной от западной технологии и капиталов», как заметил один критически настроенный российский геополитик. Такой союз в конечном счете обречет всех его участников, будь их два или три, на длительную изоляцию и общую для них отсталость.

Кроме того, Китай окажется старшим партнером в любой серьезной попытке России создать подобную «антигегемонистскую» коалицию. Имеющий большую численность населения, более развитый в промышленном отношении, более новаторский, более динамичный и потенциально вынашивающий определенные территориальные планы в отношении России, Китай неизбежно присвоит ей статус младшего партнера, одновременно испытывая нехватку средств (а возможно, и нежелание) для помощи России в преодолении ее отсталости. Россия, таким образом, станет буфером между расширяющейся Европой и экспансионистским Китаем.

* * *

Таким образом, ни один из вариантов контральянса не является при ближайшем рассмотрении жизнеспособной альтернативой. Решение новой геополитической дилеммы

России не может быть найдено ни в контральянце, ни в иллюзии равноправного стратегического партнерства с США, ни в попытках создать какое-либо новое политически или экономически «интегрированное» образование на пространствах бывшего Советского Союза. Во всех них не учитывается единственный выход, который на самом деле имеется у России.

Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, – это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа, как мы видели в главе 3, принимает осязаемую форму и, кроме того, она, вероятно, будет по-прежнему тесно связана с Америкой. Вот с такой Европой России придется иметь отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции. Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом. Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой. Хотя долгосрочный российско-китайский и российско-иранский стратегический союз маловероятен, для Америки весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного геополитического выбора. Поэтому, насколько это возможно, отношения Америки с Китаем и Ираном следует формулировать также с учетом их влияния на геополитические расчеты русских. Сохранение иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания.

Только Россия, желающая принять новые реальности Европы как в экономическом, так и в геополитическом плане, сможет извлечь международные преимущества из расширяющегося трансконтинентального европейского сотрудничества в области торговли, коммуникаций, капиталовложений и образования. Поэтому участие России в Европейском Союзе – это шаг в весьма правильном направлении. Он является предвестником дополнительных институциональных связей между новой Россией и расширяющейся Европой. Он также означает, что в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным постоттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских амбиций и вступила, тщательно все взвесив, на путь модернизации, европеизации и демократизации.

Никакой другой выбор не может открыть перед Россией таких преимуществ, как современная, богатая и демократическая Европа, связанная с Америкой. Европа и Америка не представляют никакой угрозы для России, являющейся неэкспансионистским национальным и демократическим государством. Они не имеют никаких территориальных притязаний к России, которые могут в один прекрасный день возникнуть у Китая. Они также не имеют с Россией ненадежных и потенциально взрывоопасных границ, как, несомненно, обстоит дело с неясной с этнической и территориальной точек зрения границей России с мусульманскими государствами к югу. Напротив, как для Европы, так и для Америки национальная и демократическая Россия является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе.

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь четкого отречения от имперского прошлого и во вторую – никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой. Первое требование означает согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского Союза. Такое согласие не исключает экономического сотрудничества предпочтительно на основе модели старой европейской зоны свободной торговли, однако оно не может включать ограничение политического суверенитета новых государств по той простой причине, что они не желают этого. В этом отношении наиболее важное значение имеет необходимость ясного и недвусмысленного

признания Россией отдельного существования Украины, ее границ и ее национальной самобытности.

Со вторым требованием, возможно, будет еще труднее согласиться. Подлинные отношения сотрудничества с трансатлантическим сообществом нельзя основывать на том принципе, что по желанию России можно отказать тем демократическим государствам Европы, которые хотят стать ее составной частью. Нельзя проявлять поспешность в деле расширения этого сообщества, и, конечно же, не следует способствовать этому, используя антироссийскую тему. Однако этот процесс не может, да и не должен быть прекращен с помощью политического указа, который сам по себе отражает устаревшее понятие о европейских отношениях в сфере безопасности. Процесс расширения и демократизации Европы должен быть бессрочным историческим процессом, не подверженным произвольным с политической точки зрения географическим ограничениям.

* * *

Для многих русских дилемма этой единственной альтернативы может оказаться сначала и в течение некоторого времени в будущем слишком трудной, чтобы ее разрешить.

Для этого потребуются огромный акт политической воли, а также, возможно, и выдающийся лидер, способный сделать этот выбор и сформулировать видение демократической, национальной, подлинно современной и европейской России. Это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Для преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуется не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства. В настоящее время на горизонте не видно никакого русского Ататюрка. Тем не менее, русским в итоге придется признать, что национальная редефиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения. Им придется согласиться с тем, что высказывания Ельцина в Киеве в 1990 году о неимперском будущем России абсолютно уместны. И подлинно неимперская Россия останется великой державой, соединяющей Евразию, которая по-прежнему является самой крупной территориальной единицей в мире.

Во всяком случае, процесс редефиниции «Что такое Россия и где находится Россия» будет, вероятно, происходить только постепенно, и для этого Запад должен будет занять мудрую и твердую позицию. Америке и Европе придется ей помочь. Им следует предложить России не только заключить специальный договор или хартию с НАТО, но и начать вместе с Россией процесс изучения будущей формы возможной трансконтинентальной системы безопасности и сотрудничества, которая в значительной степени выходит за рамки расплывчатой структуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). И если Россия укрепит свои внутренние демократические институты и добьется ощутимого прогресса в развитии свободной рыночной экономики, тогда не следует исключать возможности ее еще более тесного сотрудничества с НАТО и ЕС.

В то же самое время для Запада и, особенно, для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам – для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи – должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы. Среди этих государств три страны имеют особо важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина.

Независимый Азербайджан может стать коридором для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря и Средней Азии. И наоборот, подчиненный Азербайджан означал бы возможность изоляции Средней Азии от внешнего мира и политическую уязвимость при оказании Россией давления в целях реинтеграции. Узбекистан, который с национальной точки зрения является наиболее важной и самой густонаселенной страной Средней Азии, является главным препятствием для возобновления контроля России над регионом. Независимость Узбекистана имеет решающее значение для выживания других государств Средней Азии, а кроме того, он наименее уязвим для давления со стороны России.

Однако более важное значение имеет Украина. В связи с расширением ЕС и НАТО Украина сможет в конечном счете решить, желает ли она стать частью той или другой организации. Вероятно, для усиления своего особого статуса Украина захочет вступить в обе организации, поскольку они граничат с Украиной и поскольку, вследствие происходящих на Украине внутренних перемен, она получает право на членство в этих организациях. Хотя для этого потребуются определенное время, Западу не слишком рано – занимаясь дальнейшим укреплением связей в области экономики и безопасности с Киевом – приступить к указанию на десятилетний период 2005–2015 годов как на приемлемый срок инициации постепенного включения Украины, вследствие чего уменьшится риск возможного возникновения у украинцев опасений относительно того, что расширение Европы остановится на польско-украинской границе.

Несмотря на протесты, Россия, вероятно, молча согласится с расширением НАТО в 1999 году и на включение в него ряда стран Центральной Европы в связи со значительным расширением культурного и социального разрыва между Россией и странами Центральной Европы со времени падения коммунизма. И напротив, России будет несравнимо труднее согласиться со вступлением Украины в НАТО, поскольку ее согласие означало бы признание ею того факта, что судьба Украины больше органически не связана с судьбой России. Однако, если Украина хочет сохранить свою независимость, ей придется стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она хочет стать частью Центральной Европы, ей придется сполна участвовать в связях Центральной Европы с НАТО и Европейским Союзом. Принятие Россией этих связей тогда определило бы собственное решение России также стать законной частью Европы. Отказ же России стал бы равносителен отказу от Европы в пользу обособленной «евразийской» самостоятельности и обособленного существования.

* * *

Следует надеяться на то, что отношения сотрудничества между расширяющейся Европой и Россией могут перерасти из официальных двусторонних связей в более органичные и обязывающие связи в области экономики, политики и безопасности. Таким образом, в течение первых двух десятилетий следующего века Россия могла бы все более активно интегрироваться в Европу, не только охватывающую Украину, но и достигающую Урала и даже простирающуюся дальше за его пределы. Присоединение России к европейским и трансатлантическим структурам и даже определенная форма членства в них открыли бы, в свою очередь, двери в них для трех закавказских стран – Грузии, Армении и Азербайджана, – так отчаянно домогающихся присоединения к Европе.

Нельзя предсказать, насколько быстро может пойти этот процесс, однако ясно одно: процесс пойдет быстрее, если геополитическая ситуация оформится и будет стимулировать продвижение России в этом направлении, исключая другие соблазны. И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, все больше приобщающееся к принципам современности и демократии, заполнит «черную дыру» в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. Это вопрос насущных потребностей выживания.

(Из книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска», 1998 г.)

Ассимиляция России

Чем явился недавний саммит Буш-Путин

(

в ноябре 2001 года

– Ред.)

в городке Крофорд, штат Техас, – повторением Ялты или Мальты? Хотя судить об этом слишком рано, но задаться таким вопросом пора. В 1945 году в Ялте очарованный Франклин Рузвельт побратался с «дядюшкой Джо» и, в обмен на тактическое обещание Советов вступить в войну против Японии сделал стратегическую уступку, отдав под советский контроль Восточную и Центральную Европу. В 1989 году на о. Мальта ликующий Джордж Буш-старший тактически превозносил последнего советского руководителя как великого европейского государственного деятеля, получив взамен стратегическое согласие на то, что Германию, которую вскоре предстояло объединить, следует прочно привязать к Организации Североатлантического договора (НАТО).

Оба вышеупомянутых саммита были яркими проявлениями личной дипломатии. Этот аспект естественно привлек наибольшее внимание и вызвал лавину комментариев в средствах массовой информации (СМИ), которые обычно начинались с благоговейных ссылок на «новую эру» или «исторический прорыв», или «великое воссоединение» в американо-российских отношениях. В обоих саммитах в западных СМИ российских лидеров хвалили за то, что те сумели преодолеть тайную внутреннюю оппозицию их не всегда вполне очевидному личному желанию договориться с Соединенными Штатами по стратегическим вопросам.

Однако действительно важный урок из такой персональной дипломатии куда более прозаичен. Персональная дипломатия на саммитах не может преуспеть, если только она круто не замешана на решимости достичь твердо отстаиваемых стратегических целей, которая является производным холодных расчетов действительного соотношения сил между двумя собеседниками. Разумеется, персональная дипломатия способна смягчить жесткие углы встречи и может играть роль ширмы, за которой более слабая сторона имеет возможность без явного унижения делать уступки. Но, если она сфокусирована только на тактических заботах, то может стать рецептом для последующего разочарования. На Мальте президент США знал, чего хочет (в стратегическом плане) и что может получить (в тактическом плане). Его успех привел к окончанию «холодной войны» на условиях, которые представляли собой победу дела свободы, демократии и прав человека. Ялта была чем угодно, только не победой Запада.

Сегодня стоит вопрос, приведут или нет новые отношения между Джорджем Бушем-младшим и Владимиром Путиным к дальнейшему расширению евроатлантического пространства и долгосрочной ассимиляции в нем постсоветской России; или, быть может, совместное участие в кампании против глобального терроризма будет иметь следствием договоренности, которые фактически подорвут политическую сплоченность интегрированного (евро)атлантического альянса, который является величайшим достижением Америки после окончания Второй мировой войны?

Ассимиляция России желательна и даже исторически неизбежна. У России в действительности нет выбора, поскольку ее громадные, но в основном малонаселенные территории граничат на юге с 300 миллионами мусульман (которых она основательно восстановила против себя своими войнами против афганцев и чеченцев), а на востоке – с 1,3 миллиарда китайцев. Но то, на каких условиях произойдет эта ассимиляция, будет определять, насколько стабильным станет Евразийский континент и насколько прочным будет (евро)атлантический альянс.

Быть может, внезапное прозрение г-на Путина теперь заставляет его больше не желать разъединения Америки и Европы, не выстраивать с Китаем отношений «стратегического партнерства», направленного против американской гегемонии, не создавать славянского союза с Белоруссией и Украиной, не пытаться подчинить Москве недавно обретшие независимость государства на постсоветском пространстве – то есть не добиваться всего того, к чему он активно стремился всего несколько недель назад? Но, как известно, имперская ностальгия умирает медленно, и она наверняка задержалась в главных институтах российской власти, в частности, в вооруженных силах и органах безопасности, а также среди российской внешнеполитической элиты. Официальные выразители мнений этих институтов достаточно ясно дают понять, что поворот России к Западу должен сопровождаться важными уступками с его стороны, некоторые из которых могут оказать

отрицательное влияние на общие ценности и жизнеспособные консенсуальные процедуры (евро)атлантического альянса.

К сожалению, в плане обоих вышеназванных ключевых вопросов – ценностей и процедур – упор на персональную дипломатию имеет тенденцию заслонять то, что должно оставаться ясно видимым. Если хотят, чтобы Россия была тесно ассоциирована с (евро)атлантическим сообществом, она должна себя вести в соответствии с европейскими стандартами даже в трудных обстоятельствах. Великобритания многие годы ведет борьбу с терроризмом в Ольстере, от которого страдают Лондон и даже королевское семейство, однако Белфаст не разрушен до основания, а примерно 30 тысяч ирландских мирных граждан не стали жертвами массовой резни. После нескольких лет кровопролитной войны Франция в конце концов признала, что алжирцы – не французские подданные. Разве эти уроки не имеют касательства к войне г-на Путина в Чечне?..

* * *

Недавняя инициатива Великобритании, которая, надо полагать, с молчаливого одобрения Соединенных Штатов Америки предложила создать новый механизм принятия решений для укрепления сотрудничества между НАТО и Россией, тоже таит в себе опасность запутывания в процедурном плане того, что должно оставаться ясным. Разногласия в НАТО решаются путем консенсуса, тогда как членство в этой организации строится на основе общего обязательства способствовать совместным интересам национальной безопасности. Однако англичане предлагают создать новый орган «Совет Россия-НАТО», в котором Россия и сегодняшние 19 государств – членов НАТО будут рассматривать возможные меры по укреплению совместной безопасности. Этот орган будет заседать на регулярной основе, тем самым дублируя ныне действующий в структуре НАТО высший руководящий орган – Североатлантический совет. В отличие от ранее созданного консультативного совместного совета НАТО-Россия, в котором НАТО и Россия фактически встречаются один на один (формула 19 + 1), английское предложение предусматривает обсуждения на равноправной основе среди всех 20 членов совета.

Нетрудно вообразить себе политические последствия английского предложения.

Российская сторона, надо полагать, будет приходить на каждое заседание с четкой собственной позицией, а вот остальные 19 участников совета не успеют выработать единую позицию государств – членов НАТО. Россия де-факто станет участвовать в обсуждениях политики НАТО и сможет играть на расхождениях во взглядах союзников по НАТО еще прежде, чем ими будет сформирован консенсус. Это формула для внутренних раздоров, а не для укрепления сотрудничества с государством, не являющимся членом НАТО.

Она может свести НАТО к чему-то вроде Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (которая не способна ни к каким действиям) или же расколоть НАТО на соперничающие блоки, где государство, не являющееся членом НАТО, будет иметь возможность использовать в своих интересах традиционные трансатлантические или (внутри)европейские распри.

Странно, что предложение такой важности премьер-министр Блэр сделал как своим союзникам, так и России. Было бы более правильно тщательно изучить эту идею на предстоящей встрече государств – членов НАТО на министерском уровне, а не внезапно и – для некоторых членов НАТО – тревожно-подозрительно генеральному секретарю НАТО торопиться в Москву, чтобы положить английское предложение перед российским президентом, который ему обрадовался, что не очень-то удивительно.

По меньшей мере, на декабрьской встрече НАТО на министерском уровне следует отложить принятие решения по этому вопросу до тех пор, пока он не будет тщательно изучен. На кон, в дополнение к общим ценностям, поставлена сама сущность военно-политической интеграции альянса. Следует исходить в первую очередь из того, что любой совместный механизм НАТО-Россия, рассматривающий совместные шаги по укреплению безопасности, не должен стать заменой для прежних решений НАТО, касающихся желательности подобных совместных акций.

По-прежнему актуальный урок нескольких последних десятилетий заключается в том, что вовлечение России в западные структуры следует проводить на основе долгосрочной стратегии, а не ради зрелищных личных отношений или кратковременных тактических выгод. В следующем ноябре НАТО проводит встречу на высшем уровне в Праге, которую

предполагается отметить принятием в состав этой организации новых членов из числа государств Центральной Европы. Это событие должно явиться исторически подходящим моментом – на котором, как хочется надеяться, будут присутствовать президенты России и Украины – для соединения расширения НАТО с последовательным вовлечением в него расположенных дальше к востоку государств, что может указывать даже на появление когда-нибудь в будущем панъевразийской системы коллективной безопасности, ядром которой станет НАТО. Держа курс на этот ориентир, Соединенные Штаты и их союзники должны иметь в виду коренные различия между Ялтой и Мальтой.

(«The Wall Street Journal». 28 ноября 2001 г.)

Польско-российское примирение изменит Европу?

(из интервью 3. Бжезинского газете «Rzeczpospolita»,

Польша, 24 мая 2010 г.)

– Со дня катастрофы под Смоленском прошло больше месяца. Вы до сих пор верите в историческое примирение поляков и россиян?

– Катастрофа дала шанс на то, что оно произойдет. Однако примирение требует времени и взаимных усилий. Они сейчас предпринимаются: главным образом с российской стороны происходит отчетливая переоценка истории отношений с Польшей. Это важно, так как большая ответственность за процесс примирения лежит на более сильном государстве. Чтобы оно стало возможным, необходимо также сказать всю болезненную правду о Катыни. Такая переоценка со стороны России облегчит полякам изменение собственного подхода к взаимоотношениям.

– Чем вызвана такая резкая смена тона россиян? У них вдруг проснулась совесть?

– Я не считаю, что изменение было резким. Катастрофа под Смоленском стала настоящим потрясением, она вызвала в российском обществе сильные эмоции и множество спонтанных действий. Люди, которые приносили свечи к польскому посольству, делали это не из-за политического расчета. Катастрофа президентского самолета также способствовала широкому распространению понимания того, кто в действительности несет ответственность за катынское преступление. Ведь среди россиян до сих пор есть люди, которые считают, что за ним стояли немцы. Однако возможность улучшения польско-российских отношений рассматривалась в верхах власти, скорее всего, еще до катастрофы. С точки зрения национальных интересов России конфликт, который затрудняет россиянам доступ к Европейскому Союзу, невыгоден. В свою очередь для Польши важно, чтобы улучшение взаимных отношений потянуло за собой пересмотр основных принципов, исповедуемых Россией в отношениях между Москвой и странами бывшего Советского Союза.

– Какие жесты должна совершить Польша?

– Я не специалист по жестам. Но я, например, считаю конструктивным зажжение свечей на могилах советских солдат в годовщину окончания войны. В конце концов, россияне, которые погибли, изгоняя немцев из Польши, гибли в основном не за то, чтобы навязать полякам сталинский режим.

– Как вы оцениваете выступление Ярослава Качиньского, который в своем специальном обращении к россиянам поблагодарил их за «помощь и сердечность, оказанную полякам после катастрофы под Смоленском»?

– Положительно. Это было не единственное выступление, подобным образом высказывались и другие выдающиеся политики. Я считаю, что очень хорошо, что в этой сфере в Польше наблюдается определенное единодушие.

– Не испарится ли атмосфера сотрудничества, когда начнутся конкретные проблемы, а поляки вместе с дипломатами из ЕС предпримут, например, попытку перетянуть Украину на сторону Запада?

– Примирение не предполагает полного единомыслия и отсутствия различий. Что касается Украины, ее не будут перетягивать на Запад. Эта страна с почти 50-миллионным населением должна сама выбрать направление на Запад. Чтобы это стало возможным, нужно проводить политику, которая облегчит Украине принятие такого решения, но оно должно исходить изнутри.

– Вы ожидаете, что после катастрофы россияне уже не будут так остро, как они обещали, реагировать на появление первой американской батареи ракет «Patriot» в нескольких десятках километров от польско-российской границы?

– Я считаю, что их реакция будет взвешенной. Власти в Москве прекрасно понимают, что это элемент польско-американского сотрудничества, но он не направлен против интересов России. Впрочем, они сами предпринимают действия, которые могут вызвать протест: достаточно вспомнить крупные российские военные учения в Белоруссии.

– В апреле в еженедельнике «Time» вы писали, что польско-российское примирение может привести к историческим переменам в Европе. Что вы имели в виду?

– Если примирение будет иметь не только тактический характер и не ограничится властной верхушкой обоих государств, оно приведет к тому, что россияне изменят оценку роли их государства в мире и поймут, что возврата к временам империи уже не будет. Реализация такого сценария несла бы за собой чрезвычайно серьезные геополитические изменения. Они были бы положительными для всех: конечно, для Польши, но также и для Европы в широком смысле, для самой России и территории бывшего Советского Союза. Помимо прочего они означали бы повышение уровня безопасности эстонцев, украинцев или грузин.

– Однако значительная часть поляков не доверяет россиянам и требует проведения международного следствия по делу катастрофы президентского самолета, опасаясь, что власти в Москве могут скрыть какую-то существенную информацию. Вы с ними согласны?

– Нет, я не согласен, хотя я могу понять, откуда берутся их опасения. Такой подход опирается на убеждение, что правительство Польской Республики будет тем или иным образом сотрудничать с россиянами при сокрытии правды. Я исключаю такую возможность и считаю ее нереальной, необоснованной и, собственно, оскорбительной для всего польского общества.

У России нет потенциала для империи

(из интервью 3. Бжезинского газете «Polityka»,

Польша, 13 июля 2010 г.)

– Недавно в интервью для «Rzeczpospolita» вы в оптимистическом духе высказывались о происходящих в России переменах. Чарльз Купчан (Charles Kupchan) открыто призывает принять Россию в НАТО. Это умещается в голове?

– По поводу России – я оптимист, потому что я пессимист по отношению к самой России.

– То есть?

– Я пессимист в отношении того, что России удастся достичь своих прежних имперских целей. У России уже нет такого потенциала. Это становится очевидно, когда смотришь на экономическую, демографическую, научную статистику, не говоря уже о геополитическом окружении: на востоке и на юге от России появляются могучие, перенаселенные азиатские государства. У России нет выбора. Ей нужно идти в сторону Запада. И в интересах Запада, чтобы она пошла в этом направлении.

– Чтобы она вступила в НАТО?

– Тут встает вопрос: что важнее – присутствие России в НАТО, то есть, фактически уничтожение Альянса, или постепенное усиление связей России с НАТО, что может его усилить, ничего при этом не портя.

– Что вы имеете в виду под уничтожением Альянса?

– НАТО – это союз с широким военным сотрудничеством. У всех стран-членов есть взаимный доступ к военным планам друг друга. Согласилась бы Россия, чтобы американские офицеры сидели в Москве и смотрели ее планы? Согласилась бы Америка на такое же присутствие россиян в Брюсселе или Вашингтоне? Это непродуманные идеи.

– С Германией получилось.

– Немцы были на лопатках и были убеждены, что они сами виноваты в своем положении. У россиян еще нет такого же отношения к сталинизму. Но это меняется. У молодого поколения появляется понимание, что Россия должна сделать выбор, и что это должен быть выбор в пользу Запада. Таков исторический процесс. Но его результатов еще нужно подождать.

– А кто из нас их дождется?

– Многие. Я думаю, что в течение 20–25 лет этот процесс изменит понимание сущности России.

Россия не «переварит» Украину

(из интервью З. Бжезинского газете «Newsweek Polska»,

Польша, 27 декабря 2010 г.)

– В последнее время Россия делает свой имидж более теплым, отказывается от риторики силы, идет в дипломатическую атаку. Достаточно вспомнить хотя бы недавние визиты президента Дмитрия Медведева в Варшаву и Брюссель. Это видимость или реальные изменения?

– До определенной степени – это серьезные изменения, вызванные сложной внутренней ситуацией в России. Финансово-экономический кризис последних трех лет убедил московские элиты в том, что Россия сильно зависит от общемировой ситуации, что экономике и обществу угрожают стагнация, коррупция и отсутствие модернизации. Это, конечно, не означает, что Россия извлекает из этого выводы в сфере функционирования демократии в этой стране или конституционного устройства. Но россияне начинают понимать, что их будущее в значительной мере зависит от качества отношений с Западом.

– Какова сегодня реальная сила России в мире? Неоимперские амбиции могут вызывать беспокойство, но есть ли реальные шансы на возрождение державы масштаба Советского Союза?

– Повторения не будет. При этом в долгосрочной перспективе у России есть шанс стать успешным государством благодаря ее сырьевым ресурсам, экономическому потенциалу, а также размеру территории и умному, работающему народу. Только все эти элементы должны быть мудро использованы, что, к сожалению, в российской истории, не всегда становилось правилом.

– Возможно ли все-таки возрождение сильного российского влияния, по крайней мере, на постсоветском пространстве? Хотя бы на Украине, которая в последнее время сделала заметный поворот в сторону Москвы?

– Это очень чувствительный аспект. Я все же считаю, что современная Россия не «переварила» бы уже Украины.

– Почему?

– Так как Украина существует в качестве независимого государства уже более 20 лет. Представьте, как изменилась психика поляков между 1919 и 1939 годом. Обладание собственным, независимым государством оказывает колоссальное влияние на психику, особенно молодых людей. Этот опыт нельзя сравнивать в полной мере, так как в Польше ощущение национального сознания было развито гораздо сильнее. Однако факт, что Украина уже 20 лет является независимым государством со своей территорией, армией, национальными цветами и даже, что немаловажно, футбольными командами, которые вполне неплохо функционируют, формирует ощущение самоидентификации с национально-государственным суверенитетом. Попытка это подавить или превратить Украину в страну-сателлит, а потом и в часть империи, закончилась бы для России очень плохо.

– Вопрос только, думают ли нынешние киевские властные элиты подобным образом?

– Украина сейчас, действительно, очень уступчива в отношении России. Но формально она остается независимой и быстрее, чем Москва, движется в сторону Запада. Благодаря этому она начинает тянуть в сторону Запада и Россию, что выгодно Европе и особенно Польше.

– Есть еще вопрос внутренней расстановки властных сил в самой России. Как вы оцениваете роль президента Медведева? Может ли он стать самостоятельным политиком или он только марионетка в руках ведущего неоимперскую политику премьера Владимира Путина?

– Мы все прекрасно знаем, каким образом Медведев оказался на троне. Однако все очевиднее становится то, что президент начинает мыслить иначе, чем Путин, по крайней мере в отношении будущего России. Впрочем, это не единственный такой случай в российской элите. Но это не означает, что в ближайшем будущем чаши политических весов перевесят в пользу Медведева. Точно то, что в России начинает происходить нечто важное. Это течение – повод для осторожного оптимизма в размышлениях о будущем этой страны.

– Пришло ли время для того, чтобы поляки стали иначе оценивать россиян?

– Это изменение уже происходит. Его можно заметить в разговорах Бронислава Коморовского с Дмитрием Медведевым, в (правда, запоздалом) признании ответственности России и лично Сталина за катынское преступление. Это подтверждает идею, что в политике свою роль играет время. Позиция поляков в отношении немцев в последнее время тоже принципиально изменилась. Это не значит, что обо всем забыто, но исторические травмы все больше отдаляются от опыта современных поляков. И это нормальный исторический процесс.

– Может ли Польша вести в отношении России самостоятельную политику, или эта политика должна быть завязана на наше членство в ЕС и НАТО?

– В вашем вопросе уже содержится ответ. Какие у нас есть возможности для ведения самостоятельной политики? Экономический бойкот? Мы перестанем поставлять в Россию товары? Существует ли польское ядерное оружие, которое угрожает России? О чем вообще речь?

– Однако не так давно у нас были политики, которые пытались, по крайней мере на вербальном уровне, вести себя с Россией жестко.

– Есть и такие политики, которые хотят одновременно воевать и с Германией, и с Россией. Это рецепт ослабления отношений с США.

– В какой степени отчетливые изменения в восприятии нашей страны и улучшение имиджа Польши стали результатом потепления отношений между Москвой и Вашингтоном?

– Только до определенной степени. Гораздо более существенной причиной этих изменений стало убеждение, что в Польше установилась стабильная, настоящая и все более укореняющаяся демократия, что Польша – это современное государство, в котором происходит далеко идущая модернизация. Что польская экономика, в отличие от всех других европейских стран, крепко стоит на ногах. Хотя, конечно, следует быть очень осторожным, думая о будущем Польши. К этому нужно еще добавить внешнюю политику в отношении Германии и России, приближенную к позиции большинства западных европейцев. Все это влияет на улучшение имиджа Польши.

– Как нынешняя американская администрация видит роль Центральной и Восточной Европы в своей внешней политике? Звучит мнение, что знаменитая «перезагрузка»

в отношениях между Москвой и Вашингтоном происходит ценой нашего региона. Можно сказать, что мы немного ревнуем, что нам не уделяется столько же внимания, сколько во времена администрации Джорджа Буша.

– Детская ревность не может быть исходным пунктом для ведения мудрой внешней политики. Требовать, чтобы Америка постоянно доказывала свою заинтересованность, симпатию, любовь к Центрально-Восточной Европе – это ребячество. То, что Польша является партнером США – это очевидно. Правда, не равным партнером, так как диспропорция между двумя этими странами, наверное, понятна и видна всем. Но не будем забывать, что именно Америка привела в НАТО не только Польшу, Чехию, Словакию или Венгрию, но и страны Балтии. Америка поддерживает военные связи с Польшей, а Польша, в свою очередь, сотрудничает с США в Афганистане, а до этого сотрудничала в Ираке. Так что к чему это постоянное требование доказательств более глубокой заинтересованности Центральной Европой? Факты говорят сами за себя.

– Может быть, постоянное ожидание заинтересованности со стороны Вашингтона просто является доказательством польских комплексов и ощущения недооцененности?

– Это уже вопрос психологии, а не дипломатии.

– В Польше довольно распространено мнение, что улучшение отношений России и США ослабляет нашу безопасность.

– То есть Польша чувствует себя в безопасности, когда Америка не в ладах с Россией, и под угрозой, когда эти отношения улучшаются?

– Может быть, это у нас осталось от времен Рейгана.

– Но Рональд Рейган уже давно не президент, Европа не разделена, а Польша уже не страна-сателлит. Действительно, сложно требовать, чтобы американская политика опиралась на такого рода комплексы.

– У Америки наверняка есть более серьезные заботы, чем у нас. Означают ли последние изменения глобального масштаба, прежде всего рост значения таких крупных развивающихся стран как Китай, Индия, Бразилия, Россия, конец доминирующей позиции Соединенных Штатов? Со всех сторон звучит паникерское мнение, что время Америки подходит к концу.

– Перемены действительно происходят и имеют большое значение. Китай становится государством, доминирующим во всем регионе и претендующим на роль глобальной державы. И весьма правдоподобно, что он ей станет. Но это не означает, что Америка приходит в упадок. Америке еще предстоит сыграть важную роль, и если посмотреть на статистику, США до сих пор обладают огромным потенциалом.

– Несмотря на внутренние проблемы с гигантским госдолгом или дефицитом бюджета?

– Эти проблемы касаются также многих других стран. Китай еще должен преодолеть сильную социальную отсталость. А Соединенные Штаты должны предпринять большие усилия по оздоровлению своего устройства и финансово-экономической системы, о чем американское общество начинает говорить все громче, сознавая такую необходимость. И в этом заключается тот потенциал, который должна использовать Америка.

Россия зигзагами движется к Европе

(из интервью. З. Бжезинского «BBCRussian.com»,

9 сентября 2011 г.)

– Есть ли у России шансы восстановить в какой-то мере свое влияние?

– В 1970-м Советский Союз думал, что к 1980-му станет экономической державой номер один в мире. Как вы считаете, Россия станет экономической державой номер один в мире через несколько лет? В 1970-м Советский Союз твердо знал, что он – одна из двух самых сильных в военном отношении держав. А что такое военная сила сегодня? Как ее определить? Ее нельзя определить, только исходя из количества ядерных боеголовок. Я считаю, что Россия – это сильная держава, держава мирового уровня. Но она – не доминирующая в мире держава. В той же лиге есть еще несколько таких держав. А Соединенные Штаты сейчас более суверенны, чем другие, но эра 1990-х и начала этого века – эра абсолютного господства США – закончилась. Особенно сильный урон статусу Америки в мире нанес второй срок президента [Джорджа] Буша.

– Некоторые в России говорят, что единственное приемлемое будущее для страны заключается в теснейшем союзе с Европой – может быть, даже во вступлении в ЕС. Как Вы считаете, это возможно?

– Думаю, возможно. Маловероятно в ближайшем будущем, но в далекой перспективе этого исключать нельзя. Но если об этом пойдет речь, то, я думаю, большинство европейцев захочет, чтобы в такой комбинации обязательно участвовали Соединенные Штаты, потому что без них часть европейцев будет опасаться, что Россия, благодаря своему потенциалу, физическим размерам, историческим устремлениям, станет преобладающей силой в этом союзе.

– Но возможен ли этот союз ментально?

– Для кого?

– Для обеих сторон – и для европейцев, и для русских.

– Ментальным традициям свойственно меняться. Восприятие реальности, ожидания – все это меняется, как у отдельных людей, так и у стран. Все зависит от сроков. Если говорить о нескольких годах, то ответ – «нет». А если говорить о нескольких десятках лет, то ответ – да, это возможно. Не обязательно случится, но – определенно возможно.

– В России очень многие всегда считали вас врагом – Советского Союза ли, России ли. И вот вы приезжаете на форум, который задуман как демонстрация того, что Россия опять сильна и остается центром, в данном случае, мировой политической мысли. Зачем?

– Во-первых, если кто-то когда-то был противником гитлеризма, делает ли это его противником всех немцев? Я был противником Советского Союза, и в особенности сталинизма, но при этом – так уж вышло – мне нравятся русские, русская культура, ощущение близости между людьми, и я считаю, что Россия имеет все возможности для того, чтобы стать успешной европейской страной.

Если она продолжит развивать, укреплять и углублять демократию, если избежит регрессивной тенденции к авторитаризму, если избежит скатывания в шовинизм – тогда она имеет все шансы стать европейской – западной европейской! – страной, входящей в одно широкое содружество.

Оно будет включать не только Европу, но и Соединенные Штаты, потому что чувство уверенности европейских стран, в случае союза с Россией, будет очень сильно зависеть от степени вовлеченности США в процесс.

– А Россия, по вашим ощущениям, хочет и готова избежать этих негативных тенденций?

– История не развивается по прямой. Даже в наилучших условиях она делает повороты, иногда течет вспять, потом возобновляет движение вперед. Мое ощущение от России таково, что преобладающая часть общества здесь понимает и принимает желательность демократии. Но это не исключает временных отступлений, а потом возобновления процесса. Это вполне нормально.

Я смотрю на молодое поколение русских, и когда я читаю то, что написано в российских газетах, в книгах, когда я читаю мемуары многих людей, живших в эпоху Сталина, – это фантастические мемуары. Например, поэтессы, которая была коммунистическим агитатором в Ленинграде в блокаду и в то же самое время писала дневник – невероятно критические по отношению к системе заметки, отвергающие жестокость НКВД-КГБ. Когда читаешь это, то понимаешь, что этот психологический грим – как должен выглядеть русский – меняется, как меняется и понимание собственной истории. И это дает мне основания считать, что длившаяся примерно 60 лет глубокая идеологическая изоляция России от Европы заканчивается.

И даже если сейчас есть временный откат к национализму-шовинизму – а некоторые признаки этого действительно заметны – он не навсегда.

И я ожидаю, что Россия все же будет двигаться, пусть зигзагами, к Европе. Если Европа при этом поведет себя разумно и вовлечет в процесс Америку, то это будет ситуация тройного выигрыша: выигрыша для Америки, для Европы и для России.

У России есть надежда

Россияне выходят из спячки эпохи застоя

(из интервью З. Бжезинского «TVN24», Польша,

19 октября 2011 г.)

– Как вы думаете, Россия вступает в очередную «эпоху Брежнева»? Деградация или глубинные процессы, которые происходят и в других странах, выйдут все же наружу?

– Я склонен придерживаться несколько другой точки зрения. Это не означает, что я исключаю в ближайшем будущем деградацию.

Я полагаю, что это будет характерной чертой России, несмотря на попытки Путина доказать россиянам, что их страна современная, энергичная, динамичная, уверенная в себе и занимающая стабильное положение в мире, возвращающая себе влияние в качестве империи. Это у него не получится из-за этой стагнации. В то же время мне кажется, что на уровне общества...

– В России начнется то самое пробуждение?

– Именно. В обществе среди молодых людей происходят принципиальные перемены в ценностных ориентирах, в восприятии окружающего мира, даже в ощущении своего места в этом мире. И это не надо как-то выражать. Это становится естественным. В порядке вещей, что просвещенные россияне читают газеты, где масса информации о том, что происходит в мире и что не подлежит цензуре. Такая информация определенно влияет на их взгляды и настроения.

Миллионы россиян путешествуют в другие страны – никогда такого прежде в российской истории не было. Тысячи едут на Запад учиться, и некоторая часть из них возвращается. Тысячи, а может, десятки тысяч хотят эмигрировать, но часть из них тоже поворачивает домой. Меняется отношение к власти. Слышна критика, посмеиваются над Путиным, над его образом эдакого русского супермена, обнаженного по пояс.

Это уже новое поколение.

Я уверен, что, даже если сейчас наступит эра Путина – и немного квазиимперская и квазиевразийская, – у него ничего не получится.

Это тоже интересно, как он развивает эту тему. Путин не знает, какие истоки у этой теории. Они берут начало в 1920-е годы, когда русская эмиграция пыталась создать антикоммунистическую идеологию без связей с Российской империей, чтобы втянуть в это не только российские территории.

И я думаю, что россияне, которые все больше чувствуют себя окруженными (пусть это и крупнейшая страна в мире), с одной стороны, Китаем, а с другой – Западом, понимают: их будущее возможно лишь в одном направлении – на Западе.

А это неизбежно ведет к фактическому признанию независимости Украины и вероятности того, что она, несмотря на все «покачивания» из стороны в сторону, будет двигаться в направлении Запада.

Нет, не затем, чтобы вступить в НАТО. А просто чтобы быть частью этого мира, который привлекательнее, интереснее и притягательнее.

У России есть надежда

(из интервью 3. Бжезинского «Newsweek Polska»,

Польша, 29 декабря 2011 г.)

– Когда 20 лет назад в Кремле спускали красный флаг, велись речи о конце истории. История не закончилась, а идеологический триумф Америки и победа рынка над плановой экономикой не только не усилили позицию Запада, но и ускорили его эрозию. Сейчас пошатнулся Европейский Союз. Выстоит ли он?

– Я оптимист. Германия и Франция, наконец, продемонстрировали то, чего не хватало Европе с начала кризиса – а именно лидерство. Опасения, что Германия займет в новой конструкции доминирующую позицию, необоснованны, хотя немцы должны по понятным

причинам чутко прислушиваться к чувствам и интересам других стран. Но в сто раз важнее нечто другое: кризис, который переживают Европа и Америка, разворачивается в драматически меняющемся мире, который раздирают новые противоречия.

– А одновременно этому новому миру нужны традиционные сильные державы, так как глобальные последствия их скоростного угасания никому не сулили бы ничего хорошего.

– Запад сегодня не уверен в собственных ценностях. Соединенные Штаты попали в фискальный тупик и быстро превращаются в страну с самым неравномерным и несправедливым распределением доходов. Америке – еще недавно доминировавшему на мировой сцене игроку – может не хватить силы и энергии для выстраивания архитектуры нового мирового порядка. Ее роль в этом нестабильном мире зависит от того, как она справится с внутренними проблемами.

– Так что нам стоит быть готовыми к массе сюрпризов. Удивила ли вас 20 лет назад внезапная кончина извечного врага – СССР?

– Нет. После победы «Солидарности» на выборах в Польше, падения Берлинской стены, избрании Леха Валенсы и Вацлава Гавела на должность президентов, обретения независимости Литвой, Латвией и Эстонией осенью 1991 года стало ясно, что дни империи сочтены. Для меня референдум на Украине и произошедшая вскоре после этого встреча «тройки» Ельцин – Кравчук-Шушкевич – лидеров России, Украины и Белоруссии – в Беловежской пуще означали де-факто распад СССР. Спуск красного флага в Кремле был уже формальностью, за которой было приятно наблюдать.

– Как вы, человек, которого в течение десятилетий считали в Кремле публичным врагом номер один, ее восприняли: с ощущением триумфа или, скорее, облегчения?

– С чувством глубокого удовлетворения, что, наконец, наступило то, что не наступило в 1945 году – свобода. После распада СССР я сразу же пришел к выводу, что следует безотлагательно начать усиливать независимость Украины. Возможно, с объективной точки зрения, это не было тогда самым важным, но мои мысли пошли тогда в этом направлении.

– Вас ненавидели в Москве по разным причинам: из-за кампании в защиту прав человека, нормализации отношений с Китаем, которая имела отчетливо антисоветское содержание и нацеленность, и, конечно, позиции в отношении советской агрессии в Афганистане. А прежде чем вы попали в Белый дом, они не могли простить вам упорного разоблачения их идеологии.

– Я приравнивал режим немецких фашистов к тоталитарному правлению Сталина. Это должно было быть болезненно. Они, понесшие гигантские жертвы в войне с Гитлером, помещались в один ряд с нацистами. Обе эти тоталитарные системы сделали из государства орган коллективного действия, оба добивались повиновения жестоким террором и совершали массовые преступления, которым нет равных в истории человечества. Им также было наверняка неприятно, когда я писал, что Сталин не предал Ленина, а был его верным продолжателем.

– В 1956 году за несколько дней до забастовки на познаньском заводе Цегельского 28-летний Збигнев Бжезинский опубликовал во влиятельном издании «New Republic» статью о зарождающихся в советском лагере конфликтах и о дилемме Москвы – на сколь коротком поводке держать режимы-сателлиты.

– Катастрофическая неэффективность коммунистической экономики усиливала эти конфликты и дилеммы. Огромное значение для зарождающейся оппозиции имело переосмысление президентом Джимми Картером принятых «законов» холодной войны.

Картер отказался от политики Никсона-Киссинджера-Форда, предписывавшей избегать идеологических споров. С самого начала он вмешивался во внутренние советские дела. Он был первым президентом США, который публично усомнился в легитимности власти Советов в их собственной стране. Он выделил огромные деньги на «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа», утвердил финансирование контрабандной переправки в СССР подрывной литературы. В случае радикального нарушения прав человека он использовал экономические санкции. Он запустил новые программы вооружения и тайные операции в странах Третьего мира, чтобы противостоять действиям Москвы.

– Все это расходится с распространенным мнением о его слабости и нерешительности. Республиканец Роберт Гейтс (Robert M. Gates), бывший глава ЦРУ и министр обороны, написал в своих мемуарах, что историки и политические наблюдатели недооценивали вклад Картера в распад Советского Союза.

– При Картере СССР вошел в Афганистан, а мы ввели широкомасштабные экономические санкции, бойкотировали Олимпиаду в Москве, поддерживали антисоветское подпольное движение. Приносило выгоды и партнерство с Китаем – тоже авторства Картера, а не, как принято считать, Ричарда Никсона. Нам удалось убедить Дэн Сяопина построить на китайской территории станцию слежения за советскими ракетными испытаниями, а потом обучать в Китае афганских партизан. Пекин также поддержал их военной техникой.

– Кремлевская нелюбовь к вам происходила из того, что вы говорили о работающем там негативном отборе: что у каждого нового лидера меньше размер шляпы. Эту закономерность переломил лишь Горбачев. У вас, еще до распада СССР, чувствовалась к нему определенная симпатия.

– Это не слишком ему помогло, потому что он столкнулся с квадратурой круга. Говорить о перестройке и гласности было легче, чем ответить на вопрос, что сделать с ленинизмом. Его правление ускорило кончину империи. Он не провел никаких существенных экономических реформ и, сам того не желая, вытаскил на поверхность национальные вопросы. Гласность служила отличным прикрытием для проявления антирусских настроений.

Украинский писатель мог, не указывая пальцем на великороссов, назвать Сталина преступником за уничтожение украинской культурной элиты и голодную смерть миллионов украинцев. Прибалты могли собираться, чтобы почтить память жертв сталинских ссылок, и требовать большей автономии, не высказывая категорического осуждения русских. А Горбачев не мог одновременно говорить о гласности и запретить подобные манифестации.

– Осенью 1989 года, за два с небольшим года до распада СССР, вы были в Москве по приглашению Академии наук и в заполненном до отказа зале говорили о том, что европейский дом не будет общим так долго, как долго отдельные его части останутся за стеной. Несмотря на приклеившийся к вам ярлык русофоба, аудитория стоя аплодировала этим словам.

– Это был симптом перемен. По случаю того визита я попросил главного идеолога перестройки и гласности Александра Яковлева разрешить мне поездку в Катынь. Я чуть не лопнул от гнева, когда местный партийный сановник вручил мне венок с надписью «Польским офицерам, жертвам немецкого преступления 1941 года». Я сорвал эту ленту и написал большими буквами на листе бумаги: «Польским офицерам, жертвам Сталина и НКВД». Советское телевидение снимало это и показало, хотя в то время еще ходила лживая версия событий.

– Недавно вы встречались с Медведевым, а с Путиным такого удовольствия вы не имели?

– Не имел, но я думаю, что знаю о нем достаточно. Я знаю, что он считает распад СССР крупнейшей трагедией XX века. Он вышел из элиты КГБ – агентов, работавших за границей. Это были самые лелеемые чада СССР. У этих людей был доступ к западной литературе, они могли путешествовать по миру, пользовались полным доверием. Я легко могу себе вообразить, что они испытывали, наблюдая распад Советского Союза, и как определенная часть из них – молодые, амбициозные, энергичные – сказала себе: нужно взять это под контроль.

– Вы сравнили нападение России на Грузию в 2008 году с советской агрессией против Финляндии.

– Это было грубое и безответственное использование силы ради того, что подчинить себе более слабого демократического соседа. Нападение на Грузию нельзя воспринимать как изолированный случай. Путин и его кремлевские товарищи не приемлют постсоветских реалий. Ставка высока: трубопровод из Баку идет через Грузию к турецкому берегу Средиземного моря. Если отрезать этот путь, западный мир лишится важного источника получения топлива. Если Россия неверно оценит свои силы и примет империалистический курс, мы все будем за это расплачиваться. Это вторжение было также своего рода мрачным комментарием к иллюзиям, которые в течение восьми лет питал Белый дом к Путину и его режиму. Я был сконфужен, когда президент Джордж Буш заглянул в глаза Владимира Путина и увидел в них душу демократа.

– Сейчас, в отличие от той ситуации, какая была несколько лет назад, Россия понимает, что она живет не в пустоте, что проблемы западной экономики – это повод для беспокойства, а не для того, чтобы пить шампанское. А размахивание шашкой по поводу ПРО и запугивание ракетами в Калининградской области призвано цементировать народное единство?

– Кумовство и коррупция чувствуют себя превосходно, но о ней открыто пишут и говорят. Модернизация не ладится. Однако Россия вступает в третью фазу посткоммунистического развития. Первый – это малая стабилизация, вторая – при Путине – восстановление сильной власти, но это путь в никуда. А третья – это зарождение гражданского общества, которое начинает независимо мыслить и требовать правового государства и свободного выбора. Много людей, особенно молодых, ездит по миру и хочет быть частью Запада. Я считаю, что в долгосрочной перспективе единственный разумный сценарий для России – это движение в сторону Запада. И в какой-то момент Россия может прийти к выводу, что активное участие в западных структурах даст ей большую территориальную безопасность, особенно на пустующем Дальнем Востоке. Это может перевесить чашу сомнений. Сближение России с Западом будет продвигаться тем быстрее, чем шире мы сумеем открыть двери для сближения с ним Украины. Я подробнее пишу об этом в книге, которая выйдет в январе.

– Это вновь отсылает нас к вашим размышлениям 20-летней давности: нужно помочь Украине. Но не она ли сама усложняет себе жизнь?

– Это страна, действительно, измучена коррупцией и нищетой, а демократия там свертывается. Но я рад, что Варшава и Европа не сдаются. Я считаю, что если Украина приблизится к Западу, на этом выиграет не только она сама, но и Европа, и Россия.

У России нет другого выбора, кроме союза с Западом

(из выступления З. Бжезинского на презентации его книги «Стратегический взгляд: Америка и кризис глобальной силы» (Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power). Отель «Willard Intercontinental», Вашингтон, 10 февраля 2012 г.)

...При взаимодействии с Россией нам следует помнить, что эта страна переживает период исторических внутренних перемен. В России еще нет демократии, потому что демократические движения происходят за пределами политической системы, но демократия начинает сосуществовать с политической системой как альтернатива. Перемены в России очень похожи на то, что происходило в Польше с движением «Солидарность». Для России это означает две вещи: первое – общество начало осознавать проблемы системы, второе – люди перестали бояться. Да, были политические убийства, но они не сыграли на укрепление симпатий к Путину, наоборот. И это совершенно новая реальность для России...
Возможно, Россия под руководством Путина движется как раз в обратном направлении от демократизации, но с Путиным или без Путина, у нее нет иного выбора, кроме как движение в западном направлении. Новая Россия, в конечном итоге, встанет на западный путь развития.

Россия – часть европейской цивилизации

(из интервью З. Бжезинского для «Коммерсантъ FM»,

7 ноября 2012 г.)

– Что в американской политике останется неизменным, а что может измениться под влиянием обстоятельств после этих президентских выборов?

– Американское отношение к России, я думаю, реалистическое и ориентировано на сотрудничество. Взаимоотношения двух стран зависят от двух факторов. При этом ни один из них не зависит от США. Первый касается безопасности в регионе, близком к России, а точнее – находящемся южнее от нее. Это может привести к осложнениям в наших отношениях – не по вине Вашингтона или Москвы, в связи с тем опасным развитием событий в регионе, о которых мы узнаем. Второй фактор – растущие внутренние сложности в России. Это и экономические, и социальные проблемы, которые господин Путин, кажется, не осознает в полной мере. То, что он делает для разрешения проблем, по моему мнению, приведет только к более тяжелому внутреннему кризису.

– А в чем конкретно Путин ошибается?

– Кажется, он не понимает, что российская экономика, которая на деле сильно напоминает экономику Нигерии, не соответствует устремлениям россиян. Ведь они уже больше не живут в изолированной стране, они прекрасно представляют себе, что такое современность. Невозможно построить страну на основе одномерной экономики и националистических лозунгов. Это верный путь к самоизоляции и бесконечному воспроизведению одних и тех же проблем.

– Когда вы говорите об осложнениях на южном фланге России, вы имеете в виду Ближний Восток, Иран, Сирию?

– Абсолютно верно. А еще юг России – Кавказ и Центральную Азию.

– Многие в России и в США говорят, что политика Обамы, политика перезагрузки в отношении России ни к чему не привела, потому что это политика слабости. Вы согласны с этим?

– Нет, не могу полностью согласиться. Я не думаю, что речь идет о слабости. Совершенно справедливо – американская политика была пассивной, неактивной, не творческой, нерешительной. В то же время в России была медведевская интерлюдия, антракт, когда было не совсем понятно, кто реально за все отвечает. И привело к стагнации отношений. Я никого особо в этом не обвиняю, но, я думаю, что этот результат не самый удачный.

– Как ситуация на Ближнем Востоке, вокруг Сирии и Ирана, может повлиять на российско-американские отношения? Что бы вы порекомендовали администрации, чтобы, скажем так, Россия более позитивно относилась к инициативам Соединенных Штатов?

– Я думаю, что речь идет не только о России. Это вопрос о том, способны ли Америка и в равной степени Россия и Китай, и другие страны, работать вместе. Пока что у них это не получается. В этой связи я критиковал американскую политику, которая была слишком односторонней в отношении Сирии. А к сирийской проблеме добавляется и иранская проблема. Тут пока Россия и Китай с Америкой более или менее сотрудничают. Но Сирия может стать серьезной проблемой. Стоит ситуации там выйти из-под контроля, и потребуется всего несколько недель, чтобы дестабилизация началась в Ираке и Ливане.

– Вы сказали, что политика нынешней американской администрации в отношении России была довольно пассивной. Что бы вы порекомендовали сделать, чтобы она стала более активной?

– Я думаю, что мы должны наладить более конструктивные отношения и вернуться к решению тех проблем, с которыми теперь, из-за отсутствия какого-либо движения в последние четыре года, будет справиться сложнее. Это большой план действий – и вопросы безопасности, и экономики, и регионального развития.

– В то же время, если посмотреть на ту роль, которую Россия сегодня играет во внешней политике Соединенных Штатов, то это явно не главный приоритет. Может быть, поэтому и возникают проблемы, потому что России не уделяется достаточно внимания?

– Прежде всего, вы очень точно определили проблему.

Отношения с Россией совсем не на первом месте. В крайнем случае, на третьем. Что важнее? Очевидно, это отношения с Китаем, с Европой, проблемы на Ближнем Востоке и в Западной Азии. Но Россия – важный игрок. Важно вовлечь ее конструктивно в эти процессы. Но также очень важно для России сформулировать свое видение мира и понимание собственного исторического контекста, которые бы ей позволили справиться с растущими домашними проблемами.

Меня беспокоят национализм, натужное позерство, вроде создания Евразийского союза, к которому, кажется, никто не хочет присоединяться, кроме самой России. Вся эта политика, на самом деле, означает бегство от реальных проблем.

– А какой должна быть реалистической, с вашей точки зрения, самооценка российского руководства и оценка российской истории, исторического контекста?

– Вы – часть европейской цивилизации.

Первостепенной целью должно быть стремление стать полноценным членом Европы. Любые препятствия на этом пути наносят такой урон! Поэтому мне показалось странным, когда я посмотрел на современную Россию: у вас такие умные и творческие люди, в вас столько потенциальной энергии, а вы слоняетесь вокруг да около с какими-то устаревшими представлениями о евразийстве, национализме, не говоря уж о комических претензиях на всемирное лидерство.

– Когда вы работали в администрации президента Джими Картера первые три года была напряженность в отношениях с СССР, но был определенный диалог: пришли к договору о ОСВ, который был подписан в Вене в 1979 году. После этого случилось вторжение в Афганистан. В последний год президентства Картер организовал бойкот Олимпийских игр в Москве в 1980 году и проводил очень жесткую линию в отношении Москвы. Чувствуете ли вы, что нынешняя ситуация чем-то похожа и может сдвинуться к конфронтации, хотя бы на символическом уровне?

– Я не стал бы тут приводить прямые исторические аналогии. Но я думаю, что внутренние проблемы России усугубятся. Решить их с помощью внешнеполитических авантур невозможно. Да и сил у России для подобного рода политики нет. Россияне и их лидеры должны обновить Россию. Это значительная по масштабу задача. Она исторически обоснована. Это амбициозная задача. Ее решение даст возможность российскому народу, России стать лидирующим европейским государством, играющим глобальную роль. И это – причина для России быть вместе с Европой и с Америкой. Особенно в эпоху, когда мир перестраивается и возникают новые межконтинентальные союзы. Будь я русским, то посмотрел бы на Восток и быстро разобрался бы, на кого мне ориентироваться.

– Вы имеете в виду Китай и его отношение к России?

– (Смеется). Это вы сказали.

«Я верю в процветание России после Путина»

(из выступления З. Бжезинского в Конгрессе США,

8 декабря 2012 г.)

...Я думаю, что Путин до какой-то степени сделал из себя заложника имперской ностальгии. Он производит впечатление человека, преданного идее о том, что величие России зависит от того, до какой степени Москва сможет оживить, активировать и переутвердить свою гегемонию на пространстве бывшей советской или Российской империи. И я думаю, что это представляет серьезную проблему – проблему видения и исторического направления. С моей точки зрения, России с подобными взглядами и приоритетами будет очень сложно решить широкий спектр острых внутренних проблем в стране.

Советский Союз больше не существует, и Соединенные штаты не рассматривают Россию как врага. Существует проблемы в наших взаимоотношениях с Россией, но эти проблемы не свидетельствуют о стратегической ненависти или исторической вражде с нашей стороны. Я не очень уверен, что такое же отношение и у другой стороны – в особенности, у Путина.

Россия стоит перед проблемой сохранения суверенитета. Мой прогноз на длительный исторический период – оптимистический, потому что я уверен, что Россия меняется. Может быть, даже не вопреки Путину, а благодаря Путину. И после того, как Путин уйдет со сцены, процесс перемен значительно ускорится. Я не могу строить предположения о том, как долго Путин будет оставаться на политической сцене, но с тем уровнем разочарования внутри России, у меня возникает странное и очень субъективное ощущение, что Путин самоустраняется из политики – он больше не производит на меня впечатления того самоуверенного, энергичного и преувеличенно юного лидера.

Это – часть большой дилеммы в России сегодня – мне кажется, все больше россиян начинают понимать тот факт, что такая формула власти не способна обеспечить России лидирующую позицию на мировой арене, и все больше людей в стране обеспокоены неясностью будущего. Ситуацию в российском обществе сейчас, на мой взгляд, определяют два противоречивых процесса. Первый – всплеск крайнего национализма, проявления которого мы видим на улицах, на демонстрациях, но также и в политике, в частности, подобное допускает лично Путин.

Это движение охватывает значительную часть населения России, в особенности в окрестностях крупных городов. В какой-то степени, причины русского национализма объяснимы – больше 60 лет Россия даже не была обозначена на картах. Советский Союз был объединением социалистических республик, а Россия даже не была республикой. И вот сейчас мы видим всплеск русского национализма, в некотором смысле, примитивного национализма, и эта волна может быть действительной опасной. Но, в любом случае, она управляемая, потому что подчиняется инстинкту авторитаризма.

С другой стороны, в крупных городах растет совершенно отличная от националистической общественная прослойка – средний класс. В большинстве эти люди космополитичны. Они рациональны, открыты для мира и контактируют с миром через интернет, многие получают образование за рубежом, у многие есть вид на жительство в других странах, и многие из них хранят свои сбережения за границей. Я думаю, что эти две тенденции противостоят друг другу.

В краткосрочной перспективе националистическая тенденция потенциально может создать импульс для таких идей, как Евразийский союз, но если смотреть на вещи реально – кто захочет присоединиться к Евразийскому союзу? Я не думаю, что список будет длинным. Казахстан с Назарбаевым во главе? Очень сомнительно. Он и так очень хорошо маневрирует между Россией и Китаем и всем остальным миром. Каримов и Узбекистан? Еще меньше шансов – Узбекистан очень тверд в вопросах государственной независимости. Как насчет Януковича? Там был многообещающий шанс, но как оказалось, Янукович и его финансовые спонсоры больше заинтересованы в идентификации собственной территории почти так же, как банда. И они не хотят, чтобы другая банда занимала их территорию. Они говорят России: мы с вами, но это наша территория, и только мы обладаем правом красть и обманывать в этой зоне – это наше, а не ваше. И это определяет тон дискуссии о гегемонии России при режиме Путина. Лукашенко до какой-то степени в похожей позиции, хотя он уязвимее. Грузия становится возможным кандидатом на союз с Россией и это может стоить ей дружбы с США в связи с важностью нефтепровода Баку-Джейхан. Это лишь часть существующих в России проблем. Их намного больше.

Главное, что должны понять в России – для процветания и успеха ей нужно сближение с Западом, иначе она проиграет все Китаю. Демократизация – одно из главных условий процветания России. И я думаю, это случится уже после Путина. Можете считать это историческим оптимизмом, но я уверен, что сближение России с Западом неизбежно, и в результате этого сближения Россия получит огромную пользу.

Необходимо создать «широкий Запад» с Россией

(из интервью З. Бжезинского газете «Polska», Польша,

1 апреля 2013 г.)

– В своей новой книге «Стратегическое видение» вы пишете о необходимости создания долгосрочного стратегического проекта, охватывающего весь Евразийский континент. Вы считаете, что лишь подобное образование может стать стратегическим партнером США? Но как объединить Евразию? Возможен ли общий список стратегических задач для ЕС, России и Китая?

– Вы вкладывает в мои уста слова, которых я не говорил. Я не писал о формировании «евразийского стратегического союза» и тем более «объединенной Евразии». В книге речь идет только о создании более широкой системы противовесов, которая поможет сохранить стабильность на всем евразийском суперконтиненте. В последние 20 лет Евразия «лежала в дрейфе». С одной стороны, набирал силу Китай, с другой – Европа переживала сложности с укреплением политического сотрудничества, а одновременно Турция и Россия продолжали пребывать на периферии Запада. Поэтому я бы советовал Соединенным Штатам найти более тонкую и продуманную стратегию на Ближнем Востоке, и поэтому я подчеркиваю необходимость создания «широкого Запада», который бы включал в себя евроатлантическое сообщество, а также Россию, Украину или Турцию. Разумеется, достижение конечной цели займет много времени (я полагаю, нам придется подождать этого несколько десятилетий), впрочем, я подробно пишу об этом в своей книге.

– В последнее время интеграция внутри Европейского Союза тоже кажется все более проблематичной: вместо того, чтобы двигаться к сплоченности, ЕС трещит по швам. Как вам кажется, реально ли в долгосрочной перспективе создать сильную политическую структуру, объединенную вокруг еврозоны? Какие альтернативы есть у Европы?

– Вы совершенно справедливо отметили, что процесс дальнейшей интеграция внутри ЕС становится все более сложным. Брюссель не использовал период относительной стабильности, чтобы выстроить настоящую общность, и расхлебывает сейчас последствия этого бездействия. Рассчитывать на то, что валютный союз сможет заменить настоящее политическое объединение, тем более что страны еврозоны функционировали в ней на разных условиях, было недальновидно. Однако я не разделяю мнения, что Евросоюз может распасться. Сейчас, на самом деле, под вопросом только членство Великобритании, а остальные страны, как представляется, хотят оставаться членами ЕС. Тем не менее, напряженность внутри всей структуры существует, последним примером стала ситуация на Кипре. Европейские лидеры и общественность, между тем, осознают, что распад Евросоюза был бы для них катастрофой. Кроме того, в последние несколько месяцев США все более решительно высказываются в пользу создания трансатлантической зоны свободной торговли. Если бы переговоры на эту тему, действительно удалось довести до конца, это стало бы невероятно сильным импульсом общественно-экономического развития для Америки и Европы. Со временем такое экономическое сотрудничество естественным образом может перерасти в военное взаимодействие. Когда это произойдет, можно будет говорить о настоящем и жизнеспособном Западе, реализующим свои интересы по всему миру.

– Говоря об этих интересах, нельзя забыть о России. В своей книге вы подчеркиваете, что в настоящий момент ситуация в этой стране нестабильна, но со временем средний класс совершит там вестернизацию. Это реально? В истории еще не было примеров, чтобы России, несмотря на неоднократные попытки, удалось внедрить у себя западные стандарты. Почему вы считаете, что сейчас все может выйти иначе?

– Вы спрашиваете, может ли появление среднего класса России привести к вестернизации России, одновременно подразумевая, что это невозможно. На мой взгляд, это крайне антиисторический подход. Запад стал демократическим не тысячу лет назад, а пришел к демократии путем эволюции. Понадобилось время, чтоб выработать существующие сейчас институциональные решения и создать принципы, которые ассоциируются сегодня с западной политической системой. В России данный исторический процесс начался гораздо позже, что совершенно не означает, что эта страна не может пойти тем же путем. Невозможно отрицать, что российский средний класс становится все более заметным. Он открыт миру и начинает перенимать те политические ценности, которые традиционно связываются с Западом. Многие представители российского среднего класса учились за границей, а сейчас активно инвестируют на Западе свои средства. Это дает основания предположить, что постепенно современные мыслящие россияне приведут к изменению политическую систему в своей стране.

– Польша лежит на границе двух больших образований: с одной стороны – валютный союз, а с другой – Россия строит союз Евразийский. История учит, что такое местоположение всегда приносило нам несчастья. Как нам из этого выбраться, сколько у нас осталось времени на принятие стратегического решения?

– Спокойнее. Говорить, что Россия «создает Евразийский союз», было бы преувеличением. Она, а в первую очередь президент Путин, хотела бы его создать, но сейчас это лишь пожелания, а не свершившийся факт. На формальном уровне Кремль, конечно, будет уговаривать постсоветские государства присоединиться к своей концепции укрепления сотрудничества, достаточно, однако, посетить эти страны, чтобы понять, что местные элиты слишком привыкли к идее суверенитета, им нравится факт обладания собственным независимым государством. И это абсолютно не удивительно. Ведь каждый предпочел бы быть президентом, премьером, министром, генералом или послом своей страны, а не членом бюрократии, которая пытается выстроить новую национальную империю, исходя из собственного понимания этноса. Я не верю, что российская идея создания Евразийского союза завершится успехом. Кроме того, в ситуации, когда Запад укрепит свои силы, а Китай сохранит нынешний темп развития, положение России между ними будет крайне неудобным.

– Какая судьба ждет страны – участницы проекта «Восточное партнерство»? Поляки хотели жить, как на Западе, и мы вступили в Евросоюз, но может ли этот сценарий повториться в случае украинцев и белорусов? Каковы шансы, что Польша покажется им настолько привлекательной, чтобы превратиться в точку отсчета для понимания собственных желаний и устремлений?

– Украинцы и белорусы, которые хотят стать частью Запада, думают об этом вовсе не из зависти к Польше. Они хотят этого, так как связывают свои, используя ваше определение, «желания и устремления» с Европой, а заодно надеются упрочить свою независимость. Я вынужден с сожалением констатировать, что время от времени их заставляют заключать различные соглашения с Россией, которая старается таким завуалированным способом восстановить российскую империю. Европа, несомненно, обладает большим потенциалом, который можно было бы использовать для демократизации и общественной трансформации государств, лежащих за восточной границей Польши, но чтобы достичь этого результата, необходима долгосрочная стратегия действий. Аналогичная концепция необходима также в отношении Турции и России. К сожалению, такой стратегии у Европы нет.

– В своей книге вы перечисляете много задач, которые должны взять на себя Соединенные Штаты для сохранения мирового баланса сил. Какие последствия нам грозят, если ничего не будет сделано? Вы говорите об угрозе идеологической войны между Китаем и США, подчеркиваете опасность националистических тенденций

в Восточной Азии. Следует ли готовиться к мрачному сценарию: росту напряженности, который мог бы привести к Третьей мировой войне?

– Давайте не будем преувеличивать: пока нет никаких оснований, чтобы рисовать мрачные сценарии. Я полагаю, что Запад стоит перед лицом новых вызовов, и некоторые из них могут оказаться довольно опасными. Однако сегодня основная опасность – это не перспектива появления ужасного гегемона вроде Сталина или Гитлера. Главная проблема – это состояние глобального хаоса. Поэтому самая важная задача современности – выработать методы, при помощи которых сильнейшие мировые государства начнут формировать трансконтинентальную систему глобального сотрудничества.

Россия, как и Украина, станет настоящей демократией

Так или иначе, события на Украине являются исторически необратимыми и эпохальными в плане геополитических трансформаций. Скорее раньше, чем позже, Украина по-настоящему станет частью демократической Европы. Скорее позже, чем раньше, но Россия последует за ней, если не самоизолируется и не превратится в застойный империалистический реликт.

Спонтанный всплеск отчетливого украинского патриотизма, вызванный лживостью развращенного и обогащающегося руководства, готового искать защиты у Москвы, говорит о том, что стремление к национальной независимости становится доминирующей политической реальностью. Это особенно заметно среди молодых украинцев, которые уже не ощущают себя чуть-чуть другой в языковом и историческом плане, но все-таки частью «матушки России».

Однако языковые различия сохраняются, и некоторые районы Украины чувствуют более тесную связь с Россией. Но поражает то, что даже некоторые наиболее активные сторонники евроинтеграции лишь недавно стали считать украинский язык своим собственным. Двадцать лет независимости, двадцать лет усиливающейся гордости за вновь открытую украинскую историю, а также свидетельства того, какие экономические выгоды западные соседи Украины получили от связей с Европой – все это создает новое мировоззрение. Это не антироссийское мировоззрение, но в нем утверждается собственно украинская историческая самобытность, а также неотъемлемая культурная принадлежность Украины к Европе в целом.

Вот почему Украина, так или иначе, будет неотвратимо сближаться с Европой. Удивляет то, что даже в соседней Белоруссии, которой правит авторитарный режим Лукашенко, начинает появляться такая же западная ориентация. Обе эти страны руководствуются не враждебным отношением к России, но каждая из них осознает, что ее независимость и культурная идентичность все активнее указывают им путь на запад.

В предстоящие месяцы все-таки можно будет придумать какую-нибудь сделку между ЕС и Украиной. Чтобы облегчить эту работу, ЕС должен внимательнее прислушиваться к просьбам Киева об экономической и финансовой поддержке и откликаться на них.

А украинцы должны понять, что европейских налогоплательщиков не прельщает перспектива платить за ошибки и моральное разложение нынешней киевской элиты. Затягивание поясов станет необходимым предварительным условием для подписания соглашения. Оно же станет проверкой Украины на решимость подтвердить свои европейские устремления. Киеву также придется показать, что исход выборов в стране не определяется лишением свободы политических соперников.

Последствия всего этого для России станут заметны в более отдаленной перспективе. Сегодняшняя геополитическая цель Москвы, определяемая навязчивой ностальгией президента Владимира Путина по имперскому прошлому России, состоит в воссоздании под новой личиной чего-то сродни Российской империи или более позднему Советскому Союзу.

Похоже, Путин руководствуется наивным представлением о том, что руководители постсоветских государств искренне согласятся на роль подчиненных в новом образовании под руководством Кремля. Некоторые лидеры действительно периодически выражают свою преданность этой формуле. Но делают они это неискренне, по необходимости, а не по убеждению. Независимость предпочтительнее для всех: она приятнее президентам, премьер-министрам, генералам, послам и тем, кто делает деньги в экономике у себя дома, а не в удаленной провинции огромной российской империи нового образца. История доказала, что национальная государственность после ее обретения входит в привычку, и отнять ее почти невозможно – разве что за счет мощной внешней силы. Сегодня Россия не в состоянии силой и жестокостью восстанавливать свою прежнюю империю. Она слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна. Ситуацию усугубляет демографический кризис. Обеспокоенность у России вызывает и то, что получившие независимость страны Центральной Азии все чаще отдают предпочтение всесторонним связям с Китаем. Это порождает у нее кошмары по поводу давно уже назревающих территориальных претензий. Пройдет еще немного времени, и элите российского общества станет ясно, что шансов на успех у Путина с его неуклюжими и деспотичными попытками очень мало. Рано или поздно он уже не будет президентом. И вскоре после его ухода Россия, и особенно ее нарождающийся средний класс, поймет, что единственный целесообразный путь – это подлинное превращение в современное, демократическое, а может, и в ведущее европейское государство.

(«The Financial Times», 11 декабря 2013 г.)

О концепции «Великой русской цивилизации»

(из выступления З. Бжезинского в Центре Уилсона,

Вашингтон, 16 июня 2014 г.)

Позвольте мне попытаться раскрыть возможные последствия украинского кризиса для архитектуры европейской безопасности в свете отношений между Россией и Западом. То, что мы сейчас наблюдаем на Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы – а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квази-мистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности. Недавно Российский совет по международным делам, московский институт, членами которого являются чрезвычайно уважаемые и выдающиеся ученые – не диссиденты, не независимые мыслители, которые в настоящее время тоже существуют в Москве – в сотрудничестве с «РИА-Новости» и Советом по внешней и оборонной политике опубликовали совместную статью, посвященную трансформации российской национальной идентичности и новой доктрине внешней политики. В ней достаточно подробно освещается процесс создания абсолютно новых концептуальных рамок для определения отношений России с миром – отношений, в которых, как считают россияне, они нуждаются после распада Советского Союза и частичной дезинтеграции Российской империи.

Это довольно длинная статья, но ее обязательно стоит прочитать тем, кто интересуется международными отношениями. В ней, в частности, речь идет о нескольких ключевых концептах, которые являются частью этого нового взгляда на мир. Взгляда на мир, определяемого необходимостью, которую россияне, окружающие Путина, и сам Путин остро ощущают, необходимостью более исчерпывающей интерпретации природы и положения России в мире и ее отношений с миром и с Западом в частности. Именно в этом контексте украинский вопрос приобретает особую значимость.

В этом докладе речь идет о четырех ключевых концепциях: во-первых, концепция «разделенного народа», во-вторых, тема «защиты сограждан за рубежом», в-третьих, тема «русского мира», в-четвертых, значение признания и сохранения, притяжения и продвижения «Великой русской цивилизации». Я упомянул об этом, потому что считаю, что было бы ошибкой считать кризис в Крыму и на Украине продуктом внезапной вспышки гнева. В некотором смысле их можно считать таковыми, однако было бы гораздо умнее со стороны России проверить то, что она только что провернула, примерно через 10 лет. К тому времени она стала бы сильнее и крепче в экономическом плане.

Но все уже произошло, и эти концепции сыграли в этом значительную роль. Концепция разделенного народа – это отправная точка для шовинистических заявлений о том, что суверенитет России распространяется на всех русских людей, где бы они ни находились. И тем, кто знаком с историей Европы до начала Второй мировой войны, эти заявления неизбежно покажутся пугающе знакомыми. Разумеется, эта концепция приводит нас к идее защиты сограждан, проживающих за рубежом. И это имеет особое значение для тех государств, на территории которых проживают этнические русские и которые граничат с Россией. Концепции разделенного народа и защиты сограждан за рубежом приводят нас к идее русского мира. Под ним подразумевается органическое целостное единство всех русских людей, независимо от их места проживания. И эти места проживания могут быть изменены путем воссоединения этнических русских. Вспомните о странах Балтии.

Не менее важной является убежденность в том, что Россия не входит в состав западной цивилизации. Она также не является частью Китая. Она не является частью мусульманского мира. Считается, что Россия сама по себе является великой цивилизацией. Понятие «мировой цивилизации» включает в себя ряд принципов, некоторые из которых еще неизвестны в нашем обществе, таких как, к примеру, сильная приверженность к определенному религиозному учению, гораздо более сильная, чем на Западе, где религия представляет собой часть более сложного общественного устройства. Суть заключается в том, что великая русская цивилизация отстаивает определенные базовые ценности, не только религиозные, но и ценности, касающиеся межличностных отношений – к примеру, осуждение изменений в отношениях между полами и внутри полов, которые в настоящее время происходят в мире. В результате Россия защищает сохранность определенных базовых убеждений, которые всегда характеризовали христианство, но с точки зрения россиян, то христианство сегодня предаст свои основополагающие принципы. Итак, мы имеем дело с полноценным мировоззрением – амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия – это мировая держава. И ничто в международном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог.

* * *

Понимание доктринальной основы мировоззрения Путина – это важная отправная точка для рассмотрения украинского вопроса. Украинский кризис – это не результат какой-то внезапной ссоры, как я уже говорил, а симптом более серьезной проблемы: появления политики, упакованной внутри более масштабной философской концепции. Таким образом, чего нам стоит ожидать? Если Украина является всего лишь симптомом проблемы, то решить эту проблему будет крайне трудно. Я думаю, для ее решения потребуется некоторое время. Но решение этой проблемы должно быть не односторонним, поскольку Запад имеет там свои интересы. И эти интересы должны принять форму разумной политики. Если украинскую проблему локализовать, со временем она, возможно, утратит свою остроту. Особенно если российский, все более космополитичный средний класс, который сейчас поднимает голову, но все еще остается довольно слабым, станет более значимым

в политическом отношении, возможно, устав от ощущения своей уязвимости и разочаровавшись в Путине, и возьмет на себя более существенную политическую роль, когда Путин отойдет от дел. Но когда это случится? Этого предсказать невозможно. Может быть, скоро. Может быть, нет. Но многое зависит еще и от того, станет ли Украина симптомом успеха или краха путинского мировоззрения. Коротко говоря, ставки высоки. Под этими ставками я подразумеваю, в том числе, и вопрос о том, что применение силы в Крыму и непрекращающиеся попытки дестабилизировать ситуацию в отдельных областях Украины являются серьезной угрозой для международных договоров, заключенных после Второй мировой войны, и в частности для идеи о недопустимости применения силы в решении территориальных споров. Эта идея стала основополагающим принципом того европейского порядка, который сформировался после Второй мировой войны. И Россия была его частью – в том числе благодаря тем соглашениям, которые она подписала. Но теперь она бросает им вызов. И это является серьезной угрозой, актуальной угрозой – по крайней мере, в психологическом смысле, но потенциально, особенно с учетом событий в Крыму, также и в военном. Это угроза для стран Балтии, Грузии, Молдовы. Это также угроза – не слишком ярко выраженная, но, возможно, даже более опасная – для Белоруссии, потому что у Белоруссии нет никакой внешней защиты. Другие государства, которые я упомянул, ее имеют, хотя и в разной степени.

Из всего вышесказанного следует, что украинская проблема – это угроза, с которой Западу необходимо бороться на трех уровнях. Мы должны решительно бороться с искушением применить силу, с которым сталкивается российское руководство. Проще говоря, мы должны предотвратить применение силы.

Во-вторых, мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины. Очень трудно сказать, насколько амбициозными являются эти цели, но неслучайно в той части Украины, где доминируют русские, применение силы оказалось таким изощренным. Участники вооруженных конфликтов оказались хорошо вооруженными, у них было эффективное зенитное оружие и даже танки. Даже самые глубоко разочарованные граждане Украины, питающие неприязнь к ее правительству и не испытывающие привязанности к этой стране, не станут хранить такое оружие в подвалах и на чердаках своих домов. Это оружие им предоставили, чтобы они сформировали отряды, способные противостоять мощным военным формированиям. Это является формой межгосударственной агрессии. По-другому это назвать нельзя. Что бы вы почувствовали, если бы, скажем, банды наркоторговцев в США стали получать оружие из-за границы, от нашего южного соседа, чтобы разжигать конфликт такого масштаба на постоянной основе? Это серьезная угроза. И это наша вторая задача.

* * *

Третья наша задача заключается в том, чтобы настоять и затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса, который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее – и я буду предельно откровенен в выражении своих мыслей по этому поводу. Украину необходимо поддержать, если она будет сопротивляться. Если Украина не будет сопротивляться, если беспорядок внутри страны сохранится и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке, однако это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом. И силы шовинизма внутри России станут еще более решительными. Эти силы на самом деле представляют собой наиболее негативные аспекты современного российского общества: своего рода жажду национализма, самореализации, удовлетворение от осуществления власти. Однако эти черты нехарактерны для нового среднего класса, который в долгосрочной перспективе может стать приемлемой альтернативой. Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она получит оружие. И мы предоставим это оружие еще

до того, как свершится сам акт вторжения. Поскольку в отсутствии этого оружия с искушением вторгнуться и опередить остальных будет крайне сложно бороться. Но значение имеет также и то, какое оружие мы предоставим. С моей точки зрения, это должно быть оружие, особенно эффективное в войне сопротивления в условиях крупных городов. Нет никакого смысла пытаться вооружить украинцев так, чтобы они могли противостоять российской армии на открытом пространстве: российская армия – это тысячи танков и командующие, готовые применить сокрушительную силу. Нам стоит обратиться к урокам, которые мы извлекли из эпизодов сопротивления в условиях городов во время Второй мировой войны и войны в Чечне, чья столица была местом ожесточенных боев в течение трех месяцев. Суть в том, что, чтобы попытки вторжения стали успешными в политическом смысле, необходимо захватить крупнейшие города. Если крупные города, такие как Харьков или Киев, начнут сопротивляться и боевых действий в городских условиях будет не избежать, конфликт затянется и повлечет за собой огромные расходы. И главное заключается в том – именно в этом смысле время начала этого кризиса имеет большое значение – что Россия пока не готова пойти на такого рода шаг. Такой шаг повлечет за собой серьезные человеческие потери и огромные финансовые расходы. На него нужно потратить много времени, и он вызовет усиление давления со стороны международного сообщества.

Я считаю, что мы должны дать украинцам понять, что, если они готовы к сопротивлению, судя по их заявлениям и действиям (хотя и не слишком эффективным), мы предоставим им противотанковые орудия, ручные противотанковые орудия, ручные ракеты – то есть оружие, которое можно использовать в условиях города. Речь не идет о том, чтобы вооружать украинцев для нападения на Россию. Невозможно напасть на страну, такую как Россия, имея только оборонительное оружие. Но если у вас есть оборонительное оружие и доступ к нему, если вы знаете, что оно будет у вас, вы с гораздо большей вероятностью согласитесь на сопротивление. Таким образом, это начинает действовать как средство сдерживания, позволяя также проводить более эффективные операции по прекращению насилия, спонсируемого лицами на границе между Украиной и Россией. Это, с моей точки зрения, в любом случае поможет снизить риск и избежать искушения решить этот кризис при помощи оружия. С российской стороны, учитывая эйфорию вокруг успеха операции в Крыму, которая оказалась стремительной и решающей и которая не встретила никакого сопротивления, искушение повторить этот успех может оказаться весьма серьезным для лидера, который стремится одерживать масштабные победы. В то же время мы должны принимать участие в поиске возможных вариантов компромиссного решения. Особенно в том случае, если россиянам и г-ну Путину станет ясно, что дестабилизация Украины и ее силовой захват представляют собой серьезную угрозу и могут оказаться недостижимыми. Таким образом, сдерживание должно сопровождаться попытками принять участие в диалоге. Какова формула возможного компромисса? Думаю, она довольно проста: Украина должна продолжать движение, публично поддерживаемое подавляющим большинством украинцев, по направлению к членству в Евросоюзе. Но это длительный процесс. Турки, к примеру, ждут вступления в Евросоюз уже 60 лет. Другими словами, на это потребуются время. Таким образом, опасность для России нельзя назвать близкой, а негативные последствия не являются слишком разрушительными.

В то же время мы должны убедить Россию в том, что Украина не станет членом НАТО. Я считаю, что это важно по ряду политических причин. Если вы посмотрите на карту, то поймете, что для России это очень важно с психологической и стратегической точек зрения. Таким образом, Украина не должна стать членом НАТО. Но по той же причине Россия должна понять, что Украина не станет членом мифического Евразийского союза, который президент Путин пытается продвигать на основании идеи об особом месте России в мире. Украина не будет членом Евразийского союза, но она может заключить отдельное торговое соглашение с Россией, особенно принимая во внимание тот факт, что некоторые формы обмена и торговли между ними являются взаимовыгодными. К примеру, сельскохозяйственная продукция, поставляемая Украиной в Россию. Промышленные товары, в которых нуждается Россия, также производятся на Украине. Не многие понимают, что некоторые из новейших российских ракет, большая часть самолетных

двигателей российской гражданской авиации и даже часть ракет, используемых в США, производятся на Украине. Это выгодное и успешное промышленное предприятие. И его необходимо поддерживать путем заключения отдельного соглашения между Россией и Украиной.

* * *

Я считаю, что это со временем может стать по-настоящему привлекательным. И этот аспект должен быть озвучен в контексте открытых, а не тайных, попыток убедить россиян, что любое применение силы будет иметь негативные и долгосрочные последствия для самой России, не угрожая ее безопасности, но подразумевая повышение расходов на отстаивание своего авторитета за счет независимости Украины. С моей точки зрения, в этом контексте НАТО должно тоже действовать более решительно в вопросе защиты безопасности тех членов НАТО, которые граничат с Россией и где проживают многочисленные русские сообщества, составляющие примерно 25 % их населения. В частности я имею в виду Латвию и Эстонию. Америка подтвердила свое военное присутствие там. Я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы ведущие европейские государства, такие как Германия, Франция и Соединенное Королевство, тоже разместили там своих военнослужащих. Чтобы на регулярной основе там была не только Америка. Это станет доказательством того, что члены НАТО держатся вместе. В международной политике символизм имеет такое же значение, как и решительность, и зачастую он может предотвратить более радикальные меры.

Учитывая современные последствия масштабного расширения НАТО за последние несколько десятилетий до 28 членов, было бы правильным в свете текущих событий еще раз провести оценку структуры этого альянса. В частности, я говорю об историческом парадоксе, заключенном в важнейшей Статье 5 его устава. В Статье 5 говорится о процедуре военного ответа на агрессию, направленную против всего блока или отдельных его членов. Несомненно, вы вспомните, что в Статье 5 есть строка о том, что решения относительно участия в конфликтах должны приниматься единогласно. Другими словами, это значит, что у любой страны есть право вето. Именно США настояли на включении этого условия в устав НАТО. Правительство США настояло на этом, чтобы получить поддержку сторонников изоляционизма в американском Конгрессе. Они опасались, что альянс такого рода нарушит американскую традицию отказа от участия в конфликтах на территории иностранных государств. К сожалению, сегодня, с учетом того, что в состав НАТО входят 28 государств, в различной степени приверженных выполнению условий безопасности, ситуация оказалась обратной. Именно новые члены НАТО в определенных обстоятельствах начинают ссылаться на Статью 5. Вето одного государства не дает гарантии того, что НАТО не станет применять военную силу, потому что, я убежден, если такое произойдет после долгих дебатов, сильного возмущения и взаимных угроз, это государство будет вынуждено либо согласиться, либо выйти из состава альянса. Одним из возможных вариантов может стать принятие условия о том, что те страны, которые систематически не выполняют обязательства, предусмотренные уставом НАТО, не могут иметь права вето. Некоторые члены этого альянса совершенно не выполняют своих обязательств, поэтому их членство в НАТО фактически представляет собой безбилетный проезд. Почему член альянса, который не выполняет своих обязательств, должен иметь право мешать другим членам НАТО осуществлять коллективную самооборону? Это аномалия и потенциальный источник проблем и путаницы. Поскольку этот кризис постепенно приближается к решению, я надеюсь, что НАТО пересмотрит свой устав и еще раз обсудит вопрос о принятии новых членов в альянс. Страна, в безопасности которой НАТО заинтересовано, вовсе необязательно должна становиться членом альянса. НАТО может принимать участие в обеспечении ее безопасности, но не принимать ее в свои ряды. Сейчас ведутся разговоры о новых членах Евросоюза. Возможно, некоторые из них захотят вступить в НАТО, и за последние несколько лет некоторым государствам удалось вступить в НАТО, несмотря на то, что территориально они удалены от возможных конфликтов на разделительной линии между Востоком и Западом. Я считаю, что дополнительное обсуждение в данном вопросе может принести определенную пользу, повысить авторитет НАТО и оказать давление на тех его членов, которые хотят быть его

активными членами, чтобы они предпринимали больше усилий для выполнения своих обязательств.

* * *

Наконец, заглядывая далеко вперед, я считаю, что, так или иначе, при условии компромиссного решения или в его отсутствие, Крым станет тяжелым экономическим бременем для России. Нет никаких оснований полагать, что та разновидность экономической деятельности, которую достаточно успешно вел Крым – будучи местом отдыха туристов, куда прибывали международные лайнеры и приезжали иностранные туристы – будет сохранена. Поскольку международное сообщество формально не признало присоединение Крыма к России, разработка подводных ресурсов на территории Крыма станет невозможной для международных компаний, потому что они окажутся объектами исков различных заинтересованных сторон. Коротко говоря, Россия должна будет вкладывать огромные средства в экономическое развитие Крыма. С момента присоединения Крыма к России цены там выросли в три раза. Все это накладывает дополнительные обязательства на Россию, чья экономика остается достаточно слабой. Более того, существует еще один аспект, который будет иметь большое значение в процессе развития Украины: Россия своими действиями настроила против себя около 40 миллионов человек. В отличие от других славян, украинцы в прошлом никогда не относились к России враждебно. Враждебное отношение украинцев к России – это новое явление, и с каждым днем его интенсивность растет. Таким образом, в этом отношении Украина со временем не только станет серьезной проблемой для России, но это еще и грозит окончательной потерей огромной территории – величайшей территориальной потерей в истории имперской экспансии России. А это в свою очередь может разрушить новую мифологию, касающуюся места и роли России в мире, с которой я начал свой доклад. Реальность может опровергнуть эту мифологию.

Именно поэтому я очень надеюсь, что развивающийся российский средний класс поймет, что та мифология, которую навязывает Путин и которую принимает значительная часть менее образованных и более шовинистически настроенных россиян, это дорога в никуда, что настоящее назначение России заключается в том, чтобы стать мощной европейской страной.

Пример Украины для России

Украина окажет плодотворное влияние на прогресс в России

(из выступления З. Бжезинского в Германском обществе внешней политики, Берлин, 18 мая 2007 г., а также из различных интервью З. Бжезинского за 2007 г.)

...Развитие на Украине процесса демократизации и становление политической культуры неизбежно окажет плодотворное влияние на прогресс в России. Для Западной Европы Украина важна как страна транзита российских энергоносителей. Поэтому реформы украинской энергетической отрасли, проводимые, в частности, при участии Европейского банка реконструкции и развития, повысят энергобезопасность Европы и будут способствовать сбалансированности в отношениях Киева и Москвы...

Насколько реальны шансы Украины стать полноправным членом ЕС и НАТО? Решение об этом должна в первую очередь принять сама Украина. Можно отметить существенный прогресс в подготовке к вступлению страны в НАТО – военная доктрина Украины

приводится в соответствие с доктриной альянса, украинские вооруженные силы помогают американцам в военных действиях в Ираке.

Мы отдаем себе отчет в том, что вступление Украины в НАТО пока не находит поддержки у определенных слоев населения. Когда Украина будет во всех отношениях готова стать полноправным членом альянса, для этого не должно быть никаких препятствий. Следует больше разъяснять жителям Украины преимущества более тесного сотрудничества страны с НАТО.

На пути в Евросоюз Украине необходимо провести структурные реформы в экономике и добиться стабилизации политической жизни. Делать прогнозы относительно сроков полнокровного приобщения Украины к европейской семье народов пока трудно. Я за то, чтобы рассматривать этот процесс не в рамках конкретного времени, а в виде исторической перспективы.

Украина как старший брат России

(из выступления З. Бжезинского на «круглом столе» в Центре стратегических и международных исследований. Вашингтон, 30 октября. 2007 г.)

За невероятно короткий срок Киев построил демократию и начал быстрое движение в Европу. Время взять в дорогу младшего брата – Москву.

Необходимо поздравить украинский народ с политической зрелостью, которую он вновь продемонстрировал на недавно прошедших выборах. Украинцам действительно есть чем гордиться, потому что они – часть универсальной политической культуры демократии, то есть способности соглашаться, не соглашаться и яростно дискутировать, но – в рамках прочного конституционного процесса.

На самом деле Украина не должна стесняться сказать своему младшему брату, России, что последней стоит поучиться у нее политической культуре. «Младший брат?» – спросит кто-то. Да, Россия – младший брат Украины для любого, кто знает историю. И в политическом смысле Украина показала зрелость и способность к нахождению компромисса, которым России предстоит научиться.

Посмотрите на президентские и парламентские выборы в обеих странах с точки зрения одного очень простого теста на демократию: если вы точно знаете, кто победит, и если ваше предсказание оказывается неправильным, можете быть уверены – это демократия. Не составляет большого труда предсказать, кто победит на предстоящих выборах в России, и это о многом говорит...

Украина добилась успеха в строительстве государства. Нет никаких сомнений в том, что Украина – часть Европы. Это реальность, с которой каждому в Европе придется свыкнуться. Можно до бесконечности рассуждать о проблемах и критериях, стандартах и недостатках, но непреложный факт состоит в том, что страна на правильном пути. И Европа также меняет свое отношение к Украине. Если еще 15 лет назад о ней в США и Европе практически ничего не знали, то сейчас ситуация изменилась радикально, и представление об Украине как нормальной европейской стране становится все более доминирующим.

У всего вышесказанного есть более широкий и обнадеживающий контекст. Поскольку Украина движется в сторону Европы, имперские амбиции России ослабевают, и у нее остается только один путь – следовать за своим старшим братом. У России просто не будет другого выбора – из-за ее огромных территорий, демографического кризиса и растущей силы восточных соседей. Если Россия не будет двигаться в Европу, сбудется другое предсказание, высказанное однажды аллегорично, но ставшее зловещим географическим определением теперь. Я имею в виду слова генерала де Голля о том, что «Европа – это территория до Уральских гор».

Идея России в Европе до самого Владивостока может казаться привлекательной для россиян. Но если они не будут стараться воплотить ее в жизнь, то столкнутся со страшной неопределенностью. Так что Украина предлагает России не просто урок, а путь, полный надежд. Путь, по которому, как все мы на Западе должны надеяться, Россия и пойдет.

Майдан – самоутверждение украинского народа

(из интервью З. Бжезинского газете «Українська правда»,

Украина, 17 января 2014 г.)

– Господин Бжезинский, как выглядит сегодня Украина, если смотреть из Вашингтона?

– Думаю, что мы увидели на Майдане первое исторически значимое самоутверждения украинского народа – и особенно молодых украинцев, их действительно глубокое чувство независимой государственности. В истории Украины случались моменты, когда она двигалась в этом направлении, но никогда раньше это не было столь всеобщим, как в этот раз. Я считаю это историческим достижением. Это означает, что чувство национальной независимости становится неотвратимой реальностью в сознании целого поколения. Для меня это оптимистичный знак.

– Сейчас ситуация с Майданом не очень понятна, он в тупике. По вашему мнению, какой возможен выход из тупика?

– Трудно давать советы, сидя в Вашингтоне. Но я скажу – украинская оппозиция требует неподдельного, подлинного единства, которое была бы заметно всем. Это означает необходимость коалиционного соглашения. Оппозиция должна проявить политическое единство, хотя сделать это почти невозможно. Но нужно, пусть даже символическое, лидерство в оппозиции.

Понимаете, в политике, в частности в демократических странах, политическая привлекательность является источником власти. Я думаю, что руководители оппозиции должны понять – даже если все они имеют выдающиеся черты, не все из них одинаково популярны и обладают одинаковой степенью харизмы.

Если вы хотите выиграть, вы должны иметь способного харизматичного лидера. Валенса в Польше вовсе не был самым умным. Длительное время он даже не был лидером оппозиции. Он всплыл на поверхность спонтанно, но другие вокруг него признали, что он обладал определенным магнетизмом, который имеет очень важное значение.

Они использовали его, но позволили ему быть тем, кем он хотел быть, то есть лидером. Я не защищаю никого. Я думаю, что это дело украинцев, чтобы выбрать себе кого-то лидером.

– В вашем сравнении с Валенсой угадывается Виталий Кличко...

– Я не собираюсь указывать имена – это не мое дело. Я говорю как реалист – иначе вы не сможете победить того, кто уже находится у власти, кто хочет и дальше оставаться у власти и не собирается сдаваться. Я думаю, что Майдан показал замечательное единство. Но это не было подкреплено единством политической верхушки. Ведь даже символическое единство является важным атрибутом политической борьбы.

– То есть лидеры оппозиции должны жертвовать своими амбициями?

– Это не вопрос самопожертвования. Это вопрос здравого смысла. Что лучше – победить, выставив популярного человека, или пойти всем отдельно – и вместе проиграть?

– Вы встречались с президентом Януковичем?

– Да, неоднократно.

– Какое он производит впечатление?

– Он умный в политическом смысле слова. Он просчитывает свои шаги. Не выглядит, что он разочарован нынешним положением. Но манипулирование европейцами создало ему много врагов среди европейских лидеров.

– У него есть шансы на победу в 2015 году?

– Я думаю, он понял, что на честных выборах он не имеет шансов на победу. Поэтому выборы под зонтиком Путина, очевидно, в его положении стали для Януковича оптимальным выбором.

– Вы понимаете его игру с Путиным? Он хочет быть подчиненным, его союзником или просто использует Путина?

– Знаете, что произошло в Чехословакии в 1939 году? После Судетского кризиса президент Эдвард Бенеш бежал из страны, а его место занял так называемый президент Эмиль Гаха. И он был вынужден позволить Гитлеру осуществлять над страной протекторат. Это положило конец независимости Чехословакии.

У Януковича такие же риски. Вопрос с Украиной не решен. В краткосрочной перспективе Украина все больше будет становиться российским протекторатом. Путин будет все больше и больше вмешиваться в украинские дела. И Янукович будет вынужден приспосабливаться к этим реалиям. Вот почему существует такая актуальность в вопросе формирования единства и определения лидера в украинской оппозиции.

– Какова сегодня репутация у Януковича на Западе?

– Он выглядит для многих как разочарование и человек, который врал. Конечно, некоторые люди в Вашингтоне убеждены, что он, по сути дела, маневрировал, чтобы достичь – что на самом деле и произошло – наилучшего предложения от Путина, которое дало ему возможность отказаться от предложения Запада.

Я хочу сделать акцент в нашем разговоре на двух вещах. Первое – оппозиция должна быть эффективной политической силой. Что это означает, я сказал ранее. И второе – мы не должны рассматривать украинский вопрос как антироссийский вопрос.

С точки зрения исторической перспективы, гораздо разумнее смотреть на последние события на Украине как на начало длительного процесса, который приведет не только к возможному расширению Европы за счет включения в нее Украины, но и за счет включения в нее России.

Потому перспективы России во главе Евразийского союза – это фикция. И этот союз распадется – по экономическим, социальным и персональным причинам. В результате, он лишь приведет к нарастающей неготовности России встретить рост влияния Китая в Центральной Азии.

Поэтому в долгосрочной перспективе российским интересом является движение в направлении того, чтобы стать частью Европы. И стратегическим видением Запада должно быть: «Мы хотим, чтобы Украина была в Европе, но не в качестве оружия против России, а как начало процесса, который в конечном итоге охватит Россию». Путин

стратегически задержался в прошлом. Уже произошли изменения в психологии не только Украины, но и Казахстана, Узбекистана, и одна из этих стран не хочет быть подчиненной центральному правительству, которое заседает в Москве.

– Вы не верите в будущее Таможенного союза...

– Нет, для России это лишь пустая трата времени, которая только порождает напряжение среди новых независимых государств – не только в отношениях с Украиной, но и с другими странами, которые восстановили свое национальное достоинство.

– Что вы думаете о международных санкциях как средстве влияния на украинскую власть?

– Это может быть сделано выборочно против некоторых лиц. В определенных случаях санкции оправданы. С другой стороны, их значение часто преувеличивают. Кроме того, необходимо помнить, что мы все равно должны продолжать диалог с украинскими чиновниками.

– К Белоруссии применялись санкции, но они не исправили ситуацию с демократией.

– Белоруссия компенсировала все, что потеряла, благодаря России.

– Если бы вы могли дать совет Януковичу, что бы вы ему сказали?

– Я бы сказал: «Думай на долгие годы вперед». Но проблема в том, что он думает о своем сиюминутном интересе, и надо это осознать. Это не вопрос советчика. Янукович хочет быть президентом и хочет, чтобы его семья была богатой. Но если он, возможно, достигнет этих целей, разве Украина станет ближе к Европе?

– Многие считают, что администрация Обамы проводит неэффективную политику в отношении Украины, уделяя ей мало внимания.

– Интересное утверждение. В последнее время я говорил с высокопоставленными чиновниками из Белого дома в отношении Украины, и этот разговор состоялся по их инициативе. Но их эффективность ограничена. Мы не можем видоизменить политические реалии. Правительство Украины в руках лиц, для которых зависимость от России выгоднее, чем политическая неопределенность, связанная с приближением к Европейскому союзу.

Приведут ли события на Украине к Третьей мировой войне?

(из интервью З. Бжезинского для «The American interest»,

6 марта 2014 г.)

– Давайте быстро разберемся и развеем страх, что эта ситуация в Украине приведет к Третьей мировой войне. Мы точно можем представить себе, какой ход событий приведет к такому результату, но этого не будет, не так ли?

– Я так не думаю, разве что – но у этого есть очень малая вероятность – Владимир Путин потерял чувство реальности и стал жертвой клинической мегаломании. Насчет этого есть сомнения. Операция в Крыму, похоже, является рационально сконструированной, с предохранительным клапаном.

– А вы не думаете, что администрация Обамы слишком остро или неправильно отреагирует на эту ситуацию, чтобы каким-то образом компенсировать впечатление о себе, что она была слишком пассивной в прошлом?

– Более вероятно, что мы столкнемся с такими трудностями: Путин с меньшей вероятностью применит военную силу против Украины, если украинцы будут достаточно сплоченными и решительно воспротивятся. Однако если он применит силу и они окажут сопротивление, возникнет значительный локальный конфликт, который будет иметь угрожающие последствия для непосредственных соседей на запад от Украины, стран, которые ранее были частью советской империи.

В этом контексте, хотя я и не думаю, что мы можем непосредственно вмешаться в конфликт в наших интересах, бесспорно, будет предоставление помощи украинцам, а именно в виде вооружений, дипломатической поддержки и т. д. В интересах США, чтобы сопротивление было эффективным и результат не был вполне определен одной стороной, если начнутся военные действия. Если сообщить Москве об этом намерении не слишком дерзким способом, то это может уменьшить вероятность, какой бы она ни была, дальнейшего российского вторжения. Поэтому мы не должны быть пассивными, но мы и не должны быть гиперактивными.

– Если вы уже упомянули о вероятности следующих событий, то проблема заключается в том, что мы не знаем, какими являются сейчас мотивы у Путина. Есть разные мнения: от тезиса, что «Крым является просто попыткой сохранить лицо, чем-то компенсировать потерю своего человека в Киеве», вплоть до мысли, что он не намерен останавливаться на Днестре, и стремится захватить всю Украину и включить ее в состав российского государства. Разве эта неопределенность не является частью дилеммы?

– Трудно понять, как Путин мог вычислить, что его действия в Крыму сделают украинцев в Киеве менее склонными оказывать ему сопротивление. Поэтому если это не внезапный взрыв плохо рассчитанной активности, операция в Крыму может стать первым этапом в череде шагов, которые он планирует, возможно, для разжигания полезных для него волнений на востоке Украины. Целью будет продемонстрировать, что Украина скатывается к анархии, создавая, таким образом, основания для широкой российской интервенции, а потому нам надо спросить себя: «Как мы можем отреагировать, чтобы этого не произошло, и если это таки произойдет, как мы сможем сделать последствия для России длительными и дорогими?».

– Правильно, мы должны действовать сейчас так, чтобы сделать возможные амбиции Путина относительно дальнейшей экспансии настолько дорогими, чтобы мы могли сдерживать их. Но, как вы говорите, мы не должны реагировать слишком остро. Некоторые люди выступают за мобилизацию НАТО, а я думаю, что это глупо и даже опасно.

– Я не думаю, что мобилизация НАТО имеет смысл, поскольку, с одной стороны, это очень серьезное занятие. Но НАТО не может сидеть и делать вид, что ничего не происходит. Союзники должны собраться, мы должны сформировать планы действия на случай различных ситуаций. Мы должны рассмотреть, возможно, предложение о возвращении части американских войск в Европу, поскольку мы свели их численность там почти до нуля, и так далее. Но мы можем сделать это, только если у нас будет серьезная стратегия и чувство равновесия между сдерживанием и капитуляцией с одной стороны и сдерживанием и ослаблением напряжения – с другой.

– Я рад, что вы сказали об «ослаблении напряжения» [accommodation].

Это словосочетание не принадлежит к неприличным. Очевидно, что Россия имеет жизненно важные интересы в Украине. Она расположена рядом с Россией и так будет всегда. Так было уже, по крайней мере, 400 лет. Соединенные Штаты далеко. Другими словами, хотя и баланс сил в некотором объективном смысле, возможно, и не очень неровный, баланс интересов, который так же важен, складывается не в нашу пользу.

– Мы намного сильнее и богаче, так что я не думаю, что баланс сил складывается не в нашу пользу. Но он не складывается столь категорично в нашу пользу, что мы можем просто щелкнуть пальцами, и россияне будут делать то, что мы захотим – в отличие от гипотетической ситуации с серьезным кризисом в Мексике.

Я думаю, что мы занимаемся этим кризисом, и нам надо быть последовательными. Мы должны рассчитать осторожно, но и твердо, какой может быть эскалация напряжения, которой мы хотели бы избежать, и какие соблазны могут привлечь россиян к поиску какого-либо образа, в который мы сможем вместе прийти к какому-либо соглашению относительно модели для Украины (как я уже писал во многих других изданиях), которая была бы похожа на финскую модель. Финляндия является частью Запада – политически, социально, культурно – но в то же время поддерживает хорошие отношения с Россией и не является членом НАТО.

Причины этого обстоятельства очень интересные, как вы, конечно, знаете: россияне решили не делать Финляндию после Второй мировой войны своим сателлитом, как я думаю, по двум причинам. Одной из них является то, что финны очень хорошо сопротивлялись в Зимней войне...

– Именно так.

– Но другой причиной было то, что Сталин был обеспокоен, что если СССР сведет Финляндию до статуса сателлита, то Швеция присоединится к Западу, а это было бы плохо для СССР.

Швеция на самом деле тайно это и сделала. Но именно тот факт, что финны очень хорошо воевали, усиливает мой аргумент, что если украинцы будут хорошо сопротивляться, если до этого дойдет, то россияне могут пойти навстречу.

– Давайте перейдем на некоторое время к нарративу, который присутствовал на Западе в сплетнях относительно Крыма. Все вытягивают исторические аналогии. Я уже слышал несколько. Самая распространенная, конечно, объясняет, что ситуация сейчас похожа на холодную войну, за исключением того, что это совсем не так, разве нет? Сейчас в этой ситуации отсутствует какой-либо идеологический аспект, который хотя бы отдаленно напоминал о холодной войне. А потом я слышал, как кое-кто говорит, должен предположить, что довольно правдоподобно: одна неприятная шайка мошенников и бандитов проводит Олимпиаду, а потом оккупирует другую страну. Аналогия, очевидно, касалась Олимпийских Игр в Мюнхене 1936 года и Чехословацкого кризиса, что произошел после них. Кое-кто еще говорит о второй Крымской войне. Но ни одна из этих аналогий много мне не объясняет. Или есть другие исторические аналогии, менее обманчивые и более полезные?

– Ну, это зависит от того, чем все закончится. Одна из аналогий, которая приходит мне на ум, – это Мюнхенское соглашение 1938 года, которое расчленило Чехословакию, и на которую согласился Запад. А потом, через несколько месяцев, ободренный этим Гитлер атаковал и оккупировал всю Чехословакию. Теперь мы знаем, что немецкий генштаб был готов восстать против него на первом этапе, потому что думал, что он погружает их в войну, которая будет слишком дорогой и, возможно, ее не удастся выиграть. Но после того, как он устроил переворот и получил Судеты, а Запад смирился с этим, Гитлер стал смелее, а немецкие военные решили, что, возможно, он и прав, и поддержали его. А потом через полгода мир погрузился в войну.

Я не думаю, что это произойдет и в этот раз, потому что в ядерную эпоху тотальную войну между нами и русскими невозможно представить. Но косвенный конфликт возможен. И лучший способ избежать этого косвенного конфликта – намекнуть прямо сейчас, что если он все-таки взорвется, то у нас не будет другого выбора, кроме как принимать в нем участие. И, опять же, если украинцы особенно хорошо окажут сопротивление, мы должны дать понять Москве, что у нас не будет выбора, кроме как оказать некоторую поддержку, но мы не будем принимать непосредственное участие в конфликте.

– Поговорим немного о последствиях того, что уже произошло для борьбы с распространением ядерного оружия, и что может произойти в будущем, если русские попытаются оккупировать не только Крым. В Будапештском меморандуме от 5 декабря 1994 года украинцы отказались от ядерного оружия, что осталось на их земле с советских времен, в обмен на обещание, что Москва будет уважать их территориальную целостность и суверенитет. Можно было бы сделать вывод из этого, что для украинцев отказ от ядерного оружия был плохой идеей, потому что если бы они ее сохранили, то Крым не находился бы сейчас под российской оккупацией. Вы согласны с этим аргументом? И что важнее, видите ли вы какие-либо последствия для борьбы с распространением ядерного оружия от всей этой ситуации, что будут влиять на поведение других государств во всем мире?

– Невозможно сделать из этого полезный вывод. Бесспорно, если бы у Украины до сих пор еще было ядерное оружие, то можно предположить, что россияне не играли бы в ту игру, которую они сейчас ведут в Крыму.

– Конечно, это спекулятивный вопрос, но как вы думаете, другие страны, включительно Иран, например, сделают из этого выводы?

– Ну, это интересная мысль. Возможно, вы правы. Это еще один негативный аспект того, что делает Путин.

Но самое негативное в том, что делает Путин, – это то, что все его действия [в Крыму] не являются необходимостью. Почему он это делает? Это не усилит Россию и не увеличит доверие к ней. Это не сделает Россию в долгосрочной перспективе привлекательной, все более – как мы надеялись бы – демократическим и благополучным государством. Я думаю, что то, что происходит это, возможно, прежде всего, трагедия для самой России.

– Наш коллега Вячеслав Иноземцев утверждает, что русские, возможно, могли бы вполне приручить украинцев, если бы делали все время правильные вещи, привлекательные, в отличие от неправильных, издевательств и агрессии.

– Да, я думаю, что Путин все испортил. У меня есть ощущение после просмотра его недавней пресс-конференции [интервью взято 6 марта], что он несколько тронут, находится в неопределенности и ищет дорогу наощупь. И я думаю, что в этом контексте есть еще возможность закончить все рационально. Но не ползая. Не объявляя, как любят некоторые из наших мыслителей в международных делах, что у нас нет выбора, что мы не имеем никакого влияния, что нет ничего, что мы можем сделать. И не так, как британцы, похоже, склонны утверждать: «Ну, в наших банках есть много российских денег...».

– Относительно вашего первого наблюдения, я упоминаю здесь о Кубинском кризисе 1962 года. Администрация Кеннеди была сильной, но оставила Хрущеву путь к отходу. Невозможно закрыть для агрессора все пути для отступления, если надо избежать конфронтации. Если Путин сделал ошибку и хочет сделать шаг назад, то мы должны держать двери или окна открытыми, чтобы он мог это сделать.

– Это правильно.

– Давайте обсудим ваше второе замечание о британских банкирах в лондонском Сити. Кое-кто утверждает, что где бы ни держали Путин и связанные с ним олигархи свои деньги, эти банкиры настолько влиятельные, что имеют возможность существенно ослабить любой смелый удар Запада в ответ на то, что произошло. И это, по мнению этих людей, касается и Уолл-стрит, и лондонского Сити. Я вижу в этом смысл, но я не могу полностью поверить в эти аргументы в такое время, в период повышения геополитических ставок. Но мне интересно, что вы думаете.

– Я не настолько параноик, чтобы думать, что банкиры тайно управляют нами. Но банкиры, без сомнения, имеют большое влияние, особенно в политических системах, в которых деньги все чаще становятся тем механизмом, который смазывает «демократический процесс».

– На этом мы пока закончим. Я с вами согласен. Итак, теперь вопрос, что касается побочного влияния того, что произошло, на политику администрации США в отношении Ближнего Востока. Очевидно, что госсекретарь Керри и президент ясно дали понять, что они зависят в той или иной степени от России в сирийском вопросе и связанном с ним иранском. И сейчас многие фактически говорят: посмотрите, когда вы доверяете россиянам, чтобы они помогли вам в этих делах, они разворачиваются и оккупируют Крым... Но они вообще могли быть для нас полезными? Я должен сказать, что никогда не верил в то, что россияне намеревались быть для нас полезными партнерами в вопросах Сирии и Ирана, и мне это сейчас как раз представляется более очевидным, чем когда-либо раньше.

– Я смотрю на это несколько иначе. Я думаю, что у россиян все-таки есть интерес быть полезными для нас в этих случаях, и не потому, что они хотят спасти нас, а потому, что сама Россия может подвергнуться негативному воздействию, если в этом регионе разразится слишком масштабный конфликт. В конечном счете если Иран будет обладать ядерным оружием, с большей вероятностью он будет угрожать интересам России, чем нашим, особенно если будет распространяться дальше конфликт между суннитами и шиитами. Аналогично и с Сирией: у них там есть остаточные интересы, они были и присутствуют там уже в течение долгого периода времени. Их вполне могут оттеснить отсюда во время конфликта сунниты, которые точно не настроены дружелюбно по отношению к России.

Проблема здесь заключается в том, что россияне могут прийти к выводу, даже если и будет так, что мы пострадаем больше, чем они, и поэтому они могут поддасться искушению выпустить этого демона из клетки. Я думаю, что они ошиблись бы, если бы заняли такую близорукую позицию. Вспомним, что со 140 миллионами человек, проживающих в России, мусульмане составляют от 25 до 30 миллионов человек. Это много. И их ярость постоянно усиливается. Они географически близко, зато мы далеко.

А потом посмотрите на чрезвычайно сильную реакцию со стороны турков, по крайней мере, на вербальном уровне, на то, что происходит в Украине. Министр иностранных дел Турции, который является важным, значимым и вдумчивым политиком, Ахмет Давутоглу вылетел в Киев и сделал чрезвычайно громкие заявления о том, что Турция не может игнорировать то, что происходит, и то, как, в частности, повлияет на безопасность его страны то, что сейчас происходит в Крыму.

– Это неоосманское мышление. Турки воевали с Россией по меньшей мере 13 раз в зависимости от того, как считать.

– Да, и они даже победили в некоторых из них! Поэтому если бы я был россиянином, я бы спросил себя: действительно ли я хочу обострения отношений между всеми мусульманами и русскими, такой ситуации, которая уже есть в Дагестане и Ингушетии, и которая может снова взорваться в Чечне, хоть и была уже там жестоко подавлена, и так далее? Так что я думаю, что россиянам, которые считают, что управлять ими не должен только один лидер,

который, к тому же, возможно склонен к мегаломании, следует поразмыслить как-то над этим.

– Когда мы думаем о выборе наших возможных реакций, как непосредственно связанных с украинским кризисом, так и других, наши союзники имеют в этом процессе ключевое значение. Очевидно, наши европейские союзники в этом случае играют важнейшую роль. И я должен сказать, что считаю позиции, которые господствуют сейчас внутри Европейского союза, несколько непрозрачными. Я не могу понять, что на самом деле думают немцы, французы, англичане и даже поляки, не говоря уже, что они думают вместе, или даже имеют ли они общее понимание ситуации, спрятанное за поверхностным слоем совместных публичных заявлений. Трудно эффективно поддерживать связь с союзниками, которые не высказывают прямо собственных мыслей. Каково ваше ощущение того, как все оценивают страны на западе от Украины?

– Когда вы говорите, что европейцы не могут прийти вместе до общего мнения, то это отчасти правда, но отчасти это не является правдой. В конце концов, они были вместе в Киеве. Три министра иностранных дел Польши, Германии и Франции провели переговоры по заключению мирного соглашения. Это были, соответственно, страна, расположенная рядом, которая может пострадать больше всего; самая мощная европейская страна, которая имела проблемные отношения с Россией в прошлом; и страна, которая давно является крупным игроком в европейских делах и исторически имеет хорошие отношения с Россией. Все три участвовали в подготовке сделки. Теперь, конечно, мы увидим, что эта сплоченность сохранится в условиях напряжения и угроз, которые создал Путин. Но я думаю, что если Путин переусердствовал, она выстоит – хотя, как вы говорите, интересы отдельных лиц и различия в национальных интересах могут породить проблемы. И здесь мы, в частности, возвращаемся к тому, что британцы заинтересованы в том, чтобы их лондонский Сити играл своеобразную роль глобального Лас-Вегаса для мировых финансов.

– А как насчет других союзников, в частности, на Дальнем Востоке и, особенно, Японии? Японский оборонный истеблишмент, конечно, внимательно наблюдает за внешней политикой администрации Обамы, и он не особенно убежден в последовательности США. Один чиновник сказал мне недавно в частной беседе, что японцы не уверены, могли бы ли мы выступить в роли союзника или посредника, если Япония и Китай столкнутся в борьбе за острова в Южно-Китайском море. Как мыотреагируем на кризис в Украине, будут внимательно наблюдать в Токио и Дели, и делать выводы, что это значит для них. У вас есть ощущение, что нынешняя администрация осознает, что то, что она делает, будет иметь последствия за пределами Европы, за пределами Ближнего Востока, в частности, в Восточной и Южной Азии?

– Мы должны быть очень осмотрительными, давая понять, что Япония является нашим основным союзником в Тихом океане. Однако Япония необязательно будет нашим основным союзником на материковой части Азии. Но мы должны придерживаться курса, в котором напряжение между Китаем и Японией не будет заставлять нас делать выбор. А это уже зависит, как я думаю, в свою очередь, от того, насколько эффективно мы сможем вести разговоры с японцами и отговорить их от совершения действий, которые будут напоминать китайцам, что они были жертвами японской агрессии. В то же время мы должны сказать китайцам: «Не раздувайте скандал до неслыханных размеров, потому что этим вы не заставите нас оставить в одиночестве Японию; мы тихоокеанская держава и являемся ею с 1905 года».

И мы можем сделать это, необязательно прибегая к словам, которые звучат как угрозы, как «сдвиг» (в направлении Азии), который создал такое впечатление у китайцев в определенный момент.

Я думаю, что в этом контексте мы должны научиться управлять этими отношениями.

И в конце концов, мы можем также в частных разговорах с китайцами просто сказать им:

«Смотрите, мы понимаем ваш интерес к этим островам, потому что, хотя и они сейчас маловажны, вокруг них могут быть какие-нибудь нефтяные месторождения или что-то другое, и, возможно, вам надо урегулировать этот спор в суде, так что мы будем готовы помочь». И мы можем также попросить их одновременно: «Вы же понимаете, поражает, что в прошлом вас силой заставили уступить России примерно 750 тысяч квадратных километров вашей земли. Так почему же вы так агрессивно цепляетесь за японцев, игнорируя эту другую проблему?».

– Ну, они неофициально заново заселяют эти территории...

– Совсем неофициально, и очень медленно, по некоторым оценкам, за рубежом уже живут 2 миллиона. Но дело в том, что если у вас есть претензии к соседям, то на ком из них вы сосредотачиваетесь, определенным образом свидетельствует о том, как вы мыслите.

– Этот психологический багаж истории всех тянет вниз, и это касается как и России в ее отношениях с Украиной, так и Китая в его отношениях с Японией.

– Да, это правда. Но другая обида на Россию также мучает сердце китайцев. Прошло сколько – лишь около 40 лет с того времени, как китайцы убили немало российских пограничников на острове Даманский?

– И последний вопрос: оправданно или нет, но в мире есть ощущение, что Соединенные Штаты немного устали, отвлеклись внутренними проблемами, что мы хотим побыть в покое некоторое время. Есть опасения, что ревизионистские силы, которые недовольны статус-кво по той или иной причине, будут более склонны действовать под влиянием обид, если они подумают, что Соединенные Штаты стали недостаточно внимательны. Кое-кто интерпретирует крымский кризис как свидетельство чрезмерного спокойствия США, и опасается, что он может предвещать лавину будущих кризисов, если мы неотреагируем со всей энергией. Вы верите в лавинную теорию современных и будущих неприятностей?

– Ну, я хотел бы увидеть какие-нибудь примеры.

– Кое-кто сказал бы, что китайцы построили свою новейшую систему противовоздушной обороны исходя из этого общего контекста.

– А как мы отреагировали? Мы направили против нее два бомбардировщика, которые пролетели прямо сквозь нее. И с тех пор проблемы больше нет. Это правда, что аргументы, подобные этим, легче придумывать в мире, который является угрожающим, опасным и нестабильным. И именно сейчас он таким и является. Очевидно, как вы предположили в своем вопросе о том, не отреагируем ли мы слишком остро на то, что сейчас происходит в Украине, нужно быть осторожными, чтобы не вызывать огромной эскалации напряжения и взрыва иррационального конфликта в тот момент, когда мир очень встревожен. И, как я уже утверждал, мы не живем в эпоху нашей гегемонии. До сих пор мы преобладаем своей силой, но уже не являемся гегемоном. И это требует другого шаблона поведения – не отказа от применения силы в случае необходимости, а скорее отказа от опоры на нее в качестве первого или основного инструмента для ответа.

Украина – цена за возрождение СССР

(из интервью З. Бжезинского «EuroNews», Франция,

7 марта 2014 г.)

Москва и Запад продолжают играть мускулами в одном из самых острых политических кризисов после окончания холодной войны.

Збигнев Бжезинский, советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при университете Джонса Хопкинса, автор многочисленных книг, советник по национальной безопасности при президенте Джимми Картере в свои 85 лет остается одним из наиболее уважаемых мыслителей в области геостратегической политики. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Евро Ньюс» в Вашингтоне Штефана Гробе о кризисе в отношениях Украины и России.

—

Доктор Бжезинский, большое спасибо, что согласились уделить нам время. Еще два десятилетия назад вы предостерегали от ситуации, в которой Россия будет запугивать Украину и стараться дестабилизировать украинское государство. Вы писали об этом. Позвольте задать такой вопрос: нынешние действия Путина, их вопиющая дерзость для вас стали неожиданностью?

— Все нет, потому что он говорил о крахе Советского Союза, как о величайшей катастрофе XX века. Просто задумайтесь, что это значит. Первая мировая война – миллионы убитых. Вторая мировая война – миллионы, и миллионы, и миллионы убитых, а еще Холокост. Холодная война – угроза ядерной катастрофы для всего человечества. Нет, нет – все это не столь значимо, как исчезновение государства, в котором он был тайным агентом КГБ. Он хочет возродить Советский Союз. И Украина – цена за это. Если он сможет заполучить Украину, он может попытаться реализовать свою мечту.

— Но теперь, похоже, Путин смахивает все фигуры с шахматной доски. Понимает ли он, что делает? Есть ли у него какой-то план в связи с Украиной?

— Безусловно, он следует каким-то расчетам, но, на мой взгляд, на краткосрочную перспективу. Мне кажется, что когда он принимал это решение, то планировал идти дальше. В том случае, если не будет реакции со стороны Украины, если не будет никакой реакции со стороны Запада, он мог бы повторить такой трюк дальше на Востоке Украины, присоединяя район за районом, и в результате расчленив Украину, и по своему выбору назначить правительство в Киеве.

— Вы были советником по национальной безопасности президента Картера, когда Советский Союз вторгся в Афганистан. Если бы вы были советником по национальной безопасности президента Обамы теперь, когда русские вторглись на Украину, что бы вы посоветовали?

— Мы должны дать понять русским, что если они серьезно настроены развивать сотрудничество с Украиной, но не на 100 % на своих условиях, мы готовы им в этом поспособствовать, потому что мы не хотим, чтобы в отношениях с Украиной существовала монополия. Эта страна нуждается в помощи, ей нужна стабильность. И мы, и русские могли бы сотрудничать в этом. В то же время мы можем заверить русских: нашей целью не является заманить Украину в НАТО, что русские могли бы рассматривать, как военную

угрозу. К тому же большая часть украинцев не стремятся в НАТО, но они хотят быть независимыми. Так что все это вполне совпадает с политической реальностью. Но, в то же время, мы должны дать понять, очень спокойно, не в унижительной манере, что если он (Путин) с этим не согласен, если он собирается идти дальше и угрожать Украине, последствия неизбежны. Если русские не отступятся от Крыма, я гарантирую, что большинство украинцев, которые не испытывают антироссийских настроений, изменят точку зрения.

– Какие способы давления есть у США и Европы?

– Могут быть приостановлены экономические договоренности. Счета россиян за рубежом могут быть заморожены. Существует много подобных способов, дать россиянам понять, что такие действия в географическом центре Европы, могут обернуться для них реальными материальными потерями.

Америка превратит Украину во Вьетнам для русских

(из интервью З. Бжезинского для CNN USA, 13 апреля 2014 г.)

По мнению Збигнева Бжезинского, США должны поддержать Украину всем необходимым для борьбы с Россией

–

так же, как в свое время СССР поддержал Вьетнам в войне с Америкой. Это соответствует интересам Соединенных Штатов.

Чем разрешится вся эта ситуация? Вчера государственный секретарь США Джон Керри снова предупредил своего российского коллегу

–

министра иностранных дел Сергея Лаврова

–

о действиях России и их последствиях. Но прислушается ли Россия? На связь выходит Збигнев Бжезинский, который был советником по национальной безопасности в администрации Картера.

–

Збигнев, как вам кажется: Россия намеренно стремится к тому, чтобы восточные регионы Украины объявили о своей независимости, или же они стараются создать ситуацию, в которой Россия выступила бы посредником в переговорах по автономии в каком-либо виде?

– Я вижу поразительное сходство между тем, что происходит сейчас, и тем, что происходило несколько недель назад в Крыму, и, как мне кажется, оно говорит само за себя. Смотрите, мы видим группу бандитов, одетых в какую-то странную, почти мафиозную форму, на которой нет никаких знаков национальной принадлежности. На вид они чрезвычайно похожи на тех людей, которых мы, к слову, видели в Крыму. И они выкидывают такие вот «трюки» в нескольких городах востока Украины. При этом Россия заявляет, что волнения поднимает местное население.

Россия явно пытается выяснить, сможет ли она захватить эти территории без особого сопротивления и объявить таким образом, что они сами отделились от Украины. Если же они встретят сопротивление, то введут на Украину те силы, которые сейчас собраны у границы. Перед нами серьезный вызов международного масштаба, вызов международным нормам и стабильности. Вызов системе, которая создавалась так, чтобы страны не полагались на применение силы. Мне кажется, что это уже вызов международному сообществу, а не только Украине.

—
Збигнев, Украина ведь не выживет без восточных регионов

—
именно там во многом сосредоточены тяжелая и добывающая промышленности. Как вы думаете, если развитие все-таки пойдет по описанному вами сценарию, предпримет ли Запад еще какие-то меры? В Европе как-то неохотно относятся к таким вещам, как, например, запрет на поставки энергоносителей из России, так как европейцы очень зависят от российских поставок.

— Во-первых, много зависит от того, как поступят сами украинцы. Если они не станут сопротивляться, как они не стали сопротивляться в Крыму, то, конечно, международное сообщество не будет проявлять чрезмерное рвение и поддерживать, по существу, признавших поражение украинцев. Если они решат сопротивляться, они, вероятно, будут шаг за шагом терпеть поражение. Однако если, несмотря на это, они продолжат сопротивление, общественность как внутри западных стран, так и на международном уровне будет оказывать все большее давление на эти страны, думаю, независимо от того, хотят они или нет в данный момент, в пользу оказания помощи Украине. Речь идет не о прямом военном участии, а о поставке вооружений.

И с моей точки зрения, честно говоря, такая помощь может оказаться действительно необходимой, и нам не стоит уклоняться от нее. Только подумайте, Фарид, что произошло во Вьетнаме. Мы потеряли тысячи и тысячи человек в войне с вьетнамцами. А кто их вооружал и перевооружал? Россия. Они не считали это затруднительным, потому что полагали, что таким образом защищают свои международные интересы, при этом не принимая непосредственного участия в войне.

Я считаю, что нам стоит занять не менее активную позицию. Если украинцы окажут сопротивление, мы должны им помочь. И если мы скажем им об этом заранее, то больше вероятность, что они станут сопротивляться. А если Россия будет знать, что Украина окажет сопротивление, они хорошо подумают, прежде чем начинать такое крупное предприятие. Они рассчитывают на то, что все должно пройти мирно, эффективно и, в итоге, дать бесспорные результаты.

—
Как вы думаете, насколько вы можете судить, президент Обама сейчас на правильном пути?

— Я не в курсе того, что обсуждается в частном порядке. Я выступаю за то, чтобы донести наши намерения до Украины по конфиденциальным каналам так, чтобы их восприняли серьезно, но чтобы Россия была также в курсе наших намерений. Я считаю, что мы должны не пытаться унижить Россию, а предложить ей сделку на тех условиях, что Украина вольна сотрудничать с Европейским союзом и также вольна поддерживать нормальные отношения с Россией. Таким образом, и Запад, и Россия участвовали бы в разрешении украинского конфликта по примеру Финляндии.

— Чрезвычайно интересный анализ, Збигнев, спасибо вам.

Что Обама должен рассказать американцам об Украине

В ближайшее время президенту Обаме необходимо сообщить американскому народу, что украинский кризис стал самой серьезной угрозой для системы международной безопасности со времен окончания холодной войны.

Прошло уже больше месяца с того момента, когда россияне аннексировали Крым, и недавние события сумели только усугубить кризис: по некоторым данным, в пятницу пророссийские ополченцы сбили два украинских вертолета над удерживаемым сепаратистами Славянском. Тем не менее, президент пока не выступил с исчерпывающим заявлением, касающимся реальных ставок в этом конфликте: почему мы столкнулись с этой проблемой, почему в наших общих интересах решить ее вместе с россиянами и почему, если переговоры не помогут, мы будем обязаны помочь Украине. В первую очередь президент должен объяснить, почему мы не можем мириться с такой международной системой, в рамках которой бандиты позволяют себе захватывать другие страны, а ситуацию в них можно дестабилизировать из-за рубежа. И почему общую ответственность за это несем не только мы, но и наши союзники и друзья, такие как Китай, которые также крайне заинтересованы в сохранении стабильности.

В целом я поддерживаю те шаги, которые президент Обама уже предпринял. Учитывая ту разнородность демократического альянса, в котором мы состоим, я считаю, что он действовал именно так, как это было нужно в данных обстоятельствах. Но я виню его за то, что он до сих пор не обратился к американскому народу, чтобы спокойно и подробно разъяснить ситуацию. Он не сделал ни одного серьезного заявления перед народом, чтобы рассказать о потенциальных рисках масштабного международного кризиса. Ему нужна поддержка американцев. Поэтому он должен убедить их, что этот кризис имеет большое значение и что его позиция заслуживает понимания и поддержки со стороны нации. Обаме также следует постараться сформировать на Западе убежденность в том, что мы все несем ответственность за этот кризис, и он должен донести до сознания Москвы, что мы настроены серьезно. Если мы хотим сдержать Россию, мы должны убедить ее, что ее агрессия повлечет за собой массу негативных последствий. Но так случится только в том случае, если украинцы будут сопротивляться. Поэтому нам следует приложить все усилия к тому, чтобы сесть с Россией за стол переговоров и одновременно помочь украинцам защитить себя в случае нападения. Украинцы будут сражаться, только если будут твердо знать, что, в конце концов, они получат помощь Запада, в частности, в виде поставок оружия, необходимого для успешной обороны городов. Украинцы не смогут разбить россиян на открытых пространствах, куда можно вывести тысячи танков. Они могут одолеть россиян только в длительном противостоянии в условиях городов. В этом случае россияне столкнутся с существенным ростом экономических издержек, а в политическом смысле эта война станет бесполезной. Но чтобы иметь возможность защитить город, нужно иметь противотанковое оружие, портативные ракеты и определенную организационную структуру.

В то же время мы должны изучить возможность найти переговорное решение кризиса на Украине вместе с Россией. Его еще можно выработать, если Россия захочет выстроить отношения с Украиной по образцу своих отношений с Финляндией, которая не является членом НАТО и в то же время принимает активное участие в делах Европы, несмотря на свои тесные связи с Россией. Обама должен убедить российского президента в том, что США готовы воспользоваться своим влиянием для того, чтобы гарантировать, что поистине независимая и территориально единая Украина будет вести в отношении России такую же политику, какую успешно ведет Финляндия: это должны быть отношения взаимного уважения, Украина должна получить возможность поддерживать экономические связи как с Россией, так и с Евросоюзом, и не должна вступать в военные альянсы, которые Москва может счесть угрозой для своей безопасности. Финская модель может стать идеальным примером для Украины, Евросоюза и России.

Поскольку Россия боится, что Украина станет частью Евросоюза, я хотел бы напомнить россиянам, что для вступления в него стране необходимо сдать 32 различных экзамена. На это требуется время. Туркам, к примеру, сказали, что они могут попытаться вступить

в Евросоюз в 1960-х годах – это 50 лет назад. Поэтому России не стоит опасаться стремительной интеграции Украины в Евросоюз.

Усиленные попытки изучить такой вариант развития событий могут оказаться весьма продуктивными, хотя убедить украинцев принять в них участие может быть довольно сложно. В любом случае сейчас мы столкнулись с реальной угрозой, поскольку Россия пытается силой изменить послевоенную систему обеспечения безопасности. Мы также столкнулись с вероятностью того, что в случае, если эти попытки увенчаются успехом, это приведет к усилению давления на наиболее уязвимых членов НАТО. Именно поэтому я считаю, что мы должны ясно дать россиянам понять, каков размер ставок в этой игре, насколько высокую цену им придется заплатить и какими могут быть параметры конструктивного решения.

(«Politico», США, 4 мая 2014 г.)

Три альтернативы для Путина по Украине

Прошло три с лишним месяца с тех пор, как Владимир Путин произнес свою триумфаторскую речь в российском парламенте. В своем выступлении он ликовал в связи с военным захватом Крыма и наслаждался оргией шовинистических настроений. Путин явно смаковал этот энтузиазм и вряд ли серьезно задумывался о долгосрочных стратегических последствиях того процесса, который он запустил.

Прошло три месяца, и на фоне сохраняющейся неопределенности относительно будущего российско-украинских отношений, и также роста международных издержек для России Путин сталкивается с тремя основополагающими альтернативами.

1. Он может взять курс на достижение компромиссного соглашения с Украиной, прекратив нападки на ее суверенитет и экономическое благосостояние. Для этого нужна мудрость и настойчивость со стороны России, а также Украины и Запада. Такое компромиссное решение должно предусматривать прекращение российских усилий по дестабилизации Украины изнутри, положить конец угрозе масштабного вторжения и привести к некоему пониманию между Востоком и Западом, в рамках которого Россия молча согласится с тем, что Украина отправляется в длительный путь с целью вступления в Евросоюз. В то же время, надо четко заявить о том, что Украина не стремится к членству в НАТО, а Запад не рассматривает такую возможность. Россию не без оснований тревожит такая перспектива.

Кроме того, надо также четко дать понять, что Россия больше не надеется на вступление Украины в «Евразийский союз», который является весьма прозрачным прикрытием для возрождения чего-то, приблизительно напоминающего Советский Союз или царскую империю. Вместе с тем, это не должно мешать торговле между Россией и Украиной, поскольку обеим странам очень выгодны двусторонние торговые и финансовые отношения. Международное сообщество может подтвердить свою поддержку такому выходу из сложившейся ситуации и вернуться к более нормальным отношениям с самой Россией, включая отмену санкций.

2. Путин может продолжить свое содействие плохо замаскированной военной интервенции, призванной нарушить нормальный ход жизни в некоторых районах Украины. Если Россия и дальше будет следовать этим курсом, очевидно, что Западу придется пойти на долговременные и по-настоящему карательные санкции, призванные продемонстрировать Москве болезненные последствия нарушения украинского суверенитета. При таком злополучном исходе в Восточной Европе могут появиться две экономики на грани краха: украинская из-за деструктивных действий России, и собственно российская.

3. Путин может напасть на Украину, задействовав гораздо более мощный военный потенциал России. Однако такие действия вызовут не только немедленные ответные меры возмездия со стороны Запада, но и могут спровоцировать сопротивление на Украине. Если это сопротивление будет устойчивым и активным, у членов НАТО возникнет стремление поддержать украинцев различными способами, и в этом случае конфликт для агрессора окажется весьма дорогостоящим.

В этом третьем случае последствия для Кремля будут следующими: возникнет постоянная враждебность по отношению к нему со стороны украинского населения, численность которого составляет более 40 миллионов человек, а Россия попадет в экономическую и политическую изоляцию, грозящую внутренними беспорядками.

Очевидно, что правильный выбор состоит в том, чтобы найти формулу компромисса, которая должна предусматривать неприменение Россией силы против Украины. Вопрос Крыма пока останется нерешенным, но он будет постоянно напоминать о том, что шовинистический фанатизм это не лучшая отправная точка для решения сложных вопросов. Именно поэтому действия Путина опасны не только для Запада, но, в конечном счете, и для самой России.

(«The Washington Post», США, 8 июля 2014 г.)

Попытка России стать империей обречена на провал

(из интервью З. Бжезинского для ТВ Украины,

20 октября 2014 г.)

—
В вашей статье, опубликованной в июле в «The Washington Post», вы написали, что у Путина есть три пути, три выбора дальнейшего развития событий в Украине. Первый

—
он может пойти на примирение с Украиной, прекратив подрывать ее суверенитет и экономику. Второй

—
он может продолжить спонсировать завуалированное военное вторжение, цель которого

—
разорвать страну на куски. А еще Путин может просто захватить Украину, используя военную мощь России. Сейчас

—
спустя три месяца после выхода Вашей статьи

—
что изменилось? Какой путь избрал Путин?

— Прежде всего, я не смогу сказать точно, какой путь выбран, так как он обычно мне этого не сообщает. И обычно он не получает от меня советов. Но из этих трех альтернатив, на данный момент наиболее вероятна вторая. Некая агрессия – в надежде, что она в итоге она приведет к примирению, а украинцы в ответ признают потерю Крыма. А еще он может

выбрать первый вариант, осознавая, что это чрезмерно рискованная и потенциально дорогостоящая политика.

–

А какие возможные пути для Украины? Что бы вы могли посоветовать нам? К чему и как нам готовиться?

– Я уверен, что большинство из вас осознают это – я думаю для Украины сейчас – действительно критически важный момент в истории. Что Украина сможет найти себя – стать европейской демократической нацией, которая посвятила себя свободе в такой мере, что любой, кто захочет посягнуть на ее свободу, будет знать, что очень серьезно рискует. Думаю, это должно быть понятно всем «обеспокоенным», которым это было не ясно во время оккупации Крыма Россией. Думаю, сейчас это становится еще большим сигналом, еще большим символом – в свете попыток захватить часть территории Донбаса. <... > Но Украина должна доказать, что она на самом деле решила быть частью Европейского мира. И если Украина преуспеев в этом, произойдет нечто очень важное. Единственной перспективой России будет – смириться с этой реальностью. И в итоге самой стать частью Европы. Если она этого не сделает – превратиться в разоренного спутника Китая. Я не думаю, что это хорошая перспектива для России.

–

Вы говорите, что мы должны доказать, но, не кажется ли вам, что Украина утратила свой исторический шанс? Он был, например, в 91-ом, когда Украина огласила независимость, но не изменила систему и стала одним из главных примеров коррупции. Он был после «оранжевой революции», но страна не смогла присоединиться ни к ЕС и НАТО. Сейчас уже прошло полгода с тех пор, как у власти

–

новое правительство, но существенных реформ

–

не было. Нет ли у вас ощущения, что теперь мы теряем свой третий шанс?

– Я все еще оптимистичен. Но будучи оптимистом, я должен говорить правду моим украинским друзьям. Вы все знаете, что я давний друг Украины. Так вот – вы должны быть готовы к длительному и напряженному периоду попыток, жертвованию, самодисциплины и законопослушной системе. И вы должны искоренить коррупцию, которая деморализовала не только вашу экономику, но и вашу повседневную жизнь. И даже деморализовала ваши вооруженные силы, – трагическое явление после приобретения независимости 20 лет тому назад. И сейчас вы должны смириться с фактом, что в последующие 10 лет вы должны будете пожертвовать многим, чтобы стать частью Европы. Уверен – вы будете очень успешными в Европе, – у вас есть потенциал быть успешными, потому что вы европейцы.

–

Поговорим о нынешней позиции администрации США. Разве это не знак, что страна является глобальным лидером? Вы даже написали книгу о выборе между глобальным превосходством страны или глобальным лидерством. Сейчас санкции

–

неэффективны. Украине обещают оружие, но непонятно

–

когда. США выходили из многих сложных ситуаций, таких как холодная война. Как вы считаете, почему Америка так нерешительна сейчас?

– Я не согласен с вами. Исходные условия вашего вопроса в том, что Америка нерешительна. Но вы только посмотрите на западную коалицию, которая накладывает жесткие санкции на Россию. У нас были внутренние разногласия, но президент США Обама, который заявил, что выступает за Украину, преуспел в объединении Европы

в поддержку Украины. Сейчас на нашей стороне канцлер Германии Ангела Меркель с ее жесткой позицией, а также поддержка других европейских стран. Мне кажется, мы на правильном пути.

—

Что касается вашей фразы, которая уже стала классической: «Без Украины Россия перестанет быть империей. С Украиной же, сначала

—

подкупленной, а после

—

подчиненной, Россия автоматически станет империей». Как вы думаете, до сих пор ли это так?

— Сейчас я бы изменил немного мою формулировку. Мне кажется, она может попытаться стать империей. Но это будет провал. Ведь дело в том, что отношение России к Украине заставило многих людей в Беларуси почувствовать себя очень некомфортно в отношении своего будущего. А посмотрите, как казахи отреагировали на действия Кремля. Западный Казахстан сильно населен россиянами. Каждый казах сразу же подумал о «новом Крыме». Не думаю, что создание этой империи будет таким уж успешным. Империя лишь в том случае будет успешной, если России удастся подчинить Украину. Но это очень сложно из-за того, что Запад довольно четко дает понять, что ему не все равно. Но не ожидайте, что Запад будет бороться за вас. Это главное, что вы должны понять. У вас должно быть желание сделать все необходимое, чтобы защитить свою свободу. И тогда, так или иначе, Запад поддержит вас, и ситуация начнет улучшаться.

—

Говоря об этой борьбе, главный вопрос для миллионов украинцев, для тех, кто нас смотрит сейчас,

—

как остановить Путина? Россия в открытую смеется в ответ на санкции. А рейтинги российского президента только растут. Так что бы вы посоветовали? Каким бы мог стать достойный аргумент для России, заставивший бы ее отступить?

— Думаю, главный аргумент заключается в том, что для России, если она отступит, есть возможность стать частью успешного Запада. Мы будем рады России. Я очень сомневаюсь, что такое будет с Путиным во главе. Но я думаю, что будущие лидеры России, особенно, если их поддержит возникающий новый средний класс, пойдет этим путем. И я бы сказал, что для России есть лучшее будущее – в качестве ведущей европейской страны. Я думаю, условия в России станут лучше для российского населения. На самом деле, россияне не живут в успешной стране. И демографическая статистика, статистика по доходам, статистика того, куда девается капитал – все указывает на то, что это сегодня не успешное общество.

—

Самая страшное для российского президента

—

это постоянное падение цен на нефть. Это может стать катастрофой для российского бюджета. Многие люди говорят, что это самые сильные санкции против России, и лучший способ закончить противостояние.

— Думаю, это имеет негативный эффект для России. Но, на мой взгляд, это случилось не из-за намеренного плана Запада. Думаю, это побочный эффект от изменения экономических условий, и, в особенности – изменения в отношении доступности энергетики из разных источников. Не на последнем месте стоит также и самодостаточность Америки.

—

Раньше вы предрекли распад Советского Союза. Если говорить о режиме Путина, и о России в целом, то насколько сильна эта страна? Насколько силен режим?

– Думаю, страна ослабла. Режим – относительно сильный. Но если он не будет подкреплён какими-то успехами, улучшением условий жизни российского населения, он не будет достаточно эффективным. И, думаю, это и есть вызов, который стоит перед Путиным. Надеюсь, он поймет – а если и не поймет, то поймут его преемники, – что Европа захочет видеть Россию в своем составе. После того как Украина вступит в Союз, мы будем рады присоединению России к Европе. Россия тогда неизбежно станет более перспективной страной. Даже несмотря на зависимость от своего восточного партнера, у которого есть свои амбиции: экономические, геополитические и даже территориальные.

–
Можно ли доверять Путину? Можно ли доверять России? Не играет ли Москва двойную игру: одну игру

–
на публику, и, в то же время, делает нечто совершенно противоположное руками боевиков.

– Если допустить, что это так, то это лишь подтверждает мой ответ на ваш вопрос, когда я сказал, что более вероятным из трех альтернатив Путина будет второй вариант. Но не думаю, что это сработает в долгосрочной перспективе. И поэтому я до сих пор относительно оптимистичен. Но я должен повторить то, что я уже говорил несколько раз: все зависит от Украины. Страна может быть настолько независимой или зависимой, насколько на то существует желание ее людей и лидеров. Это и есть настоящее национальное усилие. Первые двадцать лет независимости Украины были потрачены впустую. Не думаю, что мне нужно рассказывать вам, как и благодаря кому. Теперь это вызов для всех вас – сделать так, чтобы следующее десятилетие оказалось успешным. И если вопрос в этом, то я довольно оптимистичен, – и не только насчет будущего Украины, но и насчет будущего России.

–
Если говорить обо всех переговорах с Путиным, то не возникает ли ощущения, что решения принимаются не на этих встречах, и эти решения

–
лишь возможность представить публике кулуарные договоренности?

– Я не понял вашего вопроса.

–
У меня последний вопрос, о Крыме. Есть ли у Украины шанс вернуть Крым, и не станут ли крымские татары еще одной несуществующей нацией в Европе?

– Все зависит от того, что будет происходить между вами и Россией. Но даже больше зависит от того, что будет происходить в самой Украине. Успешная Украина, думаю, сможет договориться с Россией об альтернативных решениях, которые, с одной стороны, удовлетворяют ваши исторические интересы, но также, в какой-то степени, обеспечат некоторый доступ России к Крыму, который представляет интерес и для нее. Но я не думаю, что это случится скоро. В то же время, конечно же, вы должны принять все возможные юридические шаги, чтобы иностранный бизнес не смог получать прибыль от проектов на территории Украины, в нарушение международных законов. Чтобы им это было невыгодно. Ведь Крым – конкурентоспособная территория, забранная силой. Другие предприятия и страны не должны пытаться получить выгоду за ваш счет от этой ситуации, давая прибыль лишь для России.

–

И самый последний вопрос: миллионы украинцев смотрят сейчас нас. Обращаясь к нашим зрителям, не к политикам, а обычным людям

–

что вы можете им сказать?

– Во-первых, у них есть поддержка мира. Особенно – демократических стран. И особенно – от США. Во-вторых, и я повторю это в который раз – все зависит от украинцев. Особенно – нового поколения украинцев, которые родились гражданами Украины, а не гражданами Советского Союза. Вы должны убедиться, что Украина станет успешной в экономике, демократии, системе законопослушности, и не будет деморализована коррупцией. Это – вызов, который вы должны преодолеть. И добиваясь этого, вы сможете договариваться в конструктивной и, в конечном итоге – положительной манере с Россией, которой придется пройти через тот же процесс, если она хочет стать современным обществом.

–

Спасибо огромное за то, что были с нами. Вы

–

легенда. Я очень рад, что смог поговорить с вами сегодня.

– Спасибо вам. И благодарю за то, что позволили мне обратиться не только к вам, но и к украинцам, которым я желаю всего самого лучшего. А еще хочу сказать – без всякого лицемерия – что я также желаю всего самого лучшего россиянам. Потому что российское население заслуживает лучшей власти, чем у них есть сейчас.

Пример Украины рано или поздно повлияет на Россию

(из статьи З. Бжезинского в «Financial Times», 18 июня 2014 г.

и различных интервью за 2014 г.)

Украина рано или поздно сблизится с Европой. Молодое поколение украинцев уже не чувствует себя частью России. Половина населения Украины говорит по-русски, но это не значит, что они считают себя русскими. 85 % процентов жителей Украины поддерживают идею ее государственности.

На Украине сложилась новое мировоззрение – не антироссийское, но считающее Украину исконной частью Европы. Обновленное чувство идентичности соединилось со стремлением к процветанию, поэтому в будущем соглашение между Киевом и ЕС не исключено. Однако Евросоюзу следует прислушаться к финансовым нуждам Украины. А ей, в свою очередь, придется «затянуть пояс»: это станет тестом на решительность в отстаивании своих европейских стремлений. Украинцы должны понять, что европейских налогоплательщиков не радует перспектива оплачивать проступки и коррупцию киевской элиты.

Россия также не может достигнуть успехов в отношении своего будущего и процветания своих граждан без тяготения к более близким отношениям с Европой. Если она этого не сделает, она превратится в пустое пространство. Демографический кризис крайне серьезен, люди стареют. Рядом идет драматический рост Китая. Но Россия не сможет двигаться к Европе, пока думает о себе как об империи.

Россия не сможет развиваться из-за исключительной централизации – все решения принимаются в Москве. В результате этого остальные части страны развиваются медленно. Если бы в России сложилось содружество российских же республик с центрами на Дальнем Востоке, в Сибири и Москве, все регионы оказались бы в куда более выгодных позициях

и смогли активно сотрудничать со своими соседями. Например, Дальний Восток в новой децентрализованной России смог бы наладить более серьезные связи с богатыми Китаем и Японией. Западная Россия могла бы скооперироваться со Скандинавскими странами. Столичная бюрократическая элита любит паразитировать на провинциальных регионах. Российская геополитика определяется одержимостью Владимира Путина имперским прошлым. Россия стремится создать нечто, напоминающее Российскую империю или Советский Союз, и Путин наивно полагает, что лидеры бывших советских республик согласятся на подчиненную роль. Но история доказывает, что однажды обретенная национальная государственность заразительна, и разрушить ее может лишь внешняя сила. Однако современная Россия слишком слабая, отсталая и бедная страна, чтобы насильственным способом восстановить былую империю. Сейчас ясно, что судьба России больше не подразумевает контроля над половиной мира. Скорее вопрос стоит так: как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте растущего Востока и пусть и сбитого с толку, но более богатого Запада. И именно поэтому западная политика подбадривания Украины к тесным связям с ЕС является критически важной предтечей стимулирования России к как можно более близкому вовлечению в Запад. Это не может случиться при президенте Путине, но внутренние предпосылки для демократической эволюции в России растут и, с моей точки зрения, в конечном счете перевесят. Русские сегодня так открыты миру, как никогда ранее. Это лишь вопрос времени, когда российская элита поймет, что жесткие усилия Путина не имеют больших шансов на успех. Рано или поздно он перестанет быть президентом, и вскоре Россия поймет, что единственный разумный путь – это действительно современное, демократическое, возможно, даже ведущее европейское государство. Пример Украины рано или поздно повлияет и на Россию. Она повернется к Европе и откажется от своего «наивного» проекта по воссозданию былой империи.

Авантюризм Путина

Какое место займет Путин в пантеоне истории?

С ног до головы одетый в черное – даже водолазка была именно этого цвета (помнится, такой стиль в свое время предпочитал Бенито Муссолини) – бывший подполковник КГБ, а ныне президент Владимир Путин выступал перед тысячами восторженных молодых сторонников, собравшихся на московском стадионе 21 ноября 2007 года.

Лейтмотивом его речи стало ксенофобское предостережение о нелояльности по отношению к государству, направленное против российских демократических неправительственных организаций, получающих субсидии из-за рубежа. «К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» у иностранных посольств... рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа», – гремел Путин под аккомпанемент патриотических песен советской эпохи, несущихся из репродукторов; толпа размахивала российскими флагами.

Через несколько дней тот же Путин, казалось бы, склонился перед авторитетом российской конституции, подтвердив, что, как положено, покинет пост президента по окончании второго срока в марте 2008 года. Этот шаг, однако, сопровождался «помазанием» его лично подобранного преемника – давнего подчиненного по бюрократическим структурам и партнера по бизнесу Дмитрия Медведева. На следующий день человек, назначенный будущим президентом, выразил надежду, что Путин согласится занять в новой администрации пост премьер-министра. С учетом характера политической власти в России выборы тем самым автоматически превращались в фарс, а авторитет путинского преемника был, по сути, выхолощен. Как заметил один из ведущих российских экспертов, Путин –

не уходящий президент, он просто меняет свой статус. Он был «национальным менеджером» страны, а после марта станет ее национальным лидером. В фашистской Италии номинальным главой государства был король, но реальная власть принадлежала «национальному лидеру» – Дуче.

Какое место отведет история в своем пантеоне человеку, которого американский президент однажды назвал «родственной душой», в честь которого английская королева устроила торжественный банкет в Букингемском дворце, чей день рождения президент Франции желал официально отпраздновать в рамках встречи, где по идее должны были участвовать только представители стран НАТО (даже не посоветовавшись с руководством Латвии, где проходило заседание), человеку, которому удалось «купить с потрохами» бывшего германского канцлера, сделав его деловым партнером, которому бывший итальянский премьер чуть ли не кланялся в пояс? Низкопоклонство западной прессы, сопровождавшее стремительное превращение Путина в мировую знаменитость, вознесло его на такой пьедестал, на котором не оказывался ни один российский лидер в истории – даже Александра I после победы над Наполеоном восторженные дамы в лондонских, парижских и венских салонах не перевозносили с таким пылом.

* * *

Отчасти ответ на поставленный вопрос связан с долгосрочными негативными последствиями, которыми принимавшиеся Путиным решения, при всей их очевидной краткосрочной результативности, скорее всего, обернутся для российской политической системы, экономики и геополитических перспектив. Чтобы ответить на него, надо также сравнить ситуацию, складывающуюся сегодня в России в результате политики, проводимой Путиным на посту главы государства, с возможными альтернативными плодами его президентства, учитывая при этом сложные явления, преобладавшие в стране в начале 2000 года, когда Путина аналогичным образом отобрало в качестве будущего лидера встревоженное окружение его большого предшественника. Контраст между тем, что происходит сегодня, и тем, что могло произойти, таким образом, станет основой для более глубокой исторической оценки.

Для начала было бы уместно остановиться на немногочисленных имеющихся данных о внутренней мотивации человека, которому за восемь лет – признаем это – удалось стабилизировать российскую экономику и вернуть народу национальную гордость, во многом за счет использования в политических целях неожиданно возросших доходов, связанных со спросом на российские энергоносители на международном рынке. Путин завоевал внутри страны широкую популярность из-за того, что он покончил с социальным хаосом, вызванным распадом Советского Союза, а затем – беспорядочной приватизацией государственных предприятий, за счет которой скандально обогатились наиболее предприимчивые российские приватизаторы и некоторые из их западных консультантов. Многих россиян – а также иностранных туристов и полных энтузиазма потенциальных инвесторов – завораживает новообретенная сверкающая пышность Москвы и восстановленный во всем былом величии Санкт-Петербург. Возрождение гордости россиян за свою страну вполне понятно, если вспомнить, какое чувство унижения вызвал у них внезапный распад СССР и ельцинская эпоха, которую они ассоциировали с анархией и грабительским капитализмом. Многие соотечественники испытывают удовлетворение от повышенного внимания к Путину на международной арене; на них производит впечатление и возврат Кремля к помпезным церемониям времен царской империи. Благодаря телевидению каждый россиянин может периодически стать «гостем» Кремля: услышать торжественное пение фанфар и увидеть, как гвардейцы в театрально пышных мундирах раскрывают гигантские двери в раззолоченный зал, где представители российской элиты, выстроившиеся вдоль красной ковровой дорожки, поклонами приветствуют Путина, шествующего по ней энергичной походкой тренированного атлета. Очевидно, что восстановление могущества и престижа России Путин с самого начала считал своей первостепенной задачей. Но сама констатация этого факта не проясняет, как именно он определял это могущество и престиж, какие основополагающие убеждения двигали им в этом стремлении, какие ценности, по мнению Путина, должна была представлять Россия, и как ей следовало относиться к собственному недавнему прошлому. Сам Путин никогда четко не излагал своих мотивов. В результате базой для гипотетической

оценки некоторых его личных побуждений могут служить отрывочные косвенные данные, а также анализ конкретных результатов его политики.

Самым красноречивым свидетельством, пожалуй, следует признать одно его высказывание в ходе публичного выступления с очередным посланием к Федеральному собранию в 2005 году. Ничтоже сумняшеся он провозгласил в качестве практически самоочевидной истины: распад Советского Союза стал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Этим – отнюдь не праздным – заявлением он резко дистанцировался от двух своих непосредственных преемников, приветствовавших мирный демонтаж советской империи как победу российского народа на пути к демократии. Невзирая на то, что в течение одного столетия его страна пережила две необычайно кровавые и разрушительные мировые войны, а также разгул коммунистического террора и ГУЛАГ, Путин четко продемонстрировал, что его волнует, прежде всего, возвращение России статуса мировой державы.

* * *

Этот примечательный эпизод также позволяет предположить, что еще одна реплика, воспринятая поначалу просто как шутка, могла иметь под собой более серьезную подоплеку: речь идет о странном «рапорте» Путина своим бывшим начальникам из КГБ в 2000 году на праздновании «Дня чекиста», учрежденного в честь советских органов госбезопасности – ЧК-НКВД-КГБ. Приехав в печально известную штаб-квартиру этой организации на Лубянке уже в качестве президента России, Путин, тем не менее, вел себя, как будто оставался ее сотрудником – отдал честь своим бывшим командирам и доложил: «Задание номер один по приобретению полной власти в стране выполнено». Не была ли эта загадочная фраза обтекаемым намеком на некую цель, которую поставила перед собой группа молодых и преданных сотрудников КГБ (включавшая и Путина), оставшихся не у дел и возмущенных жалким концом советской власти?

В период заката СССР сотрудники КГБ представляли собой привилегированную элиту, объединявшую самых талантливых и амбициозных людей, порожденных советской системой. Став президентом, Путин наводнил Кремль выходцами из этой неординарной организации – так называемыми «силовиками». Можно предположить, что особое недовольство в связи с крушением СССР испытывали те, кто не успел добраться до вершины советской системы, но уже вкусил ее благ. В рядах этой группы стремление устранить последствия крушения и вернуть себе пьянящее ощущение власти, вероятно, было распространено больше, чем в любых других категориях бывшего советского чиновничества.

Свое личное мнение о преступлениях Иосифа Сталина Путин никогда не высказывал сколько-нибудь исчерпывающе или эмоционально. Периодически он осуждал сталинизм, но чисто формально, а дань памяти его жертвам воздавал лишь в минимальной степени. В одном из редких интервью, где он рассказывал о своей семье, Путин с особой привязанностью говорил о своем деде, невзирая на то – а возможно, насколько можно было понять из его реплик, отчасти именно из-за того – что тот служил в органах безопасности и обслуживал лично Владимира Ленина, а затем и Сталина. (Если бы у какого-нибудь германского лидера нашелся родственник вроде путинского деда, преданно служивший Адольфу Гитлеру, это вызвало бы международный скандал). То, что Путин публично участвует в торжествах, посвященных основателю советской тайной полиции, официально возражает против признания на Украине актом геноцида массового голода, вызванного сталинской коллективизацией, и негативно относится к тому, что в Прибалтике и Польше чтят память жертв массовых убийств, совершенных советскими властями, говорит о его весьма избирательном подходе к советскому прошлому.

Кроме того, особая ярость, которую проявил Путин при решении чеченской проблемы сразу после вступления в высокую должность, включая и его вульгарную публичную реплику о том, где именно следует уничтожить участников чеченского сопротивления, создает впечатление, что российский лидер с самого начала ставит перед собой задачу не только урегулировать этот кризис, поразивший постсоветскую Россию, но и вернуть Москве устрашающее могущество, которым она обладала в советские времена.

Путин категорически отверг несколько попыток умеренных чеченцев и иностранных посредников найти компромиссную формулу мирного урегулирования конфликта,

основанную на расширении автономии республики. В любом случае многолетняя непрекращающаяся военная операция по подавлению сопротивления чеченцев, жертвами которой стали, вероятно, более 100 тысяч жителей республики, обернулась двумя непосредственными и значимыми результатами системного характера. Во-первых, она привела к укреплению и реабилитации ослабленных и деморализованных советских органов безопасности, создавая тем самым политическую базу для гегемонии силовиков в Кремле, и, во-вторых, направила русский национализм в антидемократическое русло ксенофобии.

К 2004 году двое непосредственных предшественников Путина, Борис Ельцин и Михаил Горбачев, уже указывали на пагубные политические последствия непрекращающейся войны против чеченцев. Ельцин выразился со свойственной ему прямоотой: «Удушение свобод, свертывание демократических прав – это и есть, в том числе, победа террористов». Горбачев пошел еще дальше, призывая начать процесс политического урегулирования: «Надо... идти на переговоры с умеренными боевиками, отсекав их от непримиримых экстремистов». Путин остался непреклонен.

* * *

Еще одним ключиком может служить очевидная личная неприязнь Путина к одному российскому олигарху, осмелившемуся заявить, что границы, разделяющие политический и финансовый сектора в постсоветской России, не должны в очередной раз размываться. Каковы бы ни были прегрешения Михаила Ходорковского в ходе приватизации по принципу «выживает богатейший» в ельцинскую эпоху, к началу XXI века он сам и его нефтяная компания «ЮКОС» стали символами экономической системы, приближенной к свободному рынку в его западном понимании. В то же время все более активная поддержка олигархом негосударственных демократических общественных организаций – как внутри страны, так и за ее пределами – отражала концепцию политического плюрализма, чуждую путинским, более традиционным представлениям о возрожденной России.

25 октября 2003 года Ходорковский был арестован, а 31 мая 2005 года приговорен к девяти годам тюрьмы. Его арест, осуждение и длительное пребывание за решеткой, как и античеченская кампания, обернулись далеко идущими последствиями системного характера. Результатом стал «брак» политической власти с материальным богатством, переход России на рельсы государственного капитализма. Другие олигархи, запуганные, как бояре в далекие времена, склонились перед властью, получив взамен разрешение сохранить свои состояния, правда, при условии, что будут делиться ими с властью имущими. Угодничество олигархов стало нормой.

По сообщениям российских источников, сам Путин за этот период необычайно разбогател, что не может не вызывать подозрений. В начале ельцинской эпохи он был заместителем мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, о котором ходили упорные слухи, что он замешан в коррупции. В ходе второго президентского срока Путина некоторые из этих слухов вновь всплыли на поверхность: в частности, его имя связывалось с сомнительными сделками в Финляндии. В ноябре 2007 года старший научный сотрудник Института международной экономики им. Петерсона Андерс Аслунд, основываясь на конкретных утверждениях российских и германских источников о личном состоянии Путина, подсчитал, что оно должно достигать 41 миллиарда долларов. В значительной мере это состояние, как утверждается, состоит из ценных бумаг контролируемых государством топливно-энергетических компаний; в том числе 37 % акций «Сургутнефтегаза» и 4,5 % акций «Газпрома». Должно быть, одной из главных причин нежелания Путина отказаться от политической власти была озабоченность тем, как сохранить это богатство после ухода с поста главы государства.

«Силовики» тоже обогатились, следуя примеру «собственников» государства в Нигерии и Саудовской Аравии; часть их капиталов размещена за рубежом. На фоне разлагающегося слияния политической власти и личного обогащения в современной России привилегии советской коммунистической номенклатуры выглядят просто мелочью. И нынешний престолонаследник Путина Медведев, долгие годы возглавлявший Администрацию президента и одновременно совет директоров «Газпрома» – воплощает собой эту смычку.

Повальная коррупция среди власть предержащих, скорее всего, обернется одним косвенным, непредвиденным результатом. В долгосрочной перспективе, как и в других, богатых энергоресурсами странах, где возникла аналогичная тенденция, коррумпированность элиты, в том числе размещение личных состояний за рубежом, может стать главной причиной возмущения в обществе – особенно после того, как запасы сырья истощатся. В краткосрочном же плане она вынуждает коррупционеров инстинктивно занимать оборонительную позицию – отсюда и конъюнктурное стремление Путина использовать национализм и ксенофобию в качестве инструмента, призванного мобилизовать общество в поддержку власть имущих, и одновременно отвлечь его внимание от привилегий последних.

* * *

Все это не похоже на образ политического фанатика-доктринера, стремящегося возродить сталинизм или Советский Союз. Путин предстает скорее безжалостным порождением КГБ, методичным и решительным националистом, который стремится вернуть России прежнее могущество, использует в конъюнктурных целях неожиданно пролившийся на Россию «золотой дождь», и одновременно не гнушается без лишнего шума наслаждаться материальными выгодами от политической власти и тайне их преумножать. Советское воспитание побуждает его с опасением относиться к демократии, а гордость за Советский Союз мешает осудить преступления сталинизма. По мнению Путина и его «силовики», установление подлинно демократического строя поставило бы под угрозу и их власть, и их состояния. Таким образом, сочетание националистической гордыни и эгоистических материальных интересов вынуждает их строить государство, лишённое сталинского тоталитаризма или советского коллективизма, но одновременно отвергающее политический плюрализм и подлинно свободный рынок. В этой системе государство и экономика сращиваются и в теории, и на практике.

Об идеологии итальянского фашизма, с его цветистым стилем и скудным содержанием, напоминает и тот факт, что в выступлениях Путина не просматривается целостной концепции того, каким должны стать российское государство, экономика и общество. Националистическая «лакировка» прошлого и расплывчатые упоминания о «суверенной демократии» не дают сколько-нибудь четких ориентиров относительно будущего страны. Путин, как правило, сосредоточивает внимание на краткосрочной перспективе, делая акцент на таких понятиях, как национальная гордость, могущество, статус на мировой арене, и экономический прогресс, но не основываясь на какой-либо более масштабной доктринальной схеме. Лейтмотивами его риторики обычно являются укрепление государства, максимальное преумножение его богатства, а также демонизация его внутренних и внешних врагов. На уровне политической символики его образ – будь то в наглядной агитации или на телевидении – персонифицирует «триумф воли». Так или иначе, фактический контроль над политическими возможностями и финансовыми активами государства, а также дезориентация общественности позволяют Путину принимать решения, в совокупности толкающие Россию в трех основных направлениях: в политическом плане – к все более репрессивному авторитарному режиму, в экономике – к централизованному корпоративному этатизму, а во внешней политике – к явно реваншистской позиции. Каждое из этих направлений отражает не только личные пристрастия Путина, но и общие интересы его единомышленников – высшей политической элиты.

Не будем отрицать: к моменту прихода Путина к власти социально-экономическая система России была расстроена. Вопреки утверждениям его апологетов, конец этому социально-экономическому беспорядку не был положен, как по отдельности, так и в совокупности, ни беспощадными репрессиями против чеченцев; ни показательным процессом над Ходорковским и конфискацией его активов; ни все большим подчинением телевидения и радио политическому контролю; ни поэтапным восстановлением централизованного политического контроля над российскими регионами, со всеми их разнообразными особенностями; ни манипуляциями с выборным процессом; ни растущим вмешательством государства в деятельность неправительственных демократических организаций на том основании, что они угрожают суверенитету России; ни созданием властями политических партий, имеющих привилегированный доступ в СМИ; ни ограничением активности

оппозиционных партий полицейскими методами; ни поддерживаемым властями националистическим молодежным движением «Наши», преданным лично Путину; ни намеренным раздуванием контролируемым государством СМИ ксенофобских настроений для укрепления «национального единства». Кульминацией всего перечисленного стала неприкрытая манипуляция положениями конституции – а ведь принятие этого Основного закона в свое время расценивалось как доказательство окончательного вступления России в демократическое сообщество наций.

Политическую атмосферу в России еще больше отравляют загадочные убийства независимых журналистов, явно равнодушное отношение Путина к убийству главного критика его политики в Чечне Анны Политковской, и публично объявленное решение о предоставлении ФСБ полномочий на проведение ликвидаций за рубежом, за которым вскоре последовало шокирующее убийство в Лондоне «возмутителя спокойствия» – перебежчика из ФСБ Александра Литвиненко. Метод, избранный для устранения Литвиненко, позволяет предположить, что его организаторы намеренно предпринимали усилия с тем, чтобы замести следы этого убийства и одновременно причинить жертве максимум страданий, чтобы преподать наглядный урок всем недовольным сотрудникам ФСБ, которые решатся бежать за границу по политическим мотивам.

Хотя убийства Политковской и Литвиненко привлекли наибольшее внимание СМИ, их нельзя считать единичными случаями. У всех жертв «странных смертей» в России последнего времени были «неудобные» политические взгляды, что усиливает подозрения относительно того, что эти «странные смерти» были убийствами политического характера и осуществлялись под защитным зонтиком государства.

* * *

Если на раннем этапе, принимая соответствующие решения, Путин руководствовался стремлением наказать в назидание другим чеченцев, а затем Ходорковского, то постоянно усиливающиеся атаки на правовое наследие ельцинской эпохи во многом стали результатом личного и коллективного ощущения шаткости своих позиций, охватившего российскую элиту. Результатами стали неприкрытые и все более деспотические манипуляции политическими процессами в России, кульминацией которых явились выборы в Думу в конце 2007 года, по сути представлявшие собой контролируемый государством плебисцит о доверии Путину.

Некоторые утверждают, что приостановка, а затем и свертывание демократизации в России были необходимы, чтобы излечить одолевавшие страну социально-экономические недуги. Приходится слышать и другой аргумент: деморализующий семидесятилетний советский период оставил в наследство аполитическую культуру, не благоприятствующую демократии. Следует, однако, отметить, что совокупным результатом путинского отката от демократии стало возникновение политической системы, не напоминающей ни советскую, ни германскую в период нацизма, ни китайскую. В отличие от сталинской или гитлеровской системы она, несомненно, не является тоталитарной. В нынешнем российском государстве нет ГУЛАГа, оно не разрабатывает планы геноцида, не стремится к всепроникающему контролю над жизнью общества, и не прибегает к массовому террору. В отличие от тоталитаризма, нынешний российский репрессивный авторитаризм оставляет определенное пространство для инакомыслия на индивидуальном уровне, свободы слова в неофициальной обстановке, и тем более свободы в частной жизни, не связанной с политической сферой. В долгосрочном плане немалое политическое значение имеет тот факт, что граждане имеют право относительно свободно выезжать за рубеж – особенно те, кому это по карману. Кроме того, в отличие от китайских реформ, социальные преобразования в России не подчиняются каким-либо программным установкам. В конечном итоге политическая устойчивость путинской авторитарной системы представляет собой производную от неожиданно обрушившегося на страну, но возможно преходящего, богатства, и полностью зависит от него. Именно с этим богатством связаны и пассивное согласие общества с происходящим, и популярность самого Путина. Тем не менее, зависимость системы от притока капиталов за счет добычи и экспорта сырьевых ресурсов обнаруживает и ее фундаментальную слабость. Происходящее в результате неприкрытое сосредоточение богатства на вершине властной пирамиды оказывает разлагающее, а в конечном итоге и деморализующее воздействие на общество.

Пока та часть богатства, которой власть делится с гражданами, достаточна, чтобы поддерживать ощущение общего роста благосостояния, социального брожения не происходит. Рано или поздно, однако, недовольство на индивидуальном, местном и региональном уровне, скорее всего, начнет накапливаться, создавая благоприятную почву для брожения в тех слоях общества, что уже не изолированы герметически от внешнего мира. Россияне, в отличие от жителей Нигерии и Саудовской Аравии, все больше отождествляют себя в социокультурном плане с западным образом жизни, и это, со временем, возможно, будет способствовать формированию у них более критически заостренного политического сознания.

В любом случае, Путин остановил, а затем и повернул вспять движение российской политической системы в сторону подлинной правовой демократии. Март 2008 года мог бы стать водоразделом в истории России. Ее демократизация при Ельцине носила непоследовательный, противоречивый, а временами и конфликтный характер. Тем не менее, 10 лет назад страна была свободнее, чем сегодня. Тогда еще не произошла институционализация либерально-демократического строя, но Россия, пусть и спотыкаясь, продвигалась именно в этом направлении. В таких условиях Путин все равно смог бы занимать господствующие позиции на политической арене, извлекая преимущества из улучшившегося финансового положения страны, и используя их для укрепления зачатков демократии в таких сферах, как обеспечение гражданских прав, свободы самовыражения и соблюдения правил приличия в политике. Однако прошлая карьера в спецслужбах, чисто советская великодержавная гордыня, а в конечном итоге, и беспокойство за накопленное состояние побуждали его идти в ином направлении – к явному ущербу для судеб страны.

Одним словом, восемь лет правления Путина стали периодом регресса в сторону произвола и репрессий в политической жизни, – а могли бы войти в историю как годы пусть и скромного, но поступательного движения к конституционной форме правления. Поворот в сторону авторитаризма в политической жизни страны стал результатом его выбора, а не неизбежной необходимости.

* * *

Конечной задачей созданной Путиным экономической системы было не раскрепощение инициативы граждан ради обновления российского общества, а укрепление позиций государства. Еще в Петербурге, работая заместителем далеко не аскетичного Собчака, Путин впервые напрямую столкнулся с притягательной силой денег и радостями, которые давало тайно накопленное состояние. Для бывшего офицера КГБ, получавшего скромное жалованье, это, должно быть, было новое и пьянящее ощущение. Вряд ли оно породило в нем ностальгию по непритязательному образу жизни в советскую эпоху. Но он, несомненно, осознал, насколько мощную формулу представляет собой соединение политической власти и личного богатства.

Когда Путин встал во главе постсоветской России, его шаги по воплощению этого симбиоза на практике подкреплялись императивами российской экономики – разладившейся, сбившейся с пути, утратившей ориентиры. Объем валового национального продукта (ВВП) резко сократился – настолько, что это рождало мрачные параллели с Великой депрессией в США. Особенно сильно пострадал советский средний класс – работники бюрократического аппарата, которые и раньше не могли похвастаться особенно высоким уровнем жизни. Регионы, веками находившиеся под управлением Москвы, вдруг стали независимыми государствами, требуя уважения к своему суверенитету и права на владение активами, находящимися на их территории. Типична в этом отношении судьба гигантской компании «Аэрофлот»: новые независимые государства унаследовали те из принадлежащих ей самолетов, что находились на их аэродромах в день роспуска СССР. Одновременно, осуществлявшаяся по принципу «хватай, что плохо лежит» приватизация государственных предприятий, работавших прежде в рамках плановой экономики, привела к сомнительному с юридической точки зрения, но баснословному обогащению узкой группы людей. Государственная розничная торговля попросту рухнула: ей на смену поначалу пришли мелкие частные торговые предприятия – зачастую представлявшие собой просто уличные лотки и киоски.

В этих условиях восстановление политического контроля над экономической жизнью страны представлялось соблазнительным способом решения проблемы в краткосрочной перспективе. Принудительный симбиоз путинских силовиков с новой олигархической прослойкой в буквальном смысле подпитывался притоком ликвидности и иностранными инвестициями, в основном связанными с растущим спросом на российские энергоносители в Европе. В результате положительное сальдо торгового баланса России в конце 2007 года составило солидные 128 миллиардов долларов, а объем золотовалютных резервов достиг 466 миллиардов долларов. Результаты экономического оживления особенно бросаются в глаза в Москве и Санкт-Петербурге – отчасти это связано с политическими решениями по реализации самых заметных, престижных проектов, призванных служить доказательством восстановления прежнего статуса России на международной арене, а отчасти с тем, что именно в этих двух городах традиционно сосредоточена социально-политическая элита страны.

Хотя другие регионы изменения затронули в меньшей степени, а в деревне их практически не видно, экономическое оживление воздействует и на более широкие круги общества. Оно стимулирует зарождение среднего класса, в составе которого растет доля людей, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью, или, по крайней мере, работающих за пределами госсектора, чье стремление к более высокому уровню жизни все больше определяется общемировыми стандартами потребления, характерными для городских слоев в эпоху глобализации. Для нарождающегося нового среднего класса, не говоря уже о действительно богатых и влиятельных людях, образ жизни, отличавший советскую эпоху, окончательно ушел в прошлое, и не вызывает никакой ностальгии. Однако картина происходящего становится не столь однозначной, если от краткосрочной перспективы, по сути связанной с отчаянно необходимым оживлением экономики, обратиться к долгосрочной – т. е. будущему благосостоянию российского общества и конкурентоспособности страны на мировой арене. В том, что касается последней, негативное влияние на перспективы России, скорее всего, будут оказывать две определяющие характеристики российской экономики при Путине. Первая связана с тем, что решения общенационального масштаба в экономической сфере принимаются узким кругом влиятельных в политическом плане чиновников, зачастую к тому же обладающих крупными личными состояниями. Вторая – появление в народном хозяйстве ряда корпораций с непрозрачной структурой владения (к примеру, основных энергетических компаний, промышленных предприятий и банков), в совокупности играющих преобладающую роль в повседневной экономической жизни страны. Многие малые частные предприятия в последние годы практически не развиваются, в то время как крупные корпорации демонстрируют значительный рост. Результатом стало возникновение системы «корпоративного этатизма», в рамках которой власть предрасположена к тому, чтобы вести себя как владельцы компаний, не являясь ими юридически, а законные владельцы – их имена зачастую неизвестны – делятся доходами с представителями политической верхушки, и принимают решения совместно с ними.

* * *

Наиболее последовательно аргументы в пользу тезиса о том, что при Путине Россия превратилась в «корпоративное государство», излагает бывший экономический советник российского президента, а ныне один из его суровых критиков, Андрей Илларионов. Его выводы относительно последствий такого развития событий для будущего России неутешительны: «Сегодня, в начале XXI века, выбор такой системы означает не что иное, как сознательное предпочтение социальной модели, характерной для стран Третьего мира, а конкретнее – Ирана, Саудовской Аравии и Венесуэлы». Он также недвусмысленно указывает на ряд серьезных параллелей между этой моделью и корпоративным государством Муссолини. Подобная система по определению страдает перекосом в сторону политической конъюнктуры и делает наиболее прибыльными в финансовом плане краткосрочные проекты – в ущерб долгосрочным интересам страны и благосостоянию общества в целом.

Более того, перенос в политическую сферу процесса принятия финансово-экономических решений общенационального масштаба порождает паразитический правящий класс, душит конкуренцию и инновации. То, что этот правящий класс, движимый эгоистическими

интересами, сделает выбор в пользу укрепления государства, было очевидно. Первоначально слово «федерация» в официальном названии новой России, возникшей после крушения СССР с его тотальной государственной собственностью в экономике, было наполнено реальным содержанием – особенно в плане местного самоуправления, а значит и права регионов распоряжаться собственными финансами. Закрепление в конституции экономического разнообразия должно было способствовать возникновению на гигантских просторах России демократии «снизу», стимулировать предприимчивость и инициативу на местах.

Увы, вскоре все это было перечеркнуто намеренным и деспотическим решением Путина выхолостить понятие «федерация». Местные губернаторы уже не избираются населением регионов, а назначаются президентом. Распределение бюджетных средств вновь стало исключительной прерогативой Центра, и решения по развитию страны снова спускаются на места сверху. Тем самым была восстановлена многовековая традиция, характерная как для царской, так и для советской России – традиция монополизации власти и финансов Центром, их сосредоточения в руках паразитической в социальном плане и душашей экономическую инициативу московской правящей бюрократии. В начале 2005 года доходы самых богатых 10 % россиян превышали доходы самых бедных 10 % в 14,8 раза, а в Москве 10 % самых зажиточных получали в 51 раз больше, чем беднейшие 10 %.

Богатый правящий класс к тому же размещает миллиарды нажитых сомнительным путем долларов за границей – как законным образом, так и за счет отмывания денег. Сам Путин публично заявлял: «Мы с вами являемся свидетелями обналичивания миллиардов рублей ежемесячно в стране. Мы являемся свидетелями вывода огромных финансовых ресурсов за границу». Тем не менее, нельзя не предположить, что все это делалось при попустительстве властей, по крайней мере, на начальном этапе.

Хотя точно определить общую сумму этих средств крайне сложно, объемы капиталов, вывозящихся из России, существенно превышают бюджетные ассигнования Москвы на развитие регионов страны, чьи нужды игнорировались столь долгое время. При всем своем национализме богатые российские силовики и олигархи предпочитают вкладывать капиталы в недвижимость на Ривьере и в Лондоне, или попросту переводить их в банки на Кипре и Каймановых островах.

Российский Дальний Восток, включающий Владивостокский регион, Камчатку и ряд северных районов Сибири, давно уже добивается крупных бюджетных ассигнований на модернизацию инфраструктуры, строительство жилья и др. Реально получаемые трансферты, однако, оказываются намного меньше оговоренных сумм. Пренебрежение со стороны Центра и ограниченность средств, имеющихся в распоряжении местных органов власти приводят к тому, что жители этого региона уезжают в пользующиеся большей благосклонностью Москвы западные и центральные области России, что усугубляет геополитические последствия серьезного демографического кризиса в стране и подрывает шансы на то, что усиление автономии регионов может привести к экономически выгодному сотрудничеству с близлежащими и более передовыми зарубежными странами, например Китаем, Японией, Южной Кореей и скандинавскими государствами.

Другим симптомом равнодушия Центра к положению российских окраин является состояние транспортной сети – она не только недостаточно развита, но и полностью устарела. В стране действует лишь одна трансконтинентальная железная дорога, и нет ни одной современной трансконтинентальной автострады. Более того, в России и сегодня не существует эквивалента американской межрегиональной автодорожной сети, созданной много десятилетий тому назад, или европейских автобанов, построенных еще в конце 1930-х годов. Хуже того: если в Китае за последние десять лет построено более 30 тысяч миль современных автодорог с многорядным движением, то Россия лишь приступила к сооружению первой такой автострады, решив, в конце концов, модернизировать двухрядную асфальтированную дорогу между Москвой и Санкт-Петербургом, проложенную по маршруту тракта, существующего еще со времен Петра Великого.

* * *

Информированных российских наблюдателей беспокоит и тот факт, что опора на доходы от экспорта нефти и газа ослабляет способность страны к поддержанию темпов

технического прогресса и динамичного развития промышленности, необходимых в условиях глобальной конкурентной борьбы за экономическое преобладание. Темпы обновления российской промышленной инфраструктуры – в советские времена заменялось до 8 % от имеющихся мощностей в год – сократились до 1–2 % (для сравнения: в развитых странах аналогичный показатель равен 12 % в год). Неудивительно, что, согласно докладу Всемирного банка, в 2005 году 74 % от общего российского экспорта приходилось на топливо, продукцию горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства, а до 80 % ее импорта составляли готовые изделия.

Россия не только, как утверждается, отстала от развитых стран на 20 лет по уровню промышленных технологий; в стране внедряется в 20 раз меньше технических инноваций, чем в Китае, да и по объему ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки она существенно уступает своему быстро развивающемуся геополитическому сопернику на востоке. Премьер-министр Китая Вэн Цзябао в ходе визита в Россию в 2007 году с удовлетворением отметил, что объем двусторонней торговли продукцией машиностроения достиг 6,33 миллиарда долларов в год. Однако из вежливости он умолчал о том, что из этой суммы 6,1 миллиардов приходится на экспорт китайского оборудования в Россию, и лишь 230 миллионов составляет китайский импорт аналогичной продукции из России. Ничего хорошего не сулит Москве и прогноз Организации экономического сотрудничества и развития на 2020 год: к этому времени Китай по объему ВВП должен превзойти Россию в 4 раза, да и Индия оставит ее позади.

Самым вопиющим недостатком путинского периода является отсутствие амбициозной программы по преобразованию России в подлинно передовое государство за счет возможностей, которые предоставляет значительное повышение цен на экспортируемые страной энергоносители. Подобная всеобъемлющая концепция отсутствует, и националистическая похвальба о превращении России в мировую энергетическую державу, естественно, не в состоянии ее заменить. Эта программа должна представлять собой нечто большее, чем простой набор задач. Необходимо и четкое понимание того, что требуется для создания динамичной, современной, обеспечивающей благосостояние общества, технологически инновационной, творческой, конкурентоспособной, юридически транспарентной системы, способной успешно соперничать на мировой арене с ведущими технически передовыми державами. Центральное место в подобной программной концепции должно занимать устранение вопиющих изъянов, ухудшающих конкурентоспособность России в мировой экономике.

Несомненно, в краткосрочном плане путинскую экономическую политику следует расценить как успешную – ее результатом стали оживление в экономике, стабилизация и рост. Но в долгосрочном плане он упустил шанс твердо вывести Россию на путь построения действительно передового общества с производительной смешанной экономикой. Этого выбора Путин не сделал...

В заключение отметим: сегодня националистический авторитаризм и корпоративный этатизм с добавлением устаревшей имперской ностальгии тормозят историческое развитие России. Появляются, однако, и некоторые обнадеживающие признаки, свидетельствующие, что даже внутри самого путинского режима время от времени проявляются более «просвещенные» тенденции. В июне 2007 года, на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге, собравшем большое число участников, недавно отправленный в отставку с поста министра экономического развития и торговли Герман Греф открыто оспорил точку зрения первого вице-преьера Сергея Иванова, считавшегося тогда наиболее вероятным преемником Путина, о том, что главную роль в строительстве инновационной экономики в стране должны играть контролируемые государством предприятия. В сценарии, разработанном самим Грефом – его министерство составило проект «Концепции социально-экономического развития России до 2020 год» – отмечалось, что ключевую роль с точки зрения будущей конкурентоспособности страны играют конституционные права, частная инициатива и защищенные законом экономические свободы.

Наконец, и это самое важное, молодое поколение россиян, которое в течение ближайшего десятилетия придет на смену ветеранам советского КГБ, отличается высоким уровнем образованием, и, напрямую или опосредованно, знакомо с западным образом жизни. По сравнению со старшим поколением молодые куда позитивнее относятся к демократии.

Так, по данным российского филиала Организации Гэллапа, 71 % россиян моложе 30 лет считают демократию наилучшей политической системой; в то же время эту точку зрения разделяет лишь половина людей старше 50.

Каковы бы ни были сегодня политические взгляды российской элиты, уже вскоре контакты с Западом неизбежно возымеют политический эффект, способствуя пересмотру ее мировоззрения. Подобный пересмотр имеет важнейшее значение для будущего России. О здравом смысле россиян свидетельствует хотя бы тот факт, что 80 % граждан страны сомневаются, что она управляется в соответствии с волей народа. Как отмечает российский политолог Лилия Шевцова, «основополагающая проблема России связана не с ее гражданами, а с ее правящим классом. И здесь мы сталкиваемся со следующей особенностью развития России: правящий класс в нашей стране куда менее прогрессивен, чем народ... Людям никогда не предлагалась убедительная либерально-демократическая альтернатива». И то, что ее не предложил Путин, было как его осознанным выбором, так и серьезнейшей ошибкой.

Таким образом, из разочаровывающего опыта взаимодействия с Путиным Запад должен извлечь главный урок: более продуктивного результата можно добиться, не обхаживая наперебой кремлевского лидера, не теша его самолюбие, а скоординированными усилиями создавая для России убедительный геополитический контекст. Внешние условия следует сознательно формировать таким образом, чтобы будущие кремлевские лидеры пришли к выводу: демократия и сближение с Западом соответствуют как интересам России, так и их собственным.

К счастью, поскольку российских граждан уже невозможно изолировать от внешнего мира, возникает все больше шансов, что народ сделает этот вывод еще раньше, чем Кремль.

(«The Washington Quarterly». 14 марта 2008 г.)

Может ли Путина постигнуть судьба Каддафи?

(из интервью З. Бжезинского для «URA.Ru», 31 мая 2012 г.)

– Господин Бжезинский, вас издавна называют «главным врагом СССР». Вы согласны с такой оценкой?

– Да, это правда. СССР угрожал Западу экспансией. Это не секрет, что советское руководство поддерживало коммунистические движения по всему миру, в том числе на Западе. Я считаю коммунизм злом, поэтому в этом смысле я враг СССР. Но СССР больше нет. Новая Россия не ставит своей целью распространять по всему миру коммунизм. Поэтому я не враг новой молодой России. Меня всего лишь смущает стиль управления Владимира Путина, его воинственная, порой националистическая риторика, в которой оживают нотки и отголоски «холодной войны».

– Жаль, если и вы чувствуете это. Ведь «холодная война», можно сказать, похоронила СССР.

– Да, «холодная война» была последней фазой борьбы между США и СССР за гегемонию. Задачей каждой из сторон было установление контроля над Европой, что обеспечивало контроль над всем миром. Такая борьба за гегемонию не нова для истории. Ранее также

было соперничество стран за доминирование в мире. Например, Испания, Англия и Франция боролись за контроль над морскими путями. Но всему приходит конец. И борьбе США и СССР также пришел конец, как и любой гегемонии.

Почему это произошло? По нескольким причинам. Во-первых, огромная разрушительная сила ядерного оружия, которым обладали наши страны, делала военные действия нелогичными, бессмысленными и не позволяла достигнуть результата. Кроме того, следует отметить, что СССР, помимо военной мощи, не представлял из себя по-настоящему мощной страны.

Во-вторых, в мире произошло политическое пробуждение. Это случилось относительно недавно – начиная с французской революции. В XX веке это новое политическое сознание распространилось по всему миру благодаря радио и телевидению. Стало понятно, что лучше договариваться, чем воевать. Поэтому в продолжении «холодной войны» никто не оказался заинтересованным. Сама Россия больше не захотела тащить на себе бремя коммунистической идеологии и в итоге сбросила его. Так закончилась эпоха «холодной войны».

– И вот она возобновляется?

– Если говорить про геополитические отношения России и США, то сегодня Россия должна быть больше озабочена Востоком, чем Западом. У вас на Востоке есть сосед, который реально набирает силу, потрясая преуспев экономически и сегодня вкладывает огромные бюджетные средства в свою военную машину. Это Китай. Российский Дальний Восток уже меньше населен россиянами и все больше заселяется китайцами. Идея членства России в мировом сообществе становится для России необходимостью. Иначе с Россией может произойти сценарий, ранее реализовавшийся в Европе, когда одна страна вступала в конфликт с другими. Возможно, у России могут возникнуть противоречия не только с Китаем, но и с Кореей, и Японией. То, что происходит на Юге Китая, не может не вызывать тревогу, в том числе, и в России. Там растут экстремистские настроения. Это означает, что нам, США, Европе и России, будет необходимо действовать коллективно и реагировать вместе на новые глобальные проблемы. Не только войну, но и голод, нехватку ресурсов, загрязнение экологии.

– То есть, по-вашему, России в целом нужно дружить не с Востоком, а с Европой и Западом?

– Очевидно, что страны находятся на разном уровне экономического развития, повсюду царит несправедливость, что ведет к эскалации конфликтов и в конечном итоге хаосу. Единственная альтернатива этому – договоренности и сотрудничество более-менее организованных сторон, стран или групп стран. Если этого не произойдет, то в XXI веке будет происходить распространение хаоса и нарастание мирового беспорядка. В первую очередь в стабильности заинтересована как раз Евразия, ей хаос объективно совсем не нужен. Но евразийский континент – это сосредоточение всех мировых сил. Именно здесь могут произойти весьма опасные конфликты. В Евразии находятся Индонезия, Индия, Япония, Турция. Все это мощные и влиятельные государства. Что касается России, то, на мой взгляд, она не просто евразийская страна, но культурно и духовно часть Европы. Она могла бы быть успешнее, чем СССР. Более того, она могла бы помочь и Западу поддерживать ценности верховенства права, демократии, прав человека и других свобод.

– Что же сегодня России и Западу, и конкретно России и США, мешает избавиться от риторики «холодной войны»?

– Нас с вами объединяет общая христианская история. Но у нас нет общих политических ценностей: верховенство права и конституционной демократии. Но, правда, сегодня ситуация меняется. В городах появилось молодое поколение, средний класс, который по своим ценностям интернационален, открыт и по-настоящему привержен ценностям гражданского общества. Причем, я не думаю, что правление президента Владимира Путина

может помешать движению этого поколения, что бы он не делал, все равно он уже не сможет поменять ход истории.

– Раз вы упомянули Евразию, то как вы относитесь к идее Путина создать Евразийский Союз?

– Несмотря на то, что он много времени провел в Европе, в Дрездене, тем не менее, его мировоззрение, видимо, так и не поменялось. Он так и не стал европейцем. Евразийский Союз – это антиисторично. Ни одна страна бывшего СССР сегодня не хочет быть под властью Москвы и тем более Владимира Путина. Даже Лукашенко, этот старый гнусный диктатор, хочет быть диктатором, но самостоятельным и у себя в Беларуси. Реальной властью он не желает делиться. Янукович вроде бы симпатизирует России, но он хочет быть президентом Украины, а не губернатором в одной из провинций России. Назарбаев сегодня озабочен, как сделать так, чтобы власть в Казахстане была бы унаследована его детьми, а не Москвой. Реальность такова, что сегодня национальная идентичность и суверенитет выше, чем идея каких бы то ни было союзов. Поэтому с исторической точки зрения путинская идея Евразийского Союза бесперспективна. И ее продавливание вызовет больше враждебных чувств, чем понимания. Это устаревшая концепция и попытка ее оживления вызывает только иронию. В ближайшем будущем Кремль это хорошо почувствует.

– Вы критикуете политический режим Путина, называя его анахронизмом. Ставите ли вы его в один ряд с диктаторскими режимами Ближнего Востока, и может ли Россию постигнуть судьба Ливии, а Владимира Путина – судьба Муаммара Каддафи?

– Россия – это не Ливия, а Путин – не Каддафи. Не вижу аналогии. Россия, на мой взгляд, европейская страна. Я всегда считал ее таковой с точки зрения культуры и мировоззрения. Но России не хватает приверженности к ценности конституционной демократии, политическим правам, гражданским свободам. Россия в своей истории нередко во многом больше напоминала восточные деспотичные режимы, чем Европу. Это было и при Столыпине, и при Ленине, и при Сталине. До сих пор в политической системе России нет принципа политического плюрализма, а интересы государства стоят выше интересов личности.

Но ситуация неизбежно будет меняться. Нам со стороны это хорошо видно. Новое поколение молодых россиян все чаще ездит на Запад, изучает его, перенимает культуру и ценности, становится его частью. Представить себе, что они, возвратившись назад, остаются такими же, как прежде, трудно. Обратите внимание, что это касается не только оппозиционно настроенных граждан, это касается и детей чиновников и олигархов. Они учатся в Америке и Англии и неизбежно становятся уже другими, чем их родители. И хотя у вас сегодня авторитарный режим, но у вас, благодаря интернету, есть доступ к совершенно различным источникам информации. Я читаю ваши газеты и вижу, что многие из них ничем не отличаются от тех, которые есть на Западе. Я полагаю, что Россия должна войти в семью западноевропейских стран и стать одной из ведущих в ней.

– Тогда зачем нужно НАТО? Ведь это тоже реликт «холодной войны».

– На мой взгляд, эта организация будет существовать еще несколько десятилетий. Нет ни одного члена НАТО, который бы хотел добровольно выйти из ее состава. Когда возникла проблема Афганистана, то европейцы сами инициировали вторжение в него. Мы лишь поддержали. Да, мы спорим по поводу бюджета, того, кто и чем должен вкладываться в поддержание Альянса, но разговоров о самороспуске НАТО нет. В какой-то момент и Россия обнаружит, что ей полезно вступить в НАТО. Но чтобы Россия была готова вступить в НАТО, ей необходимы демократические изменения. Когда в России будет работать демократия, тогда НАТО будет готово принять Россию. Более того, расширение НАТО неизбежно. У нас нет проблем с Грузией, Эстонией, Литвой. Почему у нас должны быть проблемы с Россией, если она станет демократической? России сегодня

нужно опасаться не НАТО, а Китая. Я не призываю смотреть на Китай как на противника. Но с точки зрения всемирной стабильности мы не можем сбрасывать Китай со счетов. Если Китай все же станет противником, то это станет огромным ударом по мировой стабильности и, в первую очередь, ударом по стабильности России.

– Что вы можете сказать про противоракетную систему, которую создают США в Европе. Против кого она направлена?

– Система противоракетной обороны направлена против Ирана. Я знаю, что в России есть подозрения в том, что эта система может быть направлена против нее. Но я должен вам сказать, что в США практически невозможно удержать в тайне государственные секреты. Если бы эта система была направлена против России, то в США уже давно бы все писали об этом. Противоракетная оборона связана с одним – защитить нас от ядерной угрозы, которая, в частности, может исходить из Ирана. Что касается лично меня, то я вообще скептически отношусь к необходимости создания этой системы, потому что не считаю Иран уж такой большой угрозой для нас. Технологический потенциал Ирана пока не позволяет ему атаковать нас ядерным оружием. Идея создания этой системы появилась, когда президентом был Джордж Буш-младший. Он был убежден в том, что недружественные США страны на Южном Востоке, прежде всего, Ирак и Иран представляют военную угрозу США. На мой взгляд, эти страхи неоправданны. Кроме того, есть целая группа людей в научном секторе, которым эта идея просто нравится. Поэтому они всячески продавливают ее реализацию. Я считаю, что Иран просто должен дать гарантии того, что он не собирается разворачивать ядерную программу. На этом вопрос с ПРО вообще будет закрыт. Но Владимир Путин и оборонное лобби не упускают возможности использовать вопрос ПРО в своих интересах. В настоящий момент им удобно драматизировать эту проблему, чтобы оправдать большие расходы на оборонную промышленность, в то время как ресурсы в России ограничены. Есть опасения, что Россия может не справиться со своими социальными обязательствами. Поэтому Путину и его окружению необходим раздражитель, оправдываясь которым они собираются потратить 1 миллиард долларов на «оборонку».

Путин заиклен на прошлом

(из интервью З. Бжезинского «EuroNews», 20 января 2013 г.)

–
Г-н Бжезинский, спасибо, что согласились на интервью. С вашей помощью мы проанализируем внешнюю политику Барака Обамы и предложенную им идею национальной безопасности.

– Рад быть вместе с вами.

–
Для управления госдепартаментом и министерством обороны Обама пригласил двух бывших сенаторов, Джона Керри и Чака Хейгела. У обоих за плечами опыт войны во Вьетнаме. Это простое совпадение или эти назначения несут в себе скрытый послыл?

– И то, и другое. Не думаю, что его выбор основан на уроках войны во Вьетнаме. Но, с другой стороны, это была одна из самых больших авантур США на мировой

шахматной доске. И, в этом смысле, оба различны, но достаточно мудры, чтобы сделать правильные выводы и извлечь уроки из тех событий.

– Можем ли мы говорить о доктрине президента Обамы?

– Да, существует доктрина Обамы. Но я часто повторяю, хотя при этом несколько рискую, что доктрина есть, но у президента нет стратегии. Думаю, что Керри и Хейгел смогут внедрить стратегию в эту доктрину.

–

И какой должна быть стратегия?

– Нужно обозначить точку отсчета. Признать, что традиционные мировые конфликты, произошедшие за последние 200 лет, не должны повторяться в будущем. Я имею в виду, что понятие глобальной гегемонии одной державы в прошлом, даже самой мощной державы. Но в то же время, могут возникнуть другие конфликты, спровоцированные потенциально высокими рисками. Вот почему наш ответ должен быть разумным, разносторонним и совместным с другими влиятельными государствами. И, руководствуясь нашим историческим опытом, это поможет избежать глобальных конфликтов, подобных тем, которые имеются в нашем историческом прошлом.

–

Первый год второго срока президента США всегда является многообещающим, потому что к этому моменту у президента накоплен большой внешнеполитический капитал. Впереди – четыре полных года и никаких забот о переизбрании. Как должен Обама использовать этот капитал? Каковы должны быть его приоритеты?

– Я считаю, что приоритеты в известной степени продиктованы тем, с чем мы уже сталкиваемся: растущее напряжение и конфликты на Ближнем Востоке, причём на разных фронтах; речь идёт не только о традиционном палестино-израильском противостоянии. У сирийского конфликта большой потенциал по усилению региональной напряжённости. Обама должен учитывать риски, связанные с Ираном. А кроме того, если вы посмотрите на карту мира, и если вы взглянете на, если можно так сказать, южную границу Евразии – начиная с Северной Кореи, через Индию и Китай, Афганистан и Пакистан, Иран, Ирак, Сирию, вплоть до Суэцкого канала и Египта, а там и до Нигера и Мали – мы сталкиваемся с целым поясом взрывоопасных условий.

–

Давайте поговорим о Европе. Некоторые наблюдатели считают, что при Обаме Америка превращается в европейскую страну. Сейчас я могу принять это как комплимент, но на деле, это, конечно же, острый сарказм. Мы знаем, что у Европы сейчас множество проблем, что многое пошло не так, но мы также знаем, что в итоге Европа продемонстрировала чувство ответственности и крепкое политическое руководство. Я хотел бы спросить вас: есть ли чему поучиться Америке у Европы в этих условиях?

– Безо всяких сомнений – да. Глядя на Европу, мы видим, что многие её проблемы – почти что отражение наших собственных: серьёзные финансовые проблемы, социально-экономические конфликты, глубокая внутренняя поляризация, политический тупик и отсутствие общего и убедительного видения будущего. Так что мы все можем поучиться друг у друга решению общих проблем. Но я с оптимизмом смотрю на обе стороны. Я думаю, что мы сумеем обуздать свои проблемы и что европейцы, особенно Евросоюз, смогут преодолеть неприятности.

–

Глядя на конкуренцию между США и быстроразвивающимися глобальными державами – Китаем, Индией, Россией – Америке всё ещё нужна Европа? Может, сегодня Европа нужна Америке как никогда?

– Вы назвали Китай, Индию и Россию быстроразвивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две других – нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счёт, с учётом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается – это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться. А Европа – уже и так сущность огромного значения: это наш основной торговый партнер, наш главный глобальный союзник, и потенциально имеет большую жизнеспособность и возможность внести большой вклад в глобальное развитие. При условии, что европейцы серьёзно отнесутся к вопросу о том, какого будущего для себя они хотят. В Европе сейчас есть некоторые тенденции к партикуляризму, какое-то ностальгическое желание повернуть назад. Но это не решит проблем Европы. Сегодня Европе необходимы дальновидные руководители, подобные тем, что были несколько десятилетий назад и которых сегодня так не хватает.

–

Политическая напряженность в отношениях с Россией резко возросла после принятия «Закона Магнитского», ответа российских законодателей, запретивших американцам усыновлять российских детей, и после увольнения сотрудников московской редакции «Радио Свобода». На этом фоне, как вы оцениваете «перезагрузку» Обамы? Окончилась ли она, как утверждают многие наблюдатели, полным провалом? Не был ли Обама слишком наивен?

– Я абсолютно убежден, что не провал, и не думаю, что проводимая политика была наивной. Во-первых, это был достаточно лимитированный шаг. Он происходит от компьютерной терминологии. Что такое перезагрузка компьютера? Это действие ничего не меняет в компьютерной системе. Это скорее реорганизация, приспособление к новым реалиям. Это происходило и довольно успешно. Просто ситуация сейчас усложнилась из-за возвращения к власти Путина. И нынешний Путин менее эффективен и менее привлекателен, чем Путин во время первого срока. Он зациклен на прошлом, на идее Великой России, на своеобразном Советском Союзе, но под другим названием. Это нереальные цели, которые вряд ли поддержит большинство россиян.

–

Станем ли мы свидетелями «перезагрузки» отношений с Россией во время второго срока Обамы?

– Будут как сложные, так и позитивные моменты. Как согласие, так и разногласия в разных вопросах.

Авантюризм Путина приведет к крупному конфликту

(из интервью З. Бжезинского для CNN USA, 31 августа 2014 г.)

–

Збигнев, позвольте мне начать с простого вопроса. Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как российское вторжение в эту страну?

– Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как еще это можно назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия. Это военная операция, направленная против соседнего государства и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира.

–
Збигнев, Запад неправильно понимает Путина? Что может заставить его изменить свое поведение? Как вы оцениваете взаимодействие западного альянса и РФ?

– Ну, здесь есть два аспекта. Первый: нет никаких сомнений в том, что то, что произошло в Украине (Евромайдан и отстранение от власти Януковича. – Ред.

) стало серьезным ударом по личным и международным амбициям Путина, а именно по его планам воссоздать нечто вроде Советского Союза. Называя это Евразийским союзом, в котором Россия, на основе поддержки самой важной для него страны, Украины, также Беларуси и других бывших советских республик, в некотором смысле становится доминирующей силой, как это было в Российской империи и в том же СССР.

Решение Украины не идти по этому пути создало серьезные проблемы для планов Путина и дало пример другим странам, которые все больше показывают, что они хотели бы иметь отдельный статус. Посмотрите на колебания в Казахстане, в Узбекистане, яркий пример – недавняя встреча в Беларуси. С другой стороны, есть Запад. И я думаю, что мы очень медленно убеждаем Путина, что он не может пройти весь задуманный путь. Я думаю, что мы должны были действовать раньше в обеспечении более открытой поддержки Украины. Мы должны быть готовы заявить публично и России, и всем остальным странам: Украина сейчас находится в состоянии защиты. Поэтому мы собираемся предоставить Украине оборонительное вооружение, подчеркиваю – только оборонительное вооружение, которое может быть использовано против вторжения танков, против вторжения артиллерии. В большой мере это оружие даст возможность украинцам почувствовать, что они могут более эффективно защищать свои города, чем это происходит сегодня.

–
В конце этой недели состоится саммит НАТО в Уэльсе. Какими будут результаты этой встречи на высшем уровне?

– Главным результатом будет подтверждение, что НАТО является активным и значимым альянсом, готовым предпринять любые необходимые меры, чтобы защитить свою коллективную безопасность. И уже в ближайшем будущем мы должны принять четкое решение по дислокации постоянных баз сил НАТО, в частности, в странах Балтии, в числе которых будут американцы, немцы, британцы, французы, в том числе даже итальянцы, которые в настоящее время особенно стремятся к более активной роли в альянсе. Может быть, базы будут стоять и в Польше, но Польша является более самостоятельным в значительной степени государством. Но, это точно будут страны Балтии. Русские хорошо знают, что эти страны – это не Украина. А, кроме того, Путин явно указал, что в случае успеха в Украине, чтобы то ни было, он будет делать то же самое в прибалтийских государствах, где есть значительное российское меньшинство жителей, проживающих очень близко к границе с Россией.

–

Збигнев, недавно «Washington Post» в редакционной статье написало, что президент Обама был слишком пассивен в своей реакции на этот конфликт. Статья заканчивалась словами: «Настало время для президента Обамы перестать говорить нам, что Соединенные Штаты не могут делать и сказать нам, что они могут сделать». Я полагаю, главным аргументом Обамы станет призыв не поддаваться панике. Как вы считаете?

– Я вижу это немного по-другому. Я думаю, что он был очень четким в своих реакциях и достаточно сильным в оценках российской агрессии по отношению Украины. Но у него есть союз, есть альянс, в который в общей сложности входит 25 или более государств, некоторые из них являются очень сдержанными. Они все очень рады иметь защиту в виде Америки и НАТО. Но не все из них готовы нести свое бремя, чтобы стоять вместе с США. Это займет некоторое время, чтобы мобилизоваться всем странам, но уже сейчас канцлер Меркель, очень сильная фигура в мировой политике, поддерживает сильные реакции. Президент Франции Олланд начинает реагировать таким же образом. Премьер Британии Кэмерон глубоко обеспокоен происходящим, и многие другие лидеры стран. Я думаю, что характер игры меняется. Запад сейчас будет принимать твердую позицию. Я, кстати, думаю, что мы должны поговорить об этом наедине с китайцами, но очень серьезно поговорить.

Россияне, и об этом не так много говорится, утверждают, как бы конфиденциально, что Китай очень сильно их поддерживает. На мой взгляд, реальная ситуация не такая. Я думаю, что они волнуются, я думаю, что они знают, что если авантюризм Путина приведет к крупному конфликту, то это будет очень серьезной угрозой для глобального благополучия. И для Китая это стало бы фундаментальной катастрофой.

Я думаю, что китайцы должны стать более активными в общении с Путиным и должны настоять на том, что применение силы для изменения границ в настоящее время, через десятилетия после Второй мировой войны, не способ борьбы с международными проблемами. Я думаю, что они должны принять эту позицию. Они – крупное государство. Они – наши партнеры. Они не могут молчать, просто сидя на обочине.

Путин пытается запугать Запад атомной войной

(из выступления З. Бжезинского в американском Центре стратегических и международных исследований, 17 ноября 2014 г.)

...Россия начала мечтать о могуществе, основываясь на иллюзиях о своем величии. Кремль последовательно реализовывает стратегию разделения Европы и развала европейско-американского союза.

Одним из путей к тому, чтобы вогнать Запад в «паралич» должно быть пробуждение реального страха перед возможным началом атомной войны. Напоминание миру о том, каким мощным ядерным арсеналом обладает Россия, сразу вызывает вопрос – не идем ли мы в сторону атомного конфликта? В последние десятилетия мы привыкли к мысли, что никто не стремится к атомному самоубийству, а сама игра этой картой – это как игра в русскую рулетку с пистолетом у виска...

Идеология вновь стала частью России. Работающие над ней в Кремле люди Владимира Путина втянули россиян в орбиту определенного стиля мышления о мире впервые, начиная с 90-х годов, когда идеология прекратила доминировать в этой стране. Составными частями этой идеологической конструкции является удивительная мешанина историзма, детерминизма, идеализма, но прежде всего национального шовинизма, а это рифмуется с другим типом национального движения, которое мы знаем из прошлого. В связи с этим сравнением нельзя не принимать во внимание последнее заявление Путина об «отпущении грехов пакту Молотова-Риббентропа». Лично я связывал бы упоминание пакта Молотова-

Риббентропа с далекими полетами русских самолетов в никуда. Это в последнее время является странным увлечением Путина. Его первой целью является запугивание Европы. Идеология современной России опирается также на иллюзии о великом потенциале страны и убеждении, что Москва высказывается от имени всех русских на свете...

Что касается Украины, я считаю, что главной целью России на Украине является создание таких внутренних проблем, которые приведут к ситуации, когда независимость прекратит быть рентабельной. Если независимость начнет ассоциироваться с непрерывными общественными конфликтами, индивидуальными проблемами в ежедневной жизни, тогда появятся вопросы о живучести страны. Потому я считаю, что Путин решил на войну, которая будет продолжаться в форме непрерывных трений.

Украина должна эффективно отбить у России желание вести войну. Только это может поставить крест на планах Путина...

Комментарии В. С. Поликарпова

Современная Америка представляет собой «демократическую» империю, ибо она стремится искусственным путем к усилению своей позиции не только в североамериканском регионе, но и во всем мире. Такой характер нынешних Соединенных Штатов Америки вытекает из эмпирического факта насыщенности мира гиперстрессовыми, переуплотненными равными производителями, что чревато катастрофами как естественными регуляторами любого перенапряжения. «Неожиданно создаются союзы государств: североамериканских, западноевропейских, восточноевропейских (некие новые «демократические» империи), внутри которых торговля товарами, услугами, технологиями свободна, а ограничения... возникают уже между союзами». (Сохань Л. В., Сохань И. П. Новые «демократические» империи // Социс. 1997. № 2. С. 67).

Ключевыми моментами в такого рода новых «демократических» империях, представляющих собой, прежде всего, экономические союзы, являются, во-первых, компактность, когда страны принадлежат к одному региону (это облегчает охрану границ и дает экономию на расходах по транспортировке сырья и товаров), во-вторых, наличие менее развитых стран относительно ядра объединения (они выступают резервуаром низкоквалифицированной рабочей силы и потребительским рынком для товаров). Именно слабые страны по отношению к ядру союза играют роль аналога колоний прошлых империй типа Британской.

Следует также не забывать, что Америка представляла собой империю и в старом, политическом понимании этого термина, обозначающего такие государства, как Британия, Франция, Испания, Португалия, Россия, Германия и др. Изданный в начале XX столетия «Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» поясняет термин «империализм» следующим образом: «В последнее время термин империализм обозначает в Англии, в Соединенных Штатах, также в Германии стремление к расширению колониальных владений, укреплению связи метрополии с колониями и к усилению своего политического влияния в международных отношениях. Империалистическая политика есть следствие искания промышленной буржуазией новых обширных рынков, правительственных заказов на сооружение в новых колониях железных дорог и т. п.» (Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. М., 1832–1833. Т. 2. С. 83). Во всяком случае, несомненно одно – возникшие свыше 200 лет назад Соединенные Штаты Америки с течением времени превратились в имперское образование, принципиально не отличающееся от других, классических империй.

Принимая во внимание все это, можно утверждать, что подчеркиваемая американским историком А. М. Шлезингером борьба в общественном сознании Америки традиции (Америка имеет начало и конец) и контртрадиции (Америка – избранная страна, Израиль нашего времени) (Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. Гл. 1), решается в пользу исключительности, мессианства Американской империи. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что отцы-основатели Соединенных Штатов Америки ориентировались на опыт Римской империи при построении государства. «Античный опыт, – отмечает

А. М. Шлезингер, – не давал покоя воображению федералистов. Поэма Роберта Фроста, где воспевается «слава очередного века Августа... золотой век поэзии и власти», получила бы более широкое понимание на вступление в должность Джорджа Вашингтона, а не Джона Кеннеди. Отцы-основатели затеяли необыкновенное предприятие, имя которому – республика. Чтобы ориентироваться в этом полном опасностей путешествии, они вглядывались сквозь толщу времен в опыт Греции и особенно Рима, который они считали благороднейшим достижением свободных людей, стремившихся к самоуправлению. «Римская республика, – писал Александр Гамильтон в «Федералисте», – достигла высочайших вершин человеческого величия». Пребывая в данном убеждении, первое поколение граждан американской республики назвало верхнюю палату своего законодательного органа сенатом; поставило под величайшим политическим трудом своего времени подпись «Публий»; изваяло своих героев в тогах; назвало новые населенные пункты Римом и Афинами, Утикой, Итакой и Сиракузами; организовало общество «Цинциннати» и посадило молодежь за изучение латинских текстов...

Данная параллель обладала убедительностью. Альфред Норт Уайтхэд позднее сказал, что век Августа и составление американской Конституции были теми двумя случаями, «когда народ у власти свершил то, что требовалось, настолько хорошо, насколько возможно это представить». В этом заключалось также и предостережение, поскольку величие, воплощенное в Риме, обернулось бесславным концом. Могли ли Соединенные Штаты Америки надеяться на лучшее? (Шлезингер А. М. Указ. соч. С. 17–18).

* * *

В современной историографии стало уже общим местом положение о том, что сегодня наблюдается кризис американской империи, хотя на уровне обыденного сознания до сих пор господствует мифологема о вечности процветающей Америки. В действительности существует антагонистическое противоречие между американской техногенной цивилизацией, в которой «человек умер, остались одни организации и машины» (Ж. Эллюль), и подлинной (массовая культура – это псевдокультура) культурой.

Исследователи сравнивают современную Америку с Древним Римом, проводят между ними определенные аналогии, имеющие свои основания, в том числе и в эпоху кризиса, упадка. Действительно, подобно тому, как одним из факторов гибели Древнего Рима было нашествие варваров (гуннов, готов, германцев, африканских и азиатских народов и пр.), так и сейчас в Америку стремится огромный поток «новых варваров» (У. Эко) из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Как в Древний Рим, так и в современную Америку эти «новые варвары» или иммигранты несли и несут свои религиозные, этические, социальные и иные ценности. Экономическая мощь современной американской империи несомненна, это является одной из ее сильных сторон, однако ее существование и развитие подчиняется экономическим законам, которые ведут к «саморазрыву» социально-экономической системы, создают объективные предпосылки ее гибели. Одним из основных «разрушителей» социума является так называемый закон Ж.-Б. Сэя, по которому предложение порождает свой собственный спрос. В связке с законом удовлетворения общественных потребностей, чья суть сводится к тому, что спрос порождает предложение, приводит к неуправляемой лавине потребительского спроса и неограниченному саморазрастанию экономической системы. В этом случае вступает в силу кибернетический принцип, известный как закон У. Р. Эшби, или закон необходимого разнообразия, который при условии, что экономическая система не подпитывается энергией и информацией, влечет за собой ее саморазрушение. Пока Америка использует ресурсы всего мира, ее экономика способна обеспечить стране высокий жизненный стандарт, однако, при отсечении потока ресурсов, экономическая сила превращается в слабость и ее ждет гибель. Сила Америки состоит в демократии, благодаря которой осуществляется экономический рост и благосостояние страны; вместе с тем это же оборачивается слабостью. Необходимо иметь в виду мифологему, согласно которой демократия означает участие американцев в управлении общественными процессами; на практике в Америке демократия существует только для элиты, основная масса американцев оказывает слабое воздействие на политику Америки (Дай Т. Р., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты. М., 1984; Согрин В. США: общественно-политический портрет на исходе XX в.). Ведь в социально-экономической сфере действует и так называемый закон А. Вагнера, или закон возрастающей государственной активности – государственные расходы в промышленно развитых странах увеличиваются быстрее, чем объем национального производства. Так как эти расходы представляют собой «вынужденные» затраты на управление

производством и поддержание его стабильности, то рост доли государственных расходов в валовом внутреннем продукте страны с неизбежностью влечет за собой увеличение бюджетного дефицита. В итоге перед нами типичный симптом кризиса государственного управления, чреватого в длительной перспективе распадом социально-экономической системы в целом. Как показал Д. Бьюкенен, рост такого дефицита присущ обществам с демократической формой организации (См. Бьюкенен Дж. Избранные труды. М., 1997). Практика подтверждает этот вывод, во всяком случае, устойчивой финансовой сбалансированности бюджета удавалось достичь в основном только тоталитарным режимам. В результате прогрессивная постиндустриальная экономическая система Америки оказывается неустойчивой, она подвержена естественному загниванию и может незаметно и плавно перейти в разряд примитивного и деградирующего экономического общества.

* * *

Вероятно, ни одно из понятий не вызывает сегодня в мире таких горячих споров, как индивидуализм, наиболее ярко проявившийся в Америке. Две ценности, рассматриваемые иногда как конфликтные, иногда как дополнительные, составляют содержание дискуссий об американском обществе: индивидуализм и равенство. Каждое из них в истории Америки имеет своих защитников и критиков, иностранные же наблюдатели подчеркивают сначала первое, а затем второе в качестве фундаментальных характеристик нового общества и нового государства, выросших в рамках Соединенных Штатов Америки.

Американский эксперимент с индивидуализмом (и равенством или свободой) показал появление вначале «грубого экономического и институционального индивидуализма» и теперь «нового вида индивидуализма, направленного на самореализацию, на защиту окружающей среды, на критику большого бизнеса и больших организаций» (Making America. P. 231).

Не следует забывать того существенного факта, что индивидуализм сопряжен с американской мечтой, что он обусловил силу Америки и одновременно ныне является ее ахиллесовой пятой. Именно индивидуализм способствует раскрепощению творческого потенциала личности, ее инициативы, что позволяет генерировать новые технологии, новые формы организации труда, новые идеи и новые пути в познании мира. Однако эта свобода для индивидуализма, вскормленного всей историей американской цивилизации, подобна двуликому Янусу.

Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что потенции индивидуализма кажутся близки к исчерпанию, что в современных условиях в силу разрыва общественных связей он ведет к росту энтропии социальной системы, к экономической смерти общества (о чем шла речь выше).

Социологом Д. Шляпентохом в «диком» разнообразии Америки зафиксированы следующие ипостаси индивидуализма: во-первых, в семейной жизни, во-вторых, в отношении к другим, в-третьих, в оценке политики (Шляпентох Д. Незнакомые американцы. С. 98–102).

Прежде всего, маниакальный акцент на своем «Я», на своей частной жизни заставляет американцев выталкивать из дома по достижении 18 лет своих детей и жить в свое удовольствие, не ожидая благодарности от детей на старости лет. Ориентированные на комфорт своего существования американцы не имеют эмоций для духовных деяний, для которых только и нужны настоящие друзья. Поэтому они не нуждаются в друзьях ни для обсуждения грядущих опасностей, ни для того, чтобы объединиться против врагов и т. д.

Американский индивидуализм проявляется также в весьма своеобразной форме – будучи специалистом в весьма узкой области знаний, американец обладает глубокой убежденностью в своем праве иметь и, само собой, отстаивать свою точку зрения по любому вопросу, требующему специальных знаний.

Американский индивидуализм сопряжен с либерализмом, вместе они подтачивают и в конечном счете уничтожают существующее либеральное общество. Ведь индивидуализм асоциален по своей природе, для него общество есть не более чем «договорное общество», которое создано индивидами с заранее определенными целями. Господство в либеральном обществе индивидуализма, социального атомизма приводит к невозможности поддерживать общественные ценности (патриотизм и др.), без чего становится невозможным существование демократии.

Анализ системы основных компонентов либерального кредо – демократия, права человека, правовое государство и рынок – показывает весьма четко, что их сущностной характеристикой является неустрашимость порождения конфликтов, что американский либерализм приводит

к абсолютизации индивида, живущего в демократическом государстве и гражданском обществе. «В действительности, лозунг «гражданского общества» и политической системы, основанной на «держках и противовесах», прикрывает тот факт, – отмечает Д. Евстафьев, – что Америка даже не как государственная система, а как страна является, пожалуй, самой внутренне разобщенной страной мира. Вся сеть многочисленных объединений, клубов, ассоциаций (самой сильной из которых является Национальная стрелковая ассоциация) не столько объединяет, сколько разъединяет людей, создавая многочисленные кланы и кланчики, что, накладываясь на достаточно специфическую корпоративную культуру, в которой, в отличие от японской или германской, никто никому ничего не должен, создает весьма своеобразный феномен отчуждения индивидуума от общества» (Евстафьев Д. Несколько мыслей об Америке. С. 40).

* * *

Идеология либерализма используется для эффективной обработки человеческого материала, которая фиксируется многочисленными западными авторами как факт изменения природы индивида в худшую сторону. Сейчас американец является продуктом западного образа жизни с его либеральной идеологией и ему присущ определенный комплекс социальных качеств. К последним относятся всем общеизвестные расчетливость, изобретательность, инициативность, предприимчивость, «разумный эгоизм» и пр.

Важным является то, что данный комплекс качеств изготавливается западным обществом, т. е. американец представляет собою искусственное существо с заданным смыслом жизни. Последний состоит в достижении максимально высокого уровня жизни, максимальной личной свободы и правовой защищенности. Американское общество – это «холодный» мир гипериндивидуализма и правовых отношений. Известный американский социолог П. Бергер пишет в книге «Капиталистическая революция»: «Индивидуальное предпринимательство, на котором зиждется западный капитализм, требует нововведений и мобильности, свободы от коллективных пут. Однако система правовых норм восстанавливает новую структуру коллективных уз, уже зафиксированных в договорах, кодифицированных в законах и без усталости расширяемых юристами».

Оказывается, что американец получил фактически иллюзорную личную свободу, ибо американская цивилизация опутала его множеством отношений, выстроенных на расчетливом рационализме и являющихся неустойчивыми в силу рыночной динамики. В этом смысле интересным является тот момент, что в современной Америке господствует идеал свободного предпринимательства, вдохновляющий многих на бизнес, хотя сегодня путь к успеху лежит зачастую в установившемся крупном бизнесе. Благодаря этой мифологеме, сегодня в Америке малые и средние предприятия составляют 60 % всего бизнеса, причем идет непрерывный процесс банкротства одних и появления других компаний такого рода. Можно утверждать, что в американской демократической тоталитарной империи человек фактически является «функциональным звеном», винтиком гигантской социальной машины. И если к этому добавить вездесущность СМИ, формирующих поведение американца, то становится понятным существование у него иллюзии свободы как у винтика социальной машины (здесь следует отдать должное изощренности правящей элиты).

Американец – это частичная, отчужденная личность, ориентированная на такую наивысшую в его глазах ценность, как деньги (и успех, который тоже приносит дивиденды). Ведь в американском обществе он за деньги может иметь все, что является товаром – любовь, дружбу, внимание, заботу и пр., которые по своей сути неподлинны, эрзацы. Не случайно западные исследователи (Э. Фромм, Г. Маркузе и др.) отмечают при характеристике современного американца его внутреннюю упрощенность и зачастую опустошенность. В своей известной книге «Иметь или быть» Э. Фромм показал, что Америка (и Запад) проблему «быть или иметь» решила в пользу «иметь», одновременно отождествив его с «быть». Отсюда и синтетический, обезчеловеченный характер современного американца. Дефицит обычной человечности, теплоты в межчеловеческих отношениях повлек за собою обычные для миллионов американцев душевную депрессию, одиночество, чувство ненужности и т. д. В современной научной литературе такое состояние внутреннего мира индивида получило название «психическая смерть» – в силу механизма обратной связи происходит самоуничтожение качеств психической жизни человека, разрушение «Я» как источника его

силы. Все это находит свою компенсацию в участии американца в преступных организациях, в массовых движениях, в распространении наркомании, алкоголизма.

* * *

Сейчас на Западе либерализм уже исчерпал свой идеологический потенциал. Не так давно в США опубликован И. Валлерстайном сборник эссе с весьма неконформистским названием «После либерализма» (Wallerstein I. After Liberalism. N.-Y., 1995). Он отмечает, что исторические идеологии капитализма, том числе и либерализм, исчерпаны. Исследования И. Валлерстайна показывают, что теперь не существует уверенности в осуществимости либерального проекта переустройства мира. Это в свою очередь ведет, по меньшей мере, к трем крайне дестабилизирующим мир-систему, чьим ядром является Америка, последствиям (Валлерстайн И. Указ. соч. С. 35–36). Во-первых, десятки миллионов азиатов, африканцев и латиноамериканцев уже двинулись в богатые страны «ядра», причем этот миграционный поток стал необратимым. На фоне затяжного экономического кризиса, на Севере (Западе) будет расти ксенофобия в отношении к мигрантам с Юга, что вызовет волны расизма и фундаментализма (вопреки утверждению Фукуямы). Во-вторых, в ряде государств и обществ сейчас набирает силу фундаменталистское отрицание прогресса по типу иранской революции. В-третьих, в некоторых государствах обозначилась тенденция усиления светского милитаризма иракского типа. Достаточно такого рода государствам получить ядерное оружие (или биологическое, химическое и пр.), и тогда мир может исчезнуть в огне войн.

Неосуществимость либерализма может привести также и к другим последствиям, весьма негативным для мир-системы Запада, ибо они означают полную его трансформацию. Одно из этих последствий состоит в том, что либеральные западные государства, в том числе и Америка, могут стать фашистскими. Американист Д. Евстафьев в ходе наблюдения происходящих в Америке процессов делает следующий вывод: «В Америке национальной происходят еще более странные процессы. Я бы назвал их постепенной фашизацией общества. С одной стороны, радикализм начал захватывать и те части общества, что ранее считались «благополучными» (пример – взрыв в Оклахома-Сити, организованный боевиками праворадикальных «незаконных вооруженных формирований», – на первый взгляд вполне респектабельными «стоцентными американцами»). Америка пока не смогла ответить даже самой себе, почему это произошло, – был ли это простой заскок сознания у нескольких сограждан, либо же дело в какой-то общей тенденции, которую проморгали социологи, политики и «компетентные органы». На мой взгляд, скорее второе – численность вооруженных «милиций» достигает 50 тысяч человек, их влияние растет, на политической арене выступают все более радикальные политики, бывший лидер алабамского ку-клукс-клана Д. Дьюк пытался баллотироваться в президенты от республиканской партии и даже набирал приличные проценты. Я уже не говорю о том, что в США стало резко расти количество, говоря нашей терминологией, «тоталитарных сект», а в действительности – жестко структурированных корпоративных идеологических структур (часть из которых ориентируется на апокалиптическое мироощущение).

С другой стороны, и само государство начинает вести себя с согражданами «по законам военного времени». Вспомним и клинтоновскую программу борьбы с преступностью – она практически сводилась к ужесточению наказаний и наращиванию полицейского присутствия на улицах городов. Полиция, соприкасаясь с «непродвинутой» частью американского общества, ведет себя все более жестоко. И это объяснимо: полицейские, прямые носители государственной идеи, представляют ту часть общества, которая, может быть, и хотела бы уйти в «виртуальный мир», но в силу служебной необходимости этого сделать не может. Не может, ибо вынуждена общаться на улицах с грязными оборванцами, нелегальными иммигрантами, жуликами, дипломатами и т. д.» (Евстафьев Д. Несколько мыслей об Америке. С. 42).

Это свидетельствует о таком состоянии сегодняшнего американского общества, которое может привести к закату демократии. Неудивительно, что в некоторых публикациях американское государство характеризуют как «империю зла», представляющую собой античеловеческую и в высшей мере тоталитарную систему (Платонов О. А. Почему погибнет Америка).

Осуществление либерального проекта влечет за собою то, что мир, «стремящийся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории», непрерывно порождает не только обычные малые «риски», но и «риски событий со значительными последствиями», они же – «мегариски», как именует западная наука сопутствующие

«постиндустриализму» и крайне опасные для общества последствия. Одним из таких мегарисков является страшная угроза роду *Homo sapiens* – надвигающаяся экологическая катастрофа. Она грозит изменить всю биосферу нашей планеты, что сделает ее непригодной для существования человеческой цивилизации. Наш мир – это система, где человек выступает в качестве ее регулятора; сам регулятор должен быть ограничен в своих правах и свободах, чтобы выжило все человечество. Немецкий политолог Р. Сэйдж в работе «Утопия и человеческие права» подчеркивает, что доминирующие на большей части планеты социальные и экологические условия структурно ограничивают установление везде прав человека, так как они объективно независимы от индивидуумов и их правительств. Понятно, что сохранение индивидуализма и либерализма в их американской версии неизбежно ведет к самоуничтожению не только Америки, но и всего человечества.

* * *

Сила и бессилие Америки в начале XXI столетия проявляется и в глобальном характере ее экономики.

З. Бжезинский считает американское общество глобальным как следствие «технотронной революции», т. е. создания глобальных сетей благодаря компьютеру, телевидению и телекоммуникациям (Bzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era*. N.Y., 1989). Распад социалистической системы как бы подтвердил идею З. Бжезинского, согласно которой Америка представляет собой первую в истории модель глобальной современности, с правилами поведения и ценностями всеобщего характера. Однако западногерманский исследователь У. Менцель считает, что окончание противостояния между Востоком и Западом ни в коей мере не привело к созданию бесконфликтного мира, новой версии *Pax Americana*, а лишь породило новый взгляд на новую глобальную перспективу, «в свете которой мир предстает в виде дома для умалишенных», анализ которого не поддается рациональной логике Декарта.

Именно Америка заинтересована в глобализации всего мира, особенно мировой экономики, что имеет двойственные последствия для нее: с одной стороны, она создает экономическое господство на всем земном шаре с перспективами «дома для умалишенных» в экономически-финансовой сфере, с другой – усиливает социальную напряженность в стране из-за потери рабочих мест и снижения зарплаты. Ведь эмпирически установлено, что отток прямых инвестиций, превышающий приток их в страну, ведет к потере рабочих мест, что и было зафиксировано в Америке (где вывоз инвестиций превышает их ввоз). При перемещении же производства за границу американскими ТНК, например, в регион НАФТА (Мексика) в начале 90-х, привело в ряде случаев к двузначному понижению зарплаты своего американского персонала, хотя производительность капитала становится выше.

Глобализация мировой экономики служит основанием для неустойчивого развития Америки, возможности ее упадка, ибо возникают различного рода источники нестабильности. Один из источников нестабильности кроется в возрождении дихотомии «Восток – Запад», вызванным различием путей развития стран Восточной Азии, с одной стороны, и Европой вместе с США – с другой. Ведь сейчас завершается действующий в мировой истории большой восточно-западный мегацикл, когда происходит выход на мировую арену Востока. Как отмечал в своих исследованиях А. Панарин, «особая пикантность ситуации проявляется в удивительной неадекватности исторического самосознания современников – и победившего в «холодной войне» Запада, и его смутившихся оппонентов. Все ожидают скорейшего завершения процесса окончательной вестернизации мира. Между тем мы являемся свидетелями предельного истощения западного принципа. Признаки этого истощения проявляются не там, где их может искать экономикоцентристская теория, удивительно равнодушная к тому, что является, по сути, самым главным – к изменениям в духовных основаниях цивилизации. Если некий принцип жизнестроения, длительным образом организующий и направляющий социум, начинает действовать не воодушевляющим и социализирующим, а разлагающим образом, то это верный принцип исчерпанности соответствующей формационной фазы». «Истощение западного принципа» выражается достаточно наглядно в «кризисе» западного общества и особенно американского социума, о чем уже шла речь выше.

Российский исследователь Г. А. Трофименко приводит множество примеров начинающегося загнивания американского общества в полном смысле этого слова и объясняет его колоссальными растратами средств и ресурсов правящей элитой США на ведение холодной

войны против Советского Союза. «Таким образом, можно сказать, – отмечает он, – что если Советский Союз подорвался на холодной войне, то и сами США здорово надорвались на этой войне» (Трофименко Г. А. Современные США – некоторые выводы для российской политики США – ЭПИ. № 8. С. 21).

Об этом же пишет в своей книге «Вступая в двадцать первый век» американский исследователь П. Кеннеди, который обсуждает актуальный для нынешней Америки вопрос об истоках ее силы и слабости и степени ее подготовленности к глобальным переменам. Он также отмечает огромные расходы на обеспечение военной безопасности страны, которая Соединенным Штатам Америки «обходилась в 300 миллиардов долларов в год, она также отвлекала ресурсы – капитал, персонал вооруженных сил, материальные средства, квалифицированный труд, инженеров и ученых – от гражданского производства. В 1988 году, например, свыше 65 % федеральных средств на НИОКР были выделены на оборону, в то время как на защиту окружающей среды 0,5 % и на промышленное развитие 0,2 %. Более того, вовлекая Москву в дорогостоящую гонку вооружений, Америка в то же время вела конкурентную борьбу за свою долю на мировом рынке со своими союзниками – Японией и Германией, которые выделяли меньшие средства из своих национальных ресурсов на военные цели, таким образом, высвобождая капитал, людскую силу и расходы на НИОКР для гражданского производства, что подрывало американскую промышленную базу».

* * *

Нельзя не считаться с тем фактом, что транснациональное пространство, в котором действуют американские ТНК, обретает независимость и отнюдь не является анархичным, так как формируется достаточно гибкое управление «глобального банка». Именно такого рода трансформация может привести к весьма неприятным последствиям для глобальной рыночной экономики – она просто-напросто исчезнет вместе с либеральной демократией. Мозговым командным центром «глобального банка» являются Всемирный банк и МВФ, которые вместе с неимоверно разросшейся сетью ТНК путем операций с фиктивным капиталом (это депозиты, вклады в банки, облигации и ценные бумаги) получают громадные доходы с 60 % человечества. В этом существенную роль сыграла Бреттонвудская система, заменившая твердую валюту на золотой основе «зелеными» долларами. Со времени введения в действие Бреттонвудской системы в западном мире постепенно произошли вызванные ею огромные изменения – в свободе предпринимательства четко проявилась линия патологического поведения собственников капиталов. Французский специалист Р. Фабр в своей поучительной монографии «Капиталисты и рынки капиталов Западной Европы» пишет об этом следующее: «Последняя напоминает самую настоящую клинику, в которой экономические науки предлагают нам широкий спектр факторов, ведущих к катастрофам, как, например, «ослепление перед лицом краха», «заразное недоверие» и многие другие. Какой бы ни была практическая и эмпирическая польза от этой галереи психологических портретов и взаимодействующих систем, приходится констатировать, что свобода предпринимательства, свобода создавать деньги с трудом поддается теоретическому оправданию в финансовой сфере: в настоящее время в этой области политическая экономия подвергается резким нападкам, причем в равной мере как на Востоке, так и на Западе».

Операции, проводимые с капиталом в финансовой сфере, стали оплачиваемой игрой, так как стремление к обладанию капиталом является уже не инвестирование его в производство, а возможно более быстрая и выгодная перепродажа активов. Современная финансовая сфера рыночной экономики напоминает, по выражению лауреата Нобелевской премии по экономике М. Аллэ, «казино, где столы расставлены на всех широтах и долготах». Действительно, в финансовых играх на Западе используется множество биржевых инструментов, чтобы путем «спекуляций» получить прибавочную стоимость.

Бреттонвудская система дает возможность Соединенным Штатам Америки, манипулируя фиктивным капиталом, существовать за счет иностранных реальных капиталов. Американское правительство покрывает дефицит своего бюджета благодаря продаже государственных ценных бумаг японским и другим держателям. Понятно, что свою долю вносят и американские транснациональные корпорации, чьи дочерние филиалы в Западной Европе и других регионах мира финансируются за счет стран, на территории которых они находятся.

Спекуляции фиктивным капиталом идут в отрыве от материального производства и их объемы значительно возрастают, что неизбежно ведет к развалу мировой финансовой системы (это – одна

из очень важных геополитических проблем). Уже в 1988 году, как показал М. Аллэ, ежедневный объем мировой торговли физическими товарами был равен 12 миллиардам долларов, тогда как объем финансовых сделок – примерно 420 миллиардам долларов. Иными словами, образовалось гигантское нагромождение финансовых пузырей, какого до тех пор не знала история человечества. По темпам роста финансовые операции с фиктивным капиталом занимают первое место в мире, на втором находится наркобизнес (рост составляет 25 % в год), тогда как темпы роста материального производства – 1 %, от которого зависит выживание человечества, – весьма низки.

Сложившаяся ситуация, когда внешние долги, торговый и бюджетный дефицит национальных государств и вытекающая отсюда эмиссия широко распространенных валют, множась формы кредитования, крупные финансовые спекуляции и прочие манипуляции с финансовыми инструментами порождают удивительный феномен «нелимитированного источника кредита», является индикатором возникновения пострыночного регулирования. Абстрактный характер манипулирования финансовыми инструментами влечет за собой истончение границ между риском, связанным с осуществлением свободы предпринимательства и сопряженным с большой игрой, и тотальной спекуляцией. Это, в свою очередь, ведет к символическому характеру фиктивного капитала, его отрыву от функционирования и движения реального материального производства и растет опасность мирового финансового краха. Последнее неотрывно от контекста современного «общества риска», которое парадоксальным образом связано с его беспрецедентно широким спектром благоприятных возможностей. В этом обществе существует «остаточный риск» как оборотная сторона его благополучия и процветания.

Следует также принимать во внимание то обстоятельство, что если в начале XXI века Америка имела 20-процентный уровень мирового валового внутреннего продукта, то к 2020 году эта цифра, вероятно, упадет до 10 % (Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 248). В связи с этим, исследователи указывают на возможность ряда неблагоприятных и даже катастрофических событий для американской экономики. Прежде всего, имеется вероятность непредсказуемых разрушительных кризисов чисто экономического характера, способных на длительное время и в более опасных формах, чем в прошлом, дезорганизовать нормальные внутристрановые и глобальные взаимосвязи. Еще одним весьма неприятным фактором для глобальной американской экономики является, вопреки мнению многих исследователей (З. Бжезинского и др.), то, что уже к 2020 году (а может быть, и раньше) Китай получит экономическое превосходство над Америкой. Исследования германских ученых показали, что в будущем Китай способен достигнуть статуса глобальной силы и определять международные дела с позиций своей политической элиты. По оценке Всемирного банка, внутренний валовой продукт США тогда будет составлять 13,5 триллионов долларов, Китая – 20 триллионов долларов.

Уменьшение значимости глобального характера американской экономики в этом случае приведет к потере гегемонии Америки в мире со всеми вытекающими для нее социальными, политическими и иными последствиями.

* * *

Конец «холодной войны» означал не просто крушение Советского Союза как победы «свободного мира» над «империей зла», но и устранение соперника, который бросил глобальный вызов претензии Америки на установление Pax Americana (частично он существовал на Западе). Теперь оставшаяся единственная сверхдержава со своей специфической идеологией мессианизма, похоже, совершает триумфальное шествие по миру. Кажется, ничто не может помешать Америке осуществить провозглашенные ею «намерения выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве» (Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 733).

Окончательное установление Pax Americana преподносится при этом как необходимость, вытекающая как из американских национальных интересов, так и «потребностей» мирового сообщества. По сути, проводится весьма простая мысль, что вне рамок глобального Pax Americana невозможно упорядоченное существование всего мира. Напротив, именно увековечивание Pax Americana ведет к маргинализации и дальнейшему обнищанию многих стран мира. Не следует забывать и того обстоятельства, что маргинализованные страны и народы Не-Запада могут развязать войну (ядерную, бактериологическую и пр.) против Запада и уничтожить его.

Однако в действительности тенденции развития мирового сообщества таковы, что происходит весьма болезненный для Америки процесс «умирания» ее гегемонии и соответственно заката «Pax Americana». Ведь одной из опор гегемонии Америки в послевоенном мире был Советский Союз, конфронтация с которым в ходе «холодной войны» позволила ей стать во главе Запада и консолидировать весь его экономический и политический потенциал. Исчезновение Советского Союза с его Pax Sovietica неизбежно влечет за собой закат Америки вместе с ее Pax Americana.

Картину современного мирового развития немислимо представить вне тенденции возрастания взаимозависимости развития отдельных стран и регионов мира, т. е. внимание следует акцентировать на аспектах «глобальности» исторического процесса. Где-то на рубеже 70–80-х годов нашего столетия исследователи начали всерьез разрабатывать такой сценарий мировой геополитики, как модель «нового мирового порядка» или мондиализации. Относительно ее сути среди политологов существуют различные точки зрения, вплоть до противоположных. Одни из них под процессом мондиализации понимают складывание реальной единой социально-экономической и политической общности людей в рамках всей планеты. Этого требуют разрешение целого ряда глобальных противоречий, обусловленных созданием качественно новых типов оружия массового поражения, истощением многих видов энергоресурсов и сырья, растущим разрывом между качественными и количественными уровнями производства и потребления. И решить все эти глобальные противоречия можно только путем объединения усилий всех стран и народов, которые должны координироваться мировым правительством. В данном случае нужно принимать во внимание то обстоятельство, что мировое правительство представляет собой семерку ведущих стран Запада во главе с Америкой, т. е. мозговой центр Pax Americana. Иными словами, существование такого мирового правительства означает реализацию стремления Америки установить раз и навсегда господство над всем земным шаром.

* * *

Вполне естественно, что существует прямо противоположная точка зрения относительно модели «нового мирового порядка» или мондиализации. В своей монографии «Россия и современный мир» Г. А. Зюганов принимает за исходный пункт исследования положение, трактующее мондиализм как набор социальных технологий, нацеленных на «установление глобальной диктатуры Запада во имя сохранения им иллюзии своего политического, экономического и военного лидерства». Однако он считает, что модель, или план, «нового мирового порядка» в действительности есть более сложное и многостороннее явление. Пытаясь подобрать этой геополитической модели исторические аналогии, он пишет, что, «по сути, это – всемирный мессианский, эсхатологический религиозный проект, по своим масштабам, степени продуманности и основательности подготовки далеко превосходящий известные в истории формы планетарных утопий, будь то римский империализм времен Тиберия и Диоклетиана, халифат Аббасидов, движение протестантов-фундаменталистов в Европе или троцкистские грезы о Мировой Революции».

И хотя в этом утверждении имеются неточности (никаких планетарных утопий в виде римского империализма Тиберия и Диоклетиана и халифата Аббасидов просто не существовало в природе), оно довольно четко выражает мессианскую «постхристианскую» религиозность в форме либерально-демократического «рая на земле», тождественную Pax Americana. Все относящиеся к модели «нового мирового порядка» основные ее моменты взяты Г. А. Зюгановым из книги бывшего директора Европейского банка реконструкции и развития, члена Бильдербергского клуба Ж. Аттали «Линии горизонта». В ней мондиалистская парадигма геополитически связана с «глобальной стратегией» Америки и атлантическим Большим Пространством в качестве своего рода «метрополии» мировой колониальной империи. Здесь сконцентрированы внутренние «высокоорганизованные пространства» торгового строя, в котором «власть измеряется количеством контролируемых денег», выступающих «единым эквивалентом, универсальной мерой вещей».

Мондиалистская парадигма в своей основе имеет стихию «свободного рынка»; это означает главенствующую роль денег в жизни общества, ибо они диктуют законы его функционирования, а человек тогда рассматривается как товар (об этом уже давно шла речь в европейской философии). И наконец, немаловажно то, что в модели «нового мирового порядка» доводится до своего логического конца агрессивное культурно-национальное

«всесмесительство», о котором весьма едко писал известный русский философ К. Леонтьев (Леонтьев К. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения).

Это «всесмесительство» в своем воплощении представляет собой процесс, когда в «этнических котлах» посредством массовой культуры и безбрежного транснационализма «выплавляется» утопический человек «без свойств» (Р. Музиль). Такого рода идеал исчезновения этнического и культурного разнообразия закономерно приводит к исчезновению самого человечества.

* * *

Неудивительно, что многие аналитики и политологи не восприняли модель «нового мирового порядка» и некоторые из них предложили реалистичный сценарий «баланс интересов». Ведь действительная картина динамичного мира после «холодной войны» отражает противоречия «глобальности» истории, когда пересекаются противоположные тенденции унификации всего мира в культурном, этническом, политическом и экономическом гранях и регионализации, усиления культурного разнообразия, национальной идентичности, политического и экономического плюрализма.

Модель «баланса интересов» коррелирует с происходящим цивилизационным сдвигом, проявляющимся также и в формировании новых пространственно-временных представлений. Последние являются существенными компонентами картины мира, играющей немалую роль в осмыслении происходящих геополитических мировых процессов.

Известно, что в Новое время в галлилеево-ньютоновской картине мира пространство и время стали рассматриваться как гомогенные и изотропные (это связано с рождением и развитием индустриального общества). Старая, классическая картина мира содействовала научно-техническому прогрессу западной цивилизации, позволившему ей создать всемирную империю и достигнуть гигантских успехов в экономической сфере. Однако наряду с достижениями западная цивилизация получила и систему глобальных кризисов, самым грозным из которых является надвигающаяся экологическая катастрофа.

Сейчас происходит не только «проникновение» новой, стохастической картины мира в социальные и гуманитарные дисциплины, но и как бы происходит «отрицание» абстрактных представлений об однородных и изотропных пространстве и времени. Это проявляется в диалектическом (говоря языком гегелевской философии) возврате к господствующим в восточных цивилизациях и античной и средневековой Европе представлениям о неоднородных (негомогенных) и анизотропных пространстве и времени.

Весьма плодотворным в теоретических исследованиях путей развития человечества является использование представлений о социальном пространстве и времени. Без них не обойтись в построении геополитических и геоэкономических моделей развития локальных и региональных цивилизаций, великих держав и групп государств, а также мировой цивилизации. Именно представления о неоднородном пространстве и анизотропном времени вписываются в нелинейные модели социума и культуры, в стохастическую картину мира, именно их использование в качестве методологического инструментария показывает неадекватность мондиалистской модели, абсолютизирующей тенденцию к унификации всего мира в соответствии со стандартами западной цивилизации.

Как раз представления о неоднородном пространстве и анизотропном времени показывают неосуществимость управления глобальной историей и высвечивают пределы управления историей на локальных участках и во временных интервалах. Негомогенный и анизотропный характер пространства и времени неразрывно связан с многообразием и разнообразием культур и цивилизаций, с нелинейной, многоэтажной и многогранной природой человека как системообразующего фактора общества и культуры. Отсюда следует принципиальная невозможность установления мирового господства какой-то одной великой державы, группы государств или одной цивилизации, т. е. невозможность осуществить претензию Америки на установление во всемирном плане Pax Americana.

Современный мир представляет собою весьма пеструю мозаику различных культур и цивилизаций, разных политических объединений, начиная племенами Огненной Земли и кончая Западной цивилизацией, в которую входит несколько культур и крупных держав. Многообразие культурных уровней, различие этнических групп, разнообразие религиозных представлений, социальных ориентаций способствует распаду внешне унифицированного западной цивилизацией мира. Невозможность интегрирования весьма разнородных в перечисленных аспектах общностей в единую мировую империю осознал уже Александр

Македонский. В своей фундаментальной книге «Александр Македонский» австрийский историк античности Ф. Шахермайр показывает мотивы отказа великого полководца от завоевания Индии. «Александр Македонский не был подобен монгольским ханам, захватывавшим новые земли ради самих завоеваний. Он мечтал о создании такого государства, которое объединило бы мир. Греческая культура должна была стать основой этого будущего объединения, но каждой отдельной части предстояло внести в него свою лепту.

Все Средиземноморье уже подготовилось к подобному объединению; кроме того, можно было попытаться включить в него и Персидское царство. Но как быть с Индией?.. Прежде всего Александра отпугивала совершенно иная, далекая от греческой, культура Индии с ее чуждой кастовой организацией, консерватизмом воззрений и обычаев... Различие этнического состава, религиозных взглядов, общественного и политического строя препятствовало восприятию единого руководства... Это была пестрая мозаика, которая могла в любой момент рассыпаться» (Шахермайр Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону, 1996. С. 385–386).

Таким образом, созданию единого геополитического ландшафта, чьим центром должна была быть мировая империя, еще в античные времена мешала несовместимость культур. В принципе ничего не изменилось и сейчас, ибо за исключением технологий древний и современный мир ничем не различаются и закон этнического и культурного разнообразия никто не отменял. Даже если и удастся создать всемирную колониальную империю на основе модели «нового мирового порядка», то она окажется эфемерной, и она рассыплется подобно тому, как развалилась в свое время империя Александра Македонского. Такая участь ожидает любую глобальную империю, на каких бы основаниях она ни строилась – либерально-демократических, авторитарных, корпоративных и т. д.

* * *

Вполне понятно в свете вышеизложенного, почему сценарий «баланса интересов» фиксирует распад внешне унифицированного мира по культурным линиям означает утрату западной цивилизацией универсальности и одновременно влечет за собой региональную интеграцию, перерастающую в процессы образования новых или возрождения традиционных цивилизационных очагов.

Нелишне заметить, что распад не совсем унифицировавшегося мира происходит под ширмой единой для целого ряда стран либеральной модели; все это затемняет картину формирующегося нового геополитического ландшафта, запутывает происходящий процесс демонтажа Pax Americana. В этом ключе требует своей модификации и традиционная геополитика как научная дисциплина – она должна комплексно рассматривать и решать проблемы нелинейного, многоэтажного, многомерного и многополярного мира и отражающего эти аспекты в их целостности глобальной политики. На таком подходе настаивает российский исследователь К. Э. Сорокин, который раскрывает его значимость следующим образом: «Исходя из такого определения, новая фундаментальная геополитика могла бы анализировать развитие событий не только на глобальном, но и региональном, субрегиональном и даже внутригосударственном (в ключевых районах планеты) уровнях. Геополитика современности – это совокупность десятков, даже сотен одно и разнонаправленных, параллельных и пересекающихся процессов с отличающимися свойствами, положительная сумма (если иметь в виду благоприятную для человечества эволюцию) игры интересов государств» (Сорокин К. Э. Геополитика современного мира и Россия // Полис. № 1. С. 9). Иными словами, современная геополитика должна исследовать различные уровни сложного, динамичного и многоярусного мира и давать оценки различным сценариям будущего геополитического порядка мира. В понимании К. Сорокина, современная геополитика склоняется к сценарию «баланса интересов», отражающего феномен многополярного, полицентричного мира, который представляет собой мозаику взаимозависимых региональных цивилизационных центров.

В сценарий «баланса интересов» великолепно вписывается модель «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, ибо она исходит из мультицивилизационного взаимодействия. Он признает за Россией статус стержневого государства одной из основных цивилизаций и отводит ей одну из ведущих ролей на арене будущего мирового геополитического порядка. Следовательно, Россия, будучи осью постсоветского евразийского региона, выступает в качестве одного из центров силы будущего мирового порядка, хотя ее права ограничены культурным ареалом православия.

Из сценария «баланса интересов» исходит и известный американский политик Г. Киссенджер, который в своей последней книге «Дипломатия» тоже отводит России роль одного из шести основных центров силы наряду с Соединенными Штатами Америки, Европой, Китаем, Японией и, возможно, Индией. Вместе с тем он считает, что Россия только тогда сможет оказывать существенное влияние на возведение здания нового мирового порядка, когда она будет «готова к дисциплинирующим требованиям по сохранению стабильности, а также к получению выгод от их соблюдения».

Следует отметить, что его, как и З. Бжезинского, тревожат возрождающиеся в России настроения в пользу восстановления бывшей империи. Эта тенденция, дескать, пробуждает исторический страх соседних с ней государств и всего мира, так как все знают последствия русского экспансионизма. Поэтому нашим соседям свойственно стремление интегрироваться в политические, экономические и военные структуры Запада, чтобы добиться гарантий собственной безопасности.

* * *

Другим региональным центром в сценарии «баланса интересов» является Западная Европа, которая еще не определила свое место в формирующемся новом мировом порядке. Для сложившейся ситуации оказалось подходящим образное выражение, характеризующее комбинацию новых геополитических центров в мире как «танец динозавров». По мнению журнала «Экономист», ныне образовался квартет: «Сильная Америка, развивающийся Китай, борющаяся Россия и неопределившаяся Европа образуют новый квартет великих держав»; причем не исключено в будущем присоединение к ним Японии и некоего гипотетического центра в мире ислама. Некоторые политические обозреватели указывают на возможность присоединения к сильнейшим державам Индии и Бразилии, выступающих центрами западных цивилизаций.

В этом плане привлекает то обстоятельство, что Западная Европа еще не определилась, что она ищет свою нишу в мире после эпохи «холодной войны». Вес Западной Европы уменьшился в связи с окончанием эпохи «холодной войны» в силу названных выше причин, но теперь происходит его увеличение на международной арене. Общеизвестно, что на долю Европейского Союза падает более одной трети общего объема мировой торговли, свыше 20 % расходов на научные исследования и разработки, более 30 % золотовалютных резервов капиталистического мира. И, тем не менее, в Западной Европе имеется множество проблем геополитического и геоэкономического характера, которые, по мнению ряда западноевропейских экспертов, невозможно решить без «российской колонны».

Хрестоматийным примером здесь служит урегулирование кризиса в Боснии и Герцеговине, достигнутое путем включения в «европейское измерение» России. Система общеевропейской безопасности, сам общеевропейский дом просто немыслимы без участия в них России. Так, французский геополитик П.-М. Галлуа пишет о значимости нашего отечества для всего мира, Европы и Франции в частности следующее: «Всеми миру, всей Европе и, наконец, Франции необходима сильная, независимая Россия, способная защищать свои интересы. Способная распространять свою культуру и за счет ее неоднозначности и разносторонности обогащать мировое культурное достояние... Нам нужна Россия, способная противопоставить американизации нашего общества иную концепцию межгосударственных связей и гуманистических отношений».

Именно Россия как один из центров многополярного мира своим стремлением реализовать свой колоссальный ресурсный потенциал способствует демонтажу существующего Pax Americana.

* * *

Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в Азиатско-тихоокеанском регионе намечаются процессы образования сразу нескольких интеграционных центров: вероятно возникновение японо-китайского ядра дальневосточной интеграции и австрало-центристского узла (Австралия и Новая Зеландия). Первый интеграционный центр будет связан (противостоять и/или сотрудничать) с североамериканским центром и выходить на группу существующих и будущих «тигров» Юго-Восточной Азии – Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, а затем и Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия, где связующим звеном выступает Вьетнам. Второй интеграционный узел через еще недавно маргинальные острова Тихоокеанского бассейна сотрудничает с уже оформленным блоком НАФТА (Канада, США

и Мексика) и маргинальной зоной Центральной Америки и Карибского бассейна и Южной Америкой.

Следует отметить, что и здесь намечается тенденция доминирования Китая над Японией, что темпы развития Китая могут совершенно изменить геополитическое и геоэкономическое лицо мира, баланс между основными интеграционными центрами. Ведь не только для Японии, но и для Европы китайский фактор становится важнейшим во взаимоотношениях с Соединенными Штатами. Не случайно, что Америка стремится установить более тесные отношения с Китаем, хотя последний, в отличие от отстаиваемых Америкой прав человека, на первый план выдвигает права наций.

Следует знать китайский менталитет, его удивительную гибкость в адаптации к существующим реалиям при достижении своих стратегических целей, чтобы стать самой могущественной державой в мире (об этом в свое время говорил Мао Цзэдун). Вполне вероятно, что геополитический мировой порядок и станет однополюсным – Китай окажется лидером мира, но такое положение дел по историческим меркам продлится не так уж долго в силу изложенных выше аргументов. В этом плане следует согласиться с Н. Моисеевым, который пишет о мире XXI столетия: «Я не думаю, что развитие под знаком гегемонии американского мира окажется замененным на развитие в рамках какого-либо иного мира – Японского, Германского или Китайского. Вероятнее всего, утвердятся полицентризм, некая политическая система, аналогичная «Системе ТНК» (Моисеев Н. Н. Расставаясь с простотой. С. 369–370).

В сценарии «баланса интересов», согласно которому в мире будет несколько «суперобщностей», включающих в себя весь арабо-мусульманский мир, евроатлантическое, евразийское, южноатлантическое и индоокеанское сообщество и азиатско-тихоокеанский регион, всегда будут существовать неравноправные отношения и иметь место конфликты и столкновения. Сам процесс трансформации мира в «мир миров» также будет сопровождаться жесткими столкновениями военно-политических, экономических и культурных центров сил. Сценарий «баланса интересов» является весьма реалистичным, и вполне возможно его осуществление на практике, что делает неосуществимым стремление Америки создать всемирный Pax Americana.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что З. Бжезинский, которому чужда концепция многополярного мира, связанная с моделью «баланса интересов», приходит к выводу о потере Америкой своей гегемонии в масштабах всего мира: «В конце концов, мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя... когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США. Таким образом, ключевой вопрос на будущее звучит так: «Что США завещают миру в качестве прочного наследия их превосходства?» (Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 248, 249).

* * *

Теперь посмотрим, какое же будущее ожидает Америку с точки зрения И. Валлерстайна, исходящего из тезиса об утрате ею роли мирового гегемона, о ее упадке. В этом он не видит ничего особенного, ибо в истории существует немало прецедентов подобного рода, а именно: через фазы потери статуса гегемона в свое время прошли Венеция, Голландия и Великобритания. Все это происходило относительно медленно и сопровождалось не очень заметным снижением уровня материального благосостояния и комфорта, так как каждая гегемония обладает своим «жировым» запасом.

Америке, по мнению И. Валлерстайна «жить предстоит не в роскоши, но как нации нам не придется питаться и отходами». Страна довольно долго будет обладать значительной военной мощью, и ее экономика может еще пройти через фазу роста в ближайшее время. Америка останется в ранге политического тяжеловеса, однако она испытает сильное психологическое потрясение. Ведь она за 20 лет привыкла к статусу хозяина мира, теперь же потребуются не менее 20 лет для привыкания к статусу более низкого уровня.

В перспективе Америка с неизбежностью должна будет решать вопрос о том, кому придется нести на себе бремя упадка, вроде бы и небольшого по стандартам американского образа жизни. Ситуация осложняется тем весьма неприятным фактом, что Соединенные Штаты Америки длительное время жили «знахарской экономикой» (многие государства фактически оплачивают

расходы Америки за свой счет), теперь же падает доверие к их экономике. Это проявляется и в том, что американский доллар в качестве ведущей мировой валюты теперь теряет свою роль. Это, по мнению специалистов, способно вызвать массовый возврат долларов на территорию Америки, обрушить американскую экономику и вызвать глобальное перераспределение контроля над финансовыми потоками. Тогда вся экономическая система Америки рухнет как картонный домик и ничто не сможет помочь ей, ибо каждая держава блюдет свои интересы.

Американская империя уже не способна нести бремя ответственности ни по социальному контракту, ни по роли доллара в мировой экономике. Известно, что имперское государство (а надо исходить из того, что Америка – имперское государство) погибает в тот момент, когда в обществе разрушается консенсус относительно того, что это государство просто обязано быть имперским. «В тот момент, когда возникают разговоры о том, что «бремя империи» неподъемно, что его надо сократить, что «не нужны нам эти...» – империя кончается... Так вот психологически Великая Американская Империя умерла тогда, когда на ее политической арене появились Росс Перо и Патрик Бьюкенен, которые задали именно эти вопросы. И американское общество, – конечно, далеко не всё – с большим пониманием отнеслось к их позиции...» (Евстафьев Д. Несколько мыслей об Америке. С. 46).

Как уже говорилось, одним из признаков наступления сумерек американской империи является сложившаяся социокультурная ситуация после окончания «холодной войны», триумфального шествия Америки с ее гегемонистскими устремлениями выстроить мировой Pax Americana. Исходя из убежденности в абсолютной силе тотального знания и тотальной управляемости, правящая элита Америки в лице Ф. Фукуямы провозгласила монистическую идеологию общепланетарной вестернизации. Однако опыт истории свидетельствует о том, что гегемонистские претензии на право управлять миром – не что иное, как первая фаза грядущей социокультурной катастрофы.

Чувство триумфа Америки над поверженным и исчезнувшим с международной арены Советским Союзом в действительности может обернуться ее гибелью и ее присоединением к нему на пепелище истории. В связи с этим С. Хантингтон пишет: «Повсеместный триумф демократии делает эту пугающую возможность более реальной, поскольку Соединенные Штаты всегда определяли свою сущность как противопоставление чему-либо – Георгу III, европейским монархиям, европейскому империализму, фашизму, коммунизму. Всегда имелся враг, который позволял нам формировать общность. Как мы узнаем, кто мы, если не знаем, против кого мы? У Джона Апдайка кролик-философ Энгстром сформулировал это обстоятельство следующим образом: «Если нет холодной войны, какой смысл быть американцем?». Отсутствие врага у Америки расслабляет общность, способствует наступлению фазы упадка.

* * *

Другим признаком наступления сумерек американской империи является появление концепций относительно характера американского участия в региональных военно-политических балансах и степени свободы Вашингтона в принятии стратегических политических решений. Эксперты Вашингтонского Университета национальной обороны, работающие в его Институте национальных стратегических исследований (ИНСИ), подготовили коллективный доклад, который вполне укладывается в версию И. Валлерстайна. По мнению авторов доклада, со времени образования США в международных отношениях сменили друг друга пять типов «мирового порядка», каждый из которых определялся своими формами взаимоотношений между «великими державами»: наполеоновские войны, система Венского конгресса, возвышение Германии, эра Лиги Наций, «холодная война» (совпавшая с концом колониализма). Сейчас мир входит в шестой период, для которого среди прочего будет характерно вытеснение Европы из эпицентра мировой политики. В прошлом, по замечанию экспертов ИНСИ, переходы от одного типа «мирового порядка» к другому занимали несколько лет; теперь же этот процесс может затянуться на более длительный срок, поскольку пока трудно сказать, какая система придет на смену «холодной войне». Понятно лишь то, что окончательный облик новой геополитической расстановки сил будет зависеть от таких факторов, как степень вовлеченности США в мировые проблемы, продвижение вперед европейской интеграции, ход реформ в России, уровень новых международных обязательств Японии, возможности Китая добиваться

новых рубежей мирными средствами и, наконец, надежность контроля за ядерным распространением.

Эксперты ИНСИ выделяют два принципа американского участия в решении международных проблем. Первый состоит в «селективном вовлечении». Другими словами, США должны вмешиваться в развитие процессов за своими границами лишь тогда, когда это позволит укрепить американские национальные интересы на базе собственных принципов. Возникает, естественно, вопрос: как определить данные интересы? Доклад признает, что это непростая задача. Для иллюстрации ее сложности достаточно сослаться лишь на несколько трудноразрешимых дилемм: как, например, совместить следование принципу национального самоопределения и приверженность нерушимости границ? Как свести воедино права беженцев и естественное желание защититься от чрезмерной иммиграции? Как найти общий знаменатель для защиты прав человека и невмешательства во внутренние дела других стран? Оставляя без ответа эти вопросы, авторы доклада дают, тем не менее, некоторые наброски шкалы региональных приоритетов для США: «Наиболее важными являются связи с остальными крупнейшими державами, как в Европе, так и в прогрессирующей Юго-Восточной Азии. Для собственной уверенности США должны поддерживать важные контакты и с другими странами, исходя из доступа к ключевым ресурсам (Персидский залив), исторических интересов (Корейский полуостров и арабо-израильский конфликт) и заботы о собственном «тыле» (транскарибский бассейн)».

* * *

Второй принцип, предлагаемый экспертами ИНСИ, состоит в расширении зоны рыночной демократии в мире. Это относится, прежде всего, к «переходным государствам». Гораздо более скептически они оценивают перспективы развития демократии в так называемых «проблемных» государствах Юга. Что касается функциональных приоритетов американской внешней политики на ближайшие годы, то они, следуя логике «Стратегических оценок», таковы. Во-первых, это поддержание мира между государствами-лидерами. Их сферы влияния подчас представляются столь аморфными, что нельзя исключить потенциальных конфликтов. Второй приоритет состоит в выборочном вмешательстве в региональные конфликты. Зонами, где вооруженные силы США в принципе могут оказаться вовлечены в разрешение конфликтов, способны стать Корейский полуостров, Персидский залив, Карибский бассейн и Центральная Европа (в том случае, если Вашингтон возьмет на себя новые обязательства в связи с расширением НАТО). В-третьих, США должны адекватно отвечать на транснациональные угрозы и, в-четвертых, продолжать помогать «странам-неудачникам», оказавшимся жертвой природных катаклизмов, этнического насилия или внешней агрессии.

Однако подобного рода новые идеи для военно-стратегического планирования США не смогут спасти их, если они не смогут остановить миграционные потоки из стран Юга. Тогда Америке придется не предоставлять гражданских прав всем прибывшим мигрантам; в силу этого почти половина населения Америки окажется лишенной избирательных прав и доступа к социальной помощи. В этом случае Америке вынуждена будет перевести стрелки своих исторических часов на 150–200 лет назад, что неумолимо повлечет за собой день расплаты, который может произойти в 2025 или 2050 году.

Иными словами, американская империя вступит в фазу упадка, для нее поистине наступят сумерки ее существования. Она окажется перед тем самым выбором, какой стоит сейчас требуется сделать всему человечеству, или мир-системе. Так как Америка будет продолжать занимать важное место в мировом порядке, то от ее судьбы будет зависеть существование мир-системы. Анализируя ее процесс трансформации, И. Валлерстайн указывает на ряд факторов, подрывающих базисные структуры капиталистической мировой экономики и тем самым приближающие кризисную ситуацию: 1) исчезновение деревенской специфики жизни (это снижает уровень прибыльности экономики), 2) тенденция роста социальных затрат на увеличение цены продукции предприятий, 3) чересчур дорогим стал тренд демократизации мировой системы как результата геокультуры, которая легитимирует его в расчете на политическую стабилизацию.

Вполне возможно, что она исчерпает себя и ее придется заменять чем-то совершенно иным; во всяком случае, она попадет в точку бифуркации и поэтому невозможно предсказать результат, ибо он носит поливариантный характер.

О наступающих сумерках американской империи свидетельствует подспудное ощущение того, что страна идет куда-то не туда; это ощущение выражено в американских фантастических фильмах о будущем. Достаточно вспомнить такие фильмы, как «Безумный Макс» (три серии), «Водный мир», «Планета обезьян» (целых пять серий, в которых с совершенно садистским упорством доказывается, что люди – быдло), «Вспомнить все», «В пасти безумия», «Марс» и еще десятки им подобных фильмов. Они все какие-то апокалипсические: действие происходит то ли после ядерной войны, то ли в США возникло какое-то тоталитарное государство-корпорация, то ли власть в стране захватил безумный диктатор, то ли роботы покорили людей, то ли случилась какая-то вселенская катастрофа, то ли люди себя уничтожили сами и на планете проживают исключительно обезьяны, говорящие по-английски. Если в государстве, находящемся на гребне могущества, снимаются и, что самое интересное, идут в кинотеатрах, на видео и по телевидению с большим успехом такие фильмы, то это означает его закат.

На основании просмотра и анализа подобного рода американских фантастических фильмов Д. Евстафьев приходит к следующему выводу: «Я не хочу сказать, что Америка вот-вот умрет, хотя, как правило, империи начинают умирать, будучи на гребне могущества, когда наступает золотой век, плавно и незаметно переходящий в угар, а затем и распад. Даже если поставленный нами диагноз и верен, то, в конечном счете, сумерки последней империи могут продолжаться достаточно долго. Нам нужно хотя бы оценить, насколько сильно Америка «вползла» в свои сумерки, насколько сильно ржавчина внутреннего кризиса разъела красивые схемы американской геополитики, насколько то, что происходит в США, может затронуть и нас» (Евстафьев Д. Несколько мыслей об Америке. С. 47–48).

* * *

В начале III тысячелетия, когда происходят фундаментальные сдвиги в развитии человечества, возникает проблема смысла социального эксперимента, осуществляемого Историей в Америке. Какие бы теории Америки – исторический эксперимент или предначертание свыше – ни выдвигались, фактический материал свидетельствует в пользу эксперимента, имеющего свой вполне определенный смысл. Прежде всего, следует отметить, что смысл американского эксперимента в генезисе представляет собой осуществление европейской мечты.

Уже известный нам М. Лернер в своей работе «Развитие цивилизации в Америке» подчеркивает мысль о том, что возникновение Америки является мятежом против Европы и одновременно выражением всего лучшего в европейском самосознании. «В Америке, – пишет он, – жизнеспособные силы Европы столкнулись с теми, которым пришел срок сойти со сцены. Это было противостояние вольного предпринимательства и меркантилизма, экономической свободы и камерализма, индивидуализма и иерархических порядков, естественных прав и монархии, народного патриотизма и монархических режимов, социальной мобильности и кастовой жесткости, первопроходческого духа и попыток сохранить status quo... С одной стороны, заселение Америки помогло Европе выпустить томящий ее революционный напор, но, с другой стороны, революция в Америке позволила выразиться той самой европейской энергии». Оказывается, что европейская мечта получила в Америке свое конкретное воплощение, осуществившись в цивилизации бизнеса, потребления, либерализма и индивидуализма.

Однако результаты американского эксперимента оказались противоположны изначальным установкам, выглядевшим весьма заманчиво в условиях Западной Европы того времени. Именно доминирование Америки в послевоенном мире привело к тому, что «сегодняшнее мировое сообщество в большей степени, чем 60 лет тому назад, сталкивается с задачей примирения технологических перемен и экономической интеграции с традиционными политическими структурами, национальным сознанием, социальными потребностями, укоренившимися структурами и привычным способом действий», что «попытки достижения гармонии между экономическими и политическими структурами будут затруднены тенденциями, которые едва проявлялись тремя поколениями ранее, сейчас угрожают до предела обострить социальные отношения и даже поставить под угрозу само существование человечества» (Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. С. 386).

Современное американское (как и другие западные общества) общество «перегружено» социальными, культурными, политическими, экономическими, экологическими проблемами, способствующими его «одряхлению». Это обусловлено тем, что превращение американского

общества в постиндустриальное означает фактически трансформацию его в ожиревший социальный организм с высочайшей степенью паразитарности, что неизбежно вызывает значительное снижение его способности к самосохранению. В этом плане весьма актуально звучит замечание хорошо знающего Запад академика Б. Раушенбаха: «Только жрут, только потребляют – растительная жизнь, причем растительная жизнь, не опорно идущая вверх, а ползучая, этакая плесень: сверху что-то есть, а внизу нет ничего».

С этим созвучна и характеристика американской цивилизации, данная Э. Гором: «Наша цивилизация все сильнее привыкает к тому, чтобы потреблять с каждым годом все больше природных богатств, превращаемых не только в необходимое нам пропитание и кров, но и во многое совершенно нам не нужное – горы загрязняющих отходов, продуктов (на рекламу которых истрочены миллиарды исключительно с целью убедить самих себя в их необходимости), огромные излишки товаров, сбивающих цену, а затем отправляющихся на свалку... Накопление материальных ценностей достигло наивысшей за все времена точки, однако то же самое произошло и с числом людей, чувствующих пустоту своей жизни» (Гор Э. Земля на чаше весов. С. 243).

Пустота, утрата смысла жизни присуща многим американцам в силу влияния конформизма, вещизма, праздности в потребительском обществе, неразрывно связанные с ощущением скуки, пресыщением, нигилизмом, праздноностью, а также с фрустрацией существования. Каждая культура по-своему формирует смысл жизни, т. е. те ценности, которые культивируются в одних странах, в других могут, наоборот, приводить к смыслоутрате жизни. Так, в Голландии общество ратует за соблюдение суверенной автономии для каждой индивидуальности, свободного выбора между жизнью и смертью, тогда как в Китае еще со времен императора Шан Яна и философской школы «отечественной власти» отдельный человек ценится не сам по себе, а лишь по той пользе, которую он приносит государству. В Америке смысл жизни усматривается в комфорте, которого можно достигнуть благодаря деньгам. «Америка все меряет деньгами, – отмечает известный кинорежиссер и фотограф Р. Франк. – В Америке за все платят. И только в 50, 60 лет начинают задумываться – сколько же стоит сама жизнь?» (Корзун Н. Рок, игры, мода и реклама. М., 1989. С. 18). Именно присущие американской цивилизации бизнеса массовый вещизм и жажда приобретения, уподобления кому-то и чему-то (что означает, как было показано выше, состояние «психической смерти») не только подстегивают спрос и оживляют экономику, но и не дают уйти в поиск иных ценностей.

Американский эксперимент в области отношений человека и общества, когда эта проблема была решена на основе концепции либерализма в пользу крайнего индивидуализма, тоже привел к неожиданным результатам. Американское общество, вкусившее плоды демократии и свободы, «неспособно поддерживать внешнеполитические мероприятия своего правительства, если они будут связаны с человеческими жертвами и большими затратами» (Евстафьев Д. Несколько мыслей об Америке. С. 47). Отсюда проистекает и специфика военного строительства Америки, состоящая в том, что американцы могут вести лишь ту войну, которая для них удобна. В противном случае общественное мнение страны откажется воспринимать военный конфликт с патриотических позиций. Вот почему американская армия в основном ориентирована на быстрые «точечные удары» за пределами собственной территории и не приспособлена к долговременным позиционным конфликтам. Более того, американцы не смогут выдержать в силу своего крайнего индивидуализма боевых действий на своей собственной территории. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в случае военного нападения на Америку вряд ли найдутся патриоты, вставшие по зову сердца на ее защиту, как это присуще русским, немцам, японцам и др.

* * *

Смысл американского эксперимента заключается также в стремлении построить на земле «царство небесное», «земной рай», утопическое общество. Этот эксперимент был заложен в реальных процессах генезиса белой англо-протестантской Америки, лежащих в основании и развитии первых английских колоний «Виргиния», «Новый Плимут», «Массачусетс» и «Мэриленд» на американской земле. Он прекрасно представлен в капитальном двухтомном труде отечественного исследователя Л. Ю. Слезкина «У истоков американской истории». В нем на основании документальных данных показано, что, например, в той же «Виргинии» как одном из зародышей американской цивилизации и культуры население складывалось

из «джентльменов», зачастую самозванных и неимущих, а также презирующих труд и мечтающих о приключениях и случайном обогащении, «пилигриммов», т. е. крайне ортодоксальных пуритан, которые стремились основать свой «Новый Ханаан» и которых в Англии считали преступниками, нарушившими государственные и церковные законы, «бродяги», «нищие» и другие обездоленные люди, подвергшиеся наказанию и не находившие работы, и очень узкий круг лиц, принадлежащих к «белой кости» (это отпрыски аристократических семей, кто не мог на родине достичь ни богатства, ни карьеры, ни яркой жизни).

Можно сказать, что в «Виргинии» немало было «уголовных преступников», попавших в Америку, чтобы спастись от голода, лишений и преследований, чтобы найти свое счастье здесь. Однако большинство из них на основе капиталистических отношений в виргинских условиях стали «белыми» рабами, к которым затем добавились «черные» рабы. Индейцев не смогли превратить в рабскую силу и поэтому большинство из них подверглись геноциду – одно из преступлений белых американцев.

Значительная часть потомков будущих американцев, эмигрировавших в Виргинию, Новый Плимут, Массачусетс, – это те, кто был выброшен из Англии развитием капиталистических отношений, экономическими сдвигами и социальными конфликтами. Это те, кто искал за океаном спасения от нищеты и уголовного преследования за бедность и бродяжничество, за религиозные взгляды, отличающиеся от официальных (речь идет о пуританах). Среди этих эмигрантов были и лица, имевшие общественное положение, деньги, знающие Священное писание и обладающие личной энергией. Именно последние стали основателями колоний на американской земле, где стремились осуществить кальвинистские планы. В оставленных ими документах четко определяется протестантский принцип «земного призвания» – относиться к своей судьбе со смирением и использовать все свои дарования для исполнения профессиональных и иных обязанностей. Здесь также проводится идея о том, что преуспевание в делах, т. е. состоятельность, является признаком «избранности» (Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М., 1980. С. 35).

Именно эмбриональное развитие буржуазных отношений в Англии, а затем в английских колониях на Американском континенте трансформировал христианство из мировой религии, которая призвана служить спасению всех людей, в узко кастовое учение. Протестантизм в его кальвинистской версии стал господствующей духовной силой в нарождающейся американской цивилизации и культуре.

История показала, что пуританизм путеводной звездой американской цивилизации и культуры сделал не учение, а саму общину как таковую. Богословие ортодоксальных пуритан-основателей интересовало в чисто практическом значении – новоанглийские колонии (Виргиния, Новый Плимут и Массачусетс) представляют собой эксперимент в области христианского богословия. На протяжении ряда лет прибывшим в Америку пуританам удалось не только законсервировать ортодоксальный дух в общине, но и вытравить развитие теоретической мысли.

В новоанглийских колониях богословские труды с их интеллектуальным фейерверком оказались ненужной «роскошью», их место заняли проповеди, комментарии к библейским текстам, собрания «знамений», законоположения и пр. Именно в своей проповеди лидер массачусетской общины Дж. Уинтроп пророчески сформулировал ключевую ноту американской истории: «Будем мы подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим Его отказать нам в помощи, которую Он оказывает нам ныне, мы станем во языцех всему миру». И действительно, современная постиндустриальная Америка (и Запад) представляет собой «град небесный» на земном шаре, осуществив мечты древних израильтян. Вот некоторые цифры, относящиеся к современному положению в Америке: 80 % населения в той или иной форме являются соучастниками коллективного капитала, причем около 70 % работников создают прибавочной стоимости меньше, чем получают из общественных фондов, т. е. являются частичными иждивенцами наиболее квалифицированной части общества (Зиновьев А. Запад.), – и не только иждивенцами самой Америки, но и всего мира, 40 % ресурсов которого потребляет единственная мировая сверхдержава. Действительно, менее одной трети работоспособного населения Америки является трудолюбивым и ее богатство есть результат продуктивности его труда. По данным официальной статистики, около 40 %

населения в возрасте от 16 лет и выше не работает, не ходят на работу 30 % американцев и 50 % американок, более 10 % населения в трудоспособном возрасте заняты неполный рабочий день. «Таким образом, в целом половина населения США либо не работает вообще, либо работает мало. В США существует многомиллионный слой людей (около 5 % трудоспособного населения), которых можно назвать воинствующими тунеядцами. Эти люди презирают всякий труд и живут на разные пособия и талоны на питание, получаемые от государства» (Платонов О. Почему погибнет Америка).

* * *

Американский эксперимент привел к гигантскому социальному паразитизму, разрушающему общество. Не случайно сейчас талантливые умы американского истеблишмента работают над тем, как справиться с этим паразитизмом. Один из рецептов предложен З. Бжезинским, согласно которому следует отказаться от ценностей общества потребления и перейти к новым ценностям, что требует создания новой философии и культуры (Brzezinski Z. *Out of Control*. N.-Y a. etc., 1993). Однако это требует значительного времени и сопряжено с немалыми трудностями. Другим способом значительной редукции социального паразитизма американского общества является установление фашистского режима, принципиальной вероятности чего не исключает И. Валлерстайн.

И третьим путем может служить втягивание Америки в военные действия, затрагивающие ее территорию и население (это могут сделать с использованием современных видов оружия весьма небольшие террористические группы).

Логика дальнейшего развития Америки с большой степенью вероятности может привести и к ее расколу на ряд государств, или даже к исчезновению как государства и цивилизации.

В последнем случае вместо Америки на ее территории будет находиться конгломерат различных цивилизаций Запада и не-Запада, т. е. на территории Северной Америки как бы в уменьшенном виде будет воспроизведен весь мир с его многообразием цивилизаций.

Такой результат американского эксперимента отнюдь не исключен, свидетельствуя о действия закона цикличности в развитии человечества.

Сноски

1

Из статей Збигнева Бжезинского в газетах «The Financial Times», 18 июня 2014 г., «The American interest», 6 марта 2014 г., «Nikkei», Япония, 12 января 2015 г.